

Рувидо & Кроули Хозяева плоской Земли

ПУТЕВОДНАЯ СИМФОНΙΑ

Тимоти Рувидо

**Хозяева плоской Земли.
Путеводная симфония**

«Издательские решения»

Руvido Т.

Хозяева плоской Земли. Путеводная симфония / Т. Руvido —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961844-3

Земля, конечно, круглая. Только не как шар, а как тарелка. Где всё происходит не совсем так, как нам рассказывают... Перед вами одна из тех редких книг, которая отвечает на извечные вопросы: кто мы такие и в чём смысл жизни. Отвечает иносказательно, но в том и суть — показывать зрячим. Где разница между религией и верой, злом и добром, мужчиной и женщиной, любовью и... любовью? Несмотря на внешнюю обыденность вопросов, затрагиваемых книгой, в художественной литературе тема раскрывается впервые.

ISBN 978-5-44-961844-3

© Руvido Т.
© Издательские решения

Содержание

ХОЗЯЕВА ПЛОСКОЙ ЗЕМЛИ	6
Часть I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Хозяева плоской Земли Путеводная симфония

**Тимоти Руvido
Конрад Кроули**

Переводчик Кирилл Шатилов

© Тимоти Руvido, 2023

© Конрад Кроули, 2023

© Кирилл Шатилов, перевод, 2023

ISBN 978-5-4496-1844-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ХОЗЯЕВА ПЛОСКОЙ ЗЕМЛИ

(путеводная симфония)

*Everybody loves somebody
Sometime...¹*

¹ «Все любовь когда-нибудь узнают...» - знаменитая песня, написанная в 1947 году, но снискавшая известность лишь после 1964 года, будучи исполненной Дином Мартином и Фрэнком Синатрой (здесь и далее примечания переводчика).

Часть I

Тимоти Руvido

Наш остров Фрисландия невелик, однако при желании его всегда можно найти на обычной карте. Когда-то его помещали к юго-востоку от Исландии, поближе к Норвегии, которая им в те времена владела, а заодно и к Шотландии, откуда чаще других к нам приплывали торговые корабли. В другой раз его можно было обнаружить хоть и по-прежнему южнее, но к западу от Исландии, отчего он превращался в естественный перевалочный пункт на пути из Европы в Новый Свет. По преданию именно наш остров стал последним приютом отцов-пилигримов, предпринявших в 1620 году на легендарном корабле «Мэйфлауэр» отчаянное путешествие из английского Плимута до мыса Код, что в нынешнем штате Массачусетс. В нашем роду даже поговаривали, будто за несколько дней их стоянки мы успели породниться с самим Уильямом Брэдфордом¹. Не стану утверждать, что это истинная правда, поскольку, как мы все знаем, на «Мэйфлауэре» переправлялись пуритане, не склонные к плотским излишествам. Правда, в старом сундуке, который раньше хранился на чердаке нашего прежнего дома, а теперь – в подвале дома нового, построенного моим отцом ещё в пору ссоры с моим дедом, лежит похожее на тряпочку письмо с плохо разборчивой подписью *У. Брэд*. Конец фамилии съело время, но я готов согласиться со своими предками в том, что это могла быть рука того самого Брэдфорда. Не знаю. Письмо это, адресованное моей много раз прабабке, я вот уже который год собираюсь как-нибудь сохранить от дальнейшего разрушения, однако всё, что мне пока удалось, это отсканировать его и попытаться разобрать уцелевшие слова с экрана компьютера. Я слышал, что есть какой-то дорогостоящий способ поместить бумагу внутрь стеклянной колбы и даже откачать воздух, но тогда уже точно никто из моих потомков не сможет к нему прикоснуться, а ведь именно прикосновение к истории так дорого любому живому сердцу. Пока я в раздумьях.

В течение довольно продолжительного времени наша Фрисландия перестала значиться на каких-либо картах вовсе. Причины тому, наверняка, есть, хотя мне они неведомы. Мне приходилось читать о том, что она – плод вымысла неудачливых любителей приключений, что на самом деле это вовсе никакой не отдельный остров, а такой же богатый рыбой край южного побережья Исландии, которую моряки и особенно рыболовы-промысловики повадились называть Фишландией, то есть Рыболандией. Тем более что на какой-то испанской карте 1480 года Исландия вроде бы была отмечена как Фискландия. Ученым, как водится, виднее. Вообще-то как нас на протяжении истории только ни называли. Кому-то показалось, что у нас слишком холодный, если не сказать морозный климат, и в некоторых летописях мне попадалось название Фризландия, то есть Страна Морозов. Уверяю вас, авторам этих летописей просто не повезло попасть к нам на остров поздней осенью, поскольку в остальное время года здесь вполне приятно находится, а зимой всегда снежно, и лично я холода не ощущаю.

Рассказываю я всё это вовсе не потому, что заинтересован в дополнительном притоке в наши широты туристов с ближайших островов и континента. Хотя чего скрывать, хуже мне от этого точно не будет, поскольку я не рыбак и не охотник, точнее, и рыбак, и охотник, только моим уловом и дичью служат довольно немногочисленные гости из упомянутых мест. Туризм у нас развит неплохо, посмотреть есть на что, а мне с детства так не хватало общения, что я при первой же возможности подался в экскурсоводы. И если бы не подался, не получил работу у старика Кроули, владевшего в ту пору единственной на нашем острове туристической

¹ Один из отцов-основателей Плимутской колонии, её первый губернатор и один из первых историков США.

контрой, то, глядишь, не было бы и всей этой злополучной истории. Поэтому, сами видите, рассказать об одном и при этом умолчать о другом я просто не имею возможности.

Кроули, как легко догадаться, был ирландцем, переселившимся к нам ещё в пору своей молодости, так что никаких личных воспоминаний у меня от того периода нет и быть не может. Когда мы познакомились, он был старше меня лет на сорок с хвостиком, а потому всю последующую жизнь я воспринимал его исключительно «стариком».

– Какого хрена ты спёр мою удочку, парень? – начал он нашу первую беседу.

Если учесть, что мне тогда было года три, то некоторые из приведённых выше слов сейчас кажутся лишними. Я их тоже не понял, хотя и запомнил.

Насчёт удочки Кроули был неправ. Я её, разумеется, не спёр, а взял поиграть, потому что это была не простая удочка, а спиннинг, замечательный, с серебряной катушкой, на которую наматывалась тонкая нитка. Я уже знал, как она называется: леска. Причём леска не только наматывалась, но и сматывалась, что было даже интереснее. Да и удочек в коллекции Кроули было такое множество, что, честно говоря, когда я умыкнул одну из них, мне и в голову не могло прийти, что старик её хватится. При этом я остался играть с удочкой посреди его большого двора, на самом видном месте, и увидел он меня лишь тогда, когда я окончательно запутался в леске и поднял крик.

Впоследствии Кроули признался, что я ему сразу приглянулся. Вероятно, он ожидал, что такой крикун при его появлении должен расплакаться от страха и убежать, в то время как я лишь стоял с удочкой в руке, продолжая машинально крутить катушку, и таращился на бородастого гиганта, присевшего рядом со мной на корточки. На самом деле я бы, конечно, убежал, если бы мои ноги к тому времени не запутались в леске. Заметив это, бородач достал складной нож. Но и тогда я не испугался. Просто родители мне никаких фильмов ещё не показывали, а ножи, подобные тому, что держал в кулаке Кроули, сочетались в моём детском мозгу с разделкой рыбы, то есть с чем-то вкусным и совсем не страшным.

Он разрезал ножом леску, и я получил долгожданную свободу. Однако по-прежнему не пустился в бегство, поскольку к тому времени Кроули мне уже понравился. Вернее, мне понравился исходивший от него запах. От моего отца всегда пахло рыбой и скотиной, от матери – скотиной и едой, а от Кроули не пахло ничем. В смысле, ничем, что было бы мне знакомо в ту пору. Позднее я понял, что так пахнет курительная трубка, виски и старые книги.

– Как тебя зовут, парень? – спросил он, забирая у меня спиннинг и разглядывая исподлобья.

– Лесли, – сказал я первое, что пришло мне на ум.

На самом деле Лесли звали очень нелюбимого мной поросёнка, которого мы ели в те дни. Невзлюбил я его, главным образом, за то, что на дармовых харчах этот Лесли, с которым я играл, когда он был маленькой, почти ручной свинкой, вымахал настолько, что обогнал меня, превратившись в здорового хряка. Хуже того: он перестал меня признавать, зазнался и даже не хрюкал, как раньше, при моём появлении.

– Послушай, Лесли, – сказал старик Кроули, поднимаясь в полный рост, – почему бы тебе ни заняться делом, ни пойти домой и ни передать матери... хотя, знаешь что, зайди-ка ты ко мне.

Он взял меня за руку, и я послушно поплёлся за ним.

Те из вас, кто уже побывал в нашей Фрисландии, прекрасно осведомлены о том, что мы не признаём калиток, заборов и прочих ограждений. Мы же люди, а не скотина, чтобы нас держать в загонах. Поэтому Кроули был сам виноват, что выставил свои замечательные удочки на солнце перед входом в дом, а я, гулявший, где хотел, наткнулся на них и заинтересовался. Дворами у нас считается просто земля, отделяющая крыльцо от общей дороги. Позади домов имеются, понятное дело, «зады», которые используются под хозяйские нужды. Там у нас и огороды, и всякая живность, и подсобные сараи. Туда я бы никогда не отважился сунуться,

поскольку разницу между «двором» и «задами» осознал раньше, чем научился говорить. Тем более чужой дом внутри. В чужие зады соседи у нас могут зайти только тогда, когда там есть хозяева. В дома – только тогда, когда их приглашают. С этим у нас очень строго, зато прекрасно получается экономить на замках и всяких дорогостоящих запорах. Теперь вы легко представьте мою оторопь, когда я понял, что Кроули ведёт меня через крыльцо напрямик в свой дом. С этого момента я искренне полюбил его как старшего друга и чувство это пронёс до самой его кончины.

– Постой тут, Лесли, – сказал он, когда мы оставили позади просторную веранду с креслом-качалкой, накрытым толстым вязаным пледом, и вошли в уютные сени.

О том, что сени могут быть уютными, я до тех пор не подозревал, поскольку в нашем доме это была просто прихожая, где постоянно валялись отцовские сапоги и стояли вёдра, лопаты и прочие орудия труда, не донесённые до сараев. Здесь же меня встретили стеллажи книг, стопки потрёпанных журналов на полу, высокий деревянный столик на стройных ножках и большущий кожаный шар, который на поверку оказался мягким и упругим одновременно. Собственно, книги и столик я рассмотрел уже в следующие посещения, а тогда всем моим вниманием завладел именно этот шар, сшитый из разномастных лоскутков кожи. И хотя Кроули сказал «Постой тут, Лесли», я, стоило ему скрыться в доме, полез на шар, который радушно принял меня в свои мягкие объятия. Должно быть, я являл собой действительно забавное зрелище, потому что вернувшийся вскоре хозяин при виде моих растопыренных рук и ног и блаженной улыбки на лице не выдержал и расхохотался. Смех у него оказался громкий, открытый и добрый, и с тех пор я искренне считаю, что именно так должны смеяться все бородатые люди.

– Передай матери от меня вот эту записку, – сказал Кроули, помогая мне сползти на пол. Он дал мне клочок бумаги, который я сразу сжал в кулаке, сообразив, что это нечто важное. – Сам дойдёшь или тебя проводить? – добавил он, когда мы снова оказались на улице.

– Сам, – буркнул я, и тут мы оба увидели мою мать, которая уже вышла на поиски младшего сына, то есть меня.

– Тимоша! – звала она, идя по дороге и оглядываясь по сторонам в надежде, что я на этот раз не стану играть с ней в прятки – в игру, которую я, признаться, очень любил, причём в самое неподходящее время.

Заметив нас, она всплеснула руками и прибавила шагу. К собственному удивлению я не стал вырывать руку из большой ладони Кроули, а послушно стоял и ждал, когда она подойдёт достаточно близко и поздоровается.

– У вас смышлённый сынок, – было первым, что сказал он, подталкивая меня к матери. Когда я повзрослел, а он постарел, Кроули по-прежнему звал меня именно так – сынок. – Я как раз отправлял его к вам с запиской. – Он задумчиво посмотрел на меня. – Так ты, выходит, Тимоти?

– Тим, – поправил я.

Тимошей меня называла только мать. Даже отец почему-то стеснялся повторять за ней это ласковое словцо, которое проникло к нам в дом с матерью моей матери из далёкой России. Кроме неё, моей бабушки, никто по-русски у нас в роду не говорил. Она застала моё появление на свет, и мать переняла у неё этого Тимошу на случай, когда хотела сказать: я знаю, что ты напроказничал, но не собираюсь тебя за это наказывать.

Затем последовал разговор, подробностей которого я уже не помню, поскольку всё время пытался разобрать значки на бумажке у меня в руке. Правда, я понял, что теперь они никому не нужны, раз этот бородатый старик и моя мама встретились, и по возвращению домой молча бросил записку в камин. Суть их разговора стала мне очевидна в тот же вечер, когда мама за ужином поведала отцу, что Дилан Кроули, наш сосед, открывает на острове контору по привлечению туристов, а её приглашает в новый, почти достроенный трактир поварихой.

– Главной поварихой, – уточнила она.

– Единственной, – хмыкнул отец, прищуриваясь.

Мать с отцом никогда не ругались. Не помню, чтобы я слышал в её присутствии из его уст хоть одно бранное слово. Когда он стал брать меня с собой на промысел, о, там я наслушался такого, что до сих пор стараюсь и никак не могу забыть! Обращался он в таких случаях не столько ко мне или к своим друзьям-напарникам, которые частенько подражались ему помогать, сколько к океану, рыбе и сетям. Удочки отец не признавал, считая их баловством и пустой тратой времени. Улов шёл на продажу да на зимние заготовки, а значит, рыбы должно быть много, безсчётно² много. Большую часть составляла замечательная «осенька», которую приезжие к нам обычно знают как омуль, но мы, местные, издавна знакомые с латинским языком, на котором она *Coregonus autumnalis*, то есть «корегонус осенний», окрестили её по второму слову. Ещё мы с отцом заготавливали треску, приходившую к нам с Атлантики, вялили капеллана, иначе говоря, мойву, и морозили лучепёрую пикшу, которая хорошо шла на рынке в соседнем Окибаре – центральном городе юга. Когда я достаточно подрос, мы иногда ходили с ним вдвоём на рыбалку, более походившую на охоту, потому что вместо сетей по обоим бортам баркаса ставились среднего размера гарпуны. Добычей нашей в такие дни была синяя зубатка, рыба опасная, но любимая мной не только за вкус, но и за то, что для меня в то время она была всё равно, что акула. Как вы знаете, своим названием она обязана, разумеется, зубам, которые растут у неё аж в несколько рядов – на челюстях, на нёбе и на сошнике. С сетями на таких не походишь, если только у тебя сети не из стальной проволоки. Нам частенько попадались экземпляры почти с меня ростом и по три стоуна³ весом. Парочка таких рыбёшек, и можно возвращаться домой. Мы же обычно привозили с двух ночёвок на воде по пять-шесть штук, за что получали шуточный нагоняй от матери, которой приходилось со всеми этими тушами возиться.

На самом деле к тому моменту, когда я научился управляться с гарпуном, моей сестре Тандри уже исполнилось четырнадцать, и она помогала матери не только по дому, но и в растущем хозяйстве Кроули, старания которого год от года приносили свои посильные плоды. Я к тому, что ни одна из пойманных или подстреленных нами рыбин и рыбёшек никогда не пропадала даром, и переживания матери были скорее переживаниями жены. Отпуская нас одних и понимая, что мне нужно привыкать к взрослой жизни, она в душе боялась, как бы что ни приключилось. Если что-то с тобой произойдёт, напутствовала она меня всякий раз, твой отец этого не перенесёт. Я знал, что у меня был старший брат, я даже знал, что его звали Галин, но он трагически погиб, и отец всю оставшуюся жизнь считал это своей виной. Подробности неизвестны мне до сих пор.

Отец мой пришёл в наши места с севера, из большого города Кампа, прославленного своими высокими крепостными стенами, с незапамятных времён хранившими его то от набегов морских разбойников, то от наводнений, то от нашествия лесных медведей, которые одно время плодились в тех местах с такой силой, что переставали находить себе прокорм и отваживались нападать на человека. Сейчас ничего подобного давно уже не происходит, северяне медведей охраняют, и это одна из причин, почему они не слишком охотно идут на щедрые предложения от нашей конторы по поводу обустройства территорий для охоты. Я их понимаю, но всё меняется даже на нашем острове, и я предполагаю, что, в конце концов, кто-нибудь из тамошних старейшин склонил бы седую голову, махнул рукой, и мы открыли бы первое во Фрисландии коммерческое медвежье уголье. Всему своё время, если его не торопить.

Так вот, именно медведь стал невольной причиной появления меня, моей сестры, Галина и, если смотреть дальше, всей этой истории. Тот самый медведь, который попытался задрать моего деда, отца моей матери, когда в один прекрасный день Хромой Бор (ибо таково было

² Здесь и далее используется правильное написание русский слов – с приставкой «без-». С бесовщиной надо бороться.

³ 1 стоун – 6,35 кг.

его прозвище и имя) отправился в странствие по острову. Дед искал золото. Он, говорят, всегда был несколько странным, а тут кто-то нашептал ему, будто по весне на западном побережье в районе Северного залива (честно говоря, я никогда не мог взять в толк, почему залив на западе называется Северным) потерпело кораблекрушение торговое судно не то из Норвегии, не то из Канады. Команда спаслась, прожила на острове больше недели, а когда пришедший за ними пароход с большой земли уже отчаливал, обнаружилось, что безследно пропал судовладелец, точнее, человек, арендовавший судно для перевозки одному ему да капитану известного ценного груза. Груз хранился в тяжеленном ящике с хитроумно подвязанными по всем четырём сторонам буями, не давшими ему утонуть во время крушения. Надо ли говорить, что судовладелец исчез вместе с ящиком. Рассказавший эту историю деду был уверен в том, что кто-то из команды уколошил беднягу, а драгоценности надёжно спрятал, то есть зарыл. Почему в ящике обязательно должны были оказаться драгоценности, никто не знал, но с тех пор дед потерял покой и в итоге отправился туда, где всё это время экипаж корабля квартировал – на северо-запад. Мать моя тогда была молоденькой девушкой и на пару со своей матерью согласилась отпустить деда только после того, как он красочно расписал, какие подарки в виде украшений привезёт им обеим, если ему посчастливится найти зарытый убийцами клад. Клада он в итоге не нашёл, попал в переделку с голодным после зимней спячки медведем, а в качестве подарка привёз моего будущего отца. Вернее, это мой отец привёз его, изрядно покусенного и полуживого, обратно домой, да так и остался под предлогом того, что умеет выхаживать жертв медвежьего гнева. На самом деле он ехал торговать пушниной в Окибар, подобрал по дороге окровавленного деда, сделал крюк, увидел мою мать, и понял, что приехал. Воз пушнины стала неплохим приданым. Дед для вида поломался, но ничего поделывать с молодёжью не мог и в итоге согласился. Сколько его помню, он всегда прихрамывал на левую ногу. Кроме того, к старости у него настолько ослабело правое веко, что он заканчивал свои дни, глядя на мир одним глазом. Вот друзья и звали его, помимо Хромого Бора, кто Гефестом⁴, кто – Одином⁵.

Жену Одина, как все знают, звали Фригг, или Фрея, в честь которой благодарные потомки окрестили пятый день недели⁶. Моя же бабушка носила старое русское имя Ладомила и, по словам матери, всегда просила не путать его с гораздо более распространенным именем Людмила. Как я уже говорил, мне её знать почти не довелось. В памяти моей остались только несколько картинок наших с ней прогулок на берег, когда она брала меня на руки, называла Тимошей и указывала куда-то далеко-далеко за горизонт. Она улыбалась, а мне становилось грустно, и я плакал. Сейчас я предполагаю, что она хотела показать мне свою далёкую родину.

Вообще люди попадают к нам во Фрисландию из самых разных мест, правда, не все приживаются. Хотя климат у нас не такой уж и суровый, как можно вообразить, глядя на карту и сравнивая с северной Шотландией, Шетландскими, Фарерскими островами или с той же Исландией. Летом, когда воздух прогревается до двадцати градусов Цельсия, мы, южане, частенько купаемся. Вода в это время кажется даже теплее воздуха, возможно, благодаря атлантическим течениям. На севере, куда течения не доходят, вода слишком бодрит, и северяне из Кампы по-соседски приезжают понежиться на солнышке к нам – в Окибар и расположенную чуть подальше на восток крупную деревушку, или мелкий городок, Соранд. Когда Кроули открыл свою контору и построил небольшую паромную станцию, он стал возить желающих через узкий пролив Анефес, на ближайший к нам необитаемый остров со звучным названием Монако. Только если французы ударяют свой напыщенный городок на последнее «о», то мы

⁴ Греческий бог огня и кузнечного ремесла. Хромал на обе ноги после падения с горы Олимп.

⁵ Германо-скандинавский верховный бог, покровитель воинов, хозяин Вальхаллы и повелитель валькирий. Отдал один глаз, чтобы получить возможность испить из источника мудрости.

⁶ *Friday, Freitag* и т. п.

склонны бить его по первому. На Монако есть целых два гейзера, так что отдыхать там можно чуть ли не круглый год. Благодаря своему положению Фрисландия избежала участи упомянутых северных стран и не превратилась в вылизанные промозглыми ветрами скалы, на которых растёт разве что мох да можжевельник. Вся центральную часть нашего острова занимают настоящие густые леса, какие вы можете встретить хоть в Канаде, хоть в Швеции, хоть в таёжной Сибири. А иначе где бы, спрашивается, мы охотились? Да и почвы за счёт лесов не такие непригодные для взращивания всякий злаков, какими могли бы быть. Жить, одним словом, можно и жить неплохо, однако не каждому дано понять всю прелесть наших диких мест. Кого только ни заносило к нам попутными ветрами! О совершивших временную стоянку я вообще не говорю. Уже на моём веку здесь высаживались с намерением остаться на поселение: многодетное семейство староверов из Белоруссии, трое лихих братьев родом не то из Ливии, не то из Ливана, одинокая норвежка, помешанный на рыбалке старый английский лорд, парочка знаменитых немецких актёров и вежливый раввин из Нью-Йорка. К сегодняшнему дню из всех из них осталась лишь норвежка, нашедшая мужа, и немецкая актриса, мужа потерявшая. Староверы, никем не понятые и не получившие никакой материальной поддержки как «беженцы совести», на что они почему-то искренне рассчитывали, уплыли дальше, на запад. Ливийские братья, вероятно, решившие, что смогут тут всех запугать, как им удавалось проделывать это в Европе, и собиравшиеся организовать нечто на манер мафии, были благополучно зарублены нашими добродушными мужиками и пошли на корм зубаткам. Запугать они успели только английского лорда, который не понял, где оказался, побросал свои дорогие удочки и с позором бежал домой.

С раввином вышло вообще грустно и трогательно. Ури Шмуклер, как он представлялся, затеявая беседы прямо посреди дороги, не обладал ничем выдающимся, кроме носа, способного потягаться в размерах с нашей садовой мотыгой. На остров он прибыл для того, чтобы обратить нас в свою веру. Поскольку говорил он вкрадчиво, всё больше улыбался и никому не вредил, народ не находил повода выставить его взащей и просто терпел, отвечая на веле-речивые увещевания понимающими взглядами и равнодушными кивками. Ури всё это понимал по-своему и храбрился. Он с чего-то взял, что очень нам нужен, ходил гордый, держа под мышкой потрёпанный кожаный портфель, и всем своим видом показывал, что ему у нас жутко нравится. Вероятно, так оно на первых порах и было. Остановился он на постой не где-нибудь, а в нашем старом доме, который отец после кончины деда привёл в порядок, а мать, следуя наставлениям Кроули, приспособила под гостевую. Я был тогда ещё слишком юн, чтобы жить без родителей, а Тандри вышла замуж за Гордиана, программиста из Окибара, и перебралась к нему. Ури был явно при деньгах, поскольку заплатил нам за полгода вперёд, рассчитывая за это время выполнить возложенную на него миссию и обратить в свою веру если не всю Фрисландию, то хотя бы нашу деревеньку. Поначалу он пробовал ездить по югу, добрался до Соранда, но там его видимо побили. Во всяком случае, вернулся он быстро и два дня не показывался на улице, залечивая ушибы и синяки. Неудача его не сломила, и он отправился в Окибар на поклон к нашим старейшинам. Мы между собой посмеивались, зная, что его там ждёт, и были удивлены, когда он не возвратился ни назавтра, ни через два дня, ни к концу недели. Догадываюсь, о чём вы подумали: бедняга либо запил с горя, либо на радостях заго-стил у какой-нибудь тамошней красотки. Спешу вас удивить: ничего подобного Ури Шмуклер не смог бы сделать даже при большом желании. По той простой причине, что на нашем острове не настолько скучно, чтобы открывать питейные заведения и уж тем более позволять женщинам позорить своё добропорядочное имя. Благодаря нашей всеобщей любви к уединению и спокойствию, отчего нас иногда в серьёзных научных книгах сравнивают со средневековыми японцами, мы исстари не ведаем таких пагубных явлений, как религия, публичный блуд и демократия, придерживаясь заповедей предков и здравомыслия. У нас это жизнеустройство называется древним термином «фолькерул», когда шестеро отцов семейств выбирают седь-

мого, старшего, получающего титул «септус», в чём знакомые с латынью уловят и «семёрку», и «ограду». Шесть септусов выбирают своего старшего, «фортуса», в котором звучит и латинская «прочность», и германское «четырнадцать». Затем уже двенадцать фортусов выбирают «патернуса», и, наконец, совет патернусов назначает старейшин в четыре крупнейших города острова: Окибар на юге, Кампу на севере, Доффайс на востоке и Санестол на западе. Фолькерул позволяет нам не иметь таких затратных статей расходов, как суды, тюрьмы и полиция. Суды вершатся на общих сходах родов под предводительством септусов, где решения принимаются единогласием и сразу же приводятся в исполнение, без проволочек и обжалований. Виновные наказываются, невинные отпускаются, никто никого не перевоспитывает и не сторожит. Что же до общего порядка в городах и деревнях, то, как говорится, «зачем нужны дворники, если каждый сам отвечает за свой мусор». С детства у нас прививают лишь одно простое нравоучение: не желай ближнему того, чего не пожелаешь себе. В дополнение к фолькерулу его вполне хватает для того, чтобы в пору взросления мы входили с полным пониманием, что делать можно, а что – нежелательно. Надо ли добавлять, что при таком устройстве никакая религия, взращиваемая и вскармливаемая на человеческих пороках, не приживается, как её ни насаждай. Дед мне рассказывал, что в стародавние времена к нам на остров приплывали корабли с незваными гостями, которые хотели, наподобие Ури, предложить своё видение праведной жизни, с блестящими крестами, душистыми кадильницами, плаксивыми песнопениями и призывами непонятно зачем и перед кем смиряться. Только в отличие от Ури приплыли они не налегке, а в сопровождении небольшой, но хорошо обученной армии, задачей которой было убедить наших предков послушаться гласа их бога, понастроить молелен, креститься и таким образом спастись от грядущей гибели. Предкам всё это не понравилось, однако из любопытства они позволили заезжим жрецам провести показательную службу. Когда же те, вдоволь напевшись и устав молоть языками, стали предлагать всем присутствующим съесть кусочек плоти их любимого бога и запить эту гадость его кровью, матери увели детей, а отцы, вооружившись кто чем, устроили гостям пышные проводы. Корабли, которые больше не понадобились, решено было сжечь, чтобы не напоминали о том чёрном дне, хотя, по словам деда, некоторые из наших мастеров впоследствии переживали, уж больно хороша была оснастка и прочны паруса. Несмышлёной ребятнёй, помню, мы бегали в те места, где на краю поля стоял просевший от времени курган, и пытались откопать что-нибудь интересное. Однажды я принёс домой красивый железный крестик с разноцветными камушками и первым делом похвастался отцу, за что был незамедлительно отшлёпан и навсегда с находкой разлучён.

– Кто твои боги? – спросил он меня, глядя сверху вниз на мои грязные щёки, и довольный, что не видит ручьёв слёз.

– Ты да мамка, – ответил я, как учили, и хлопнул носом.

– А ещё кто нужен?

– Никто...

– Ну вот и ступай делами заниматься. А как узнаю, что ты снова к курганам подходишь, ладонь пожалею.

Я понял отца правильно и с полуслова. «Ладонь пожалею» должно было означать, что за следующий проступок я получу, скорее всего, по-взрослому, ремнём. Мне тогда ещё повезло. Моего закадычного приятеля Льюва его папаша за находчивость отодрал так, что тот потом долго морщился всякий раз, когда садился.

Ури Шмуклер вернулся через девять дней, очень задумчивый, погрузневший и без портфеля. Целыми днями просиживал перед домом или на берегу, глядел на волны, на рассветы и закаты, разговаривал сам с собой и всем своим видом давал понять, что готов вот-вот утопиться или повеситься. Поскольку никому, кроме разве что моей матери, до него дела не было, он сводить счётов с жизнью не стал, продышался, выговорился, растёр как следует нос и повеселел. Как-то я застал его по-соседски беседующим с Кроули. Оба устроились на бочках, укра-

шавших причал перед нашей конторой, и Кроули угощал раввина трубкой с кубинским табаком. Погода была безветренная, и на причале стоял густой сигарный запах. А всё потому, что Кроули имел привычку курить именно тот табак, который выковыривал из кубинских сигар. Другого он не признавал. Ури кашлял, улыбался, но сдаваться не спешил. Так они сидели некоторое время, разговаривая ни о чём, пока раввина из Нью-Йорка ни вздумалось услышать мнение Кроули о его религии.

– Я вот не понимаю, – сказал он, прикрывая нос шарфом, – почему, если мы все произошли от Адама, вы так настойчивы в своём желании отличаться от остальных?

– Кто произошёл от Адама? – не расслышал Кроули.

– А вы не в курсе? – Ури оживился. – Люди произошли от Адама. Не от обезьяны же.

Кроули пустил из-под усов струю дыма, покосился на собеседника и уточнил:

– Кто создал Адама?

– Иегова, бевадай⁷!

– Хорошо, а до Иеговы?

– В каком смысле?

– В прямом. – Кроули посмотрел на меня, делавшего вид, будто чищу поручни уставшего от ожидания пассажиров парома. – Вы Тору читали?

– Читал ли я Тору?! Господин Кроули, я так читал Тору, что мне уже кажется, что я её писал.

– Ну тогда, рав Ури, напомните мне, кто создал адама в первой главе Бырэйшит? Адама, разумеется, с маленькой буквы, а не того, который появляется во второй.

Нос Ури оживился, ноздри раздулись, втянули морской воздух и задрожали. Стало понятно, что Кроули не тот простак на бочке, за которого он его до сих пор принимал. Я перестал тереть поручень и вспомнил все те шкафы и полки в доме моего старого друга, заваленные книгами, которые он не только собирал, но и почитывал. Надвигался ураган.

– Элохим, – сказал Ури и выжидательно посмотрел на собеседника.

– Просто Элохим?

– Просто Элохим.

– Кто такие?

– Бог.

– Или всё-таки «боги» во множественном числе?

– Ну, да, боги, но глагол...

– Значит, в первой главе боги по образу и подобию своему создают адама, причём сразу мужчину и женщину. А во второй главе Элохим Иегова, как у вас его с тех пор постоянно называют, что христиане переводят как «Господь Бог», снова создаёт Адама, одного, из глины, а потом из этого Адама делает ему жену Еву. Так, может быть, если вдуматься, то в первой главе боги создали не человека, а сразу человечество, мужчин и женщин, после чего один из богов, самый шустрый и активный, когда боги Элохим на седьмой день, увидев, что у них всё хорошо получились, пошли отдыхать, смастерил себе две куклы, с которыми потом всю книжку играет, которых пугает и страшает? Никогда не задумывались?

Раввин решил было обидеться, но вместо этого затянулся трубкой и первый раз не закашлялся. Кроули тем временем продолжал:

– Я ведь человек простой и понимаю всё написанное буквально. Талмуда вашего, который Торе все косточки переживает, не читал и в ближайшее время не собираюсь, да всех его томов и не найти, если только вы мне в этом не поспособствуете. Ограничиваюсь тем, что есть. А то, что есть, со всей очевидностью утверждает, что нас с вами создавали разные боги. Так зачем нам идти под вашего бога, когда нам своих вполне хватает? Тем более что наших ни бояться,

⁷ Разумеется (ивр.)

ни молить о помощи не нужно. Они сами знают, кому, в чём и когда нужно помочь. Они же наши создатели, наши предки.

Собеседники замолчали, а я вернулся к работе. Кто такие раввины, я знал понаслышке, и мне представлялось, что они ребята хитрющие и всё на свете могут объяснить выгодным им образом. Почему Ури Шмуклер не пустился тогда в духовный спор, ума не приложу. Кроули потом мне сказал, что духовного у них спора не могло получиться уже потому, что у ортодоксальных адамитов нет духа. Душа есть, а духа нет.

В другой раз вышло наоборот: равви Ури разговорился со мной. Я дежурил в конторе, пока Кроули отходил перекусить. Когда он вернулся, меня уже почти убедили в том, что гиюр⁸, это не такой уж страшный обряд и что пройти его должен всякий уважающий себя мужчина. Как я впоследствии понял, самые узкие места гиюра Ури в нашей беседе умудрился обойти, не сказав главного. Появление Кроули заставило моего собеседника сбавить обороты, но было видно, что он весь в священном порыве, поскольку я оказался первым слушателем, не пославшим его сразу и далеко. Кроули покачал косматой головой.

– «Израилю столь же тяжело от прозелитов⁹, как от язвы». Откуда это, рав?

– Йевамот¹⁰, стих сорок седьмой.

– Выходит, за неуютное вашему богу дело вы взялись, рав.

– Отчего же, господин Кроули? В Мидраше¹¹ сказано обратное: истинный прозелит дороже в глазах Иеговы, нежели человек, рождённый евреем.

– Из вас получился бы хороший юрист, рав. Никогда не пробовали?

– Я и есть юрист, – без улыбки ответил Ури Шмуклер.

Кроули вернулся, я мог идти по делам, однако задержался, чтобы послушать, куда дальше выведет их учёная беседа. Заговорили про прозелитов вообще. Хорошо ли это? Кому и когда подобает менять одну веру на другую? Что может к этому подтолкнуть? В отличие от меня раввин искренне удивлялся познаниям старика в истории и географии стран, где он никогда сам не бывал. С прозелитов перешли на чистоту крови вообще и семитскую кровь в частности. Кроули уточнил, из каких именно семитов будет наш гость. Тот сказал, что его бабки с дедками приехали в Новый Свет через Германию из Польши. Кроули вздохнул и поинтересовался отношением Ури к арабам. Ури пожал плечами. Из всего этого Кроули сделал и озвучил вывод, что тот ашкеназ и антисемит. Чем вызвал взрыв негодования, выслушал всё, что последовало, а когда Ури уgomонился, уточнил:

– Хотите сказать, арабы не семиты, рав?

– Семиты.

– Тогда как назвать тех, кто призывает к их угнетению? И не только призывает, но и постоянно с ними воюет?

– Евреи.

– Но вы ведь не еврей, рав.

– Ах, господин Кроули, зачем вы так говорите! Как это не еврей?

– Вы иудей, но не еврей. Ваши предки, будучи ашкеназами, приняли иудаизм, как приняли его в своё время те же бедуины, персы, эфиопы, татары, кавказцы и многие другие, кто никогда до этого не покидал своих мест обитания и никогда ниоткуда не изгонялся и в плен ни в какие вавилоны и египты не попадал. Тим, передай-ка мне вон ту книжку, что стоит на второй полке слева. Нет, пониже, с синим корешком. Да, правильно. Вот, рав, почитайте, если хотите, вашего же историка Шломо Занда, который популярно рассказывает, когда, где

⁸ Обряд обращения нееврея в иудаизм.

⁹ Перешедший из одной религии в другую.

¹⁰ Один из трактатов письменного Талмуда.

¹¹ Раздел устной Торы.

и сколько народа перешло в иудаизм, не будучи евреями по крови. Если он говорит правду, то получается, что палестинские арабы и есть исконные жители Израиля. Как и «афро-американцы», названные так лишь затем, чтобы скрыть истину: они не негры, а всё те же индейцы, исконные жители Америки и вовсе не потомки африканских рабов.

Вообще мне очень нравилась эта особенность старика Кроули. Он никогда ни с кем не спорил и почти никогда не пускался в пространные объяснения своих взглядов. Если он чего-то не знал, то просто помалкивал, но уж если знал, то говорил, как рубил, и нисколько при этом не интересовался реакцией и встречными доводами собеседника. Они его просто не интересовали.

После того достопамятного разговора в голове бедного Ури Шмуклера произошло нечто такое, что заставило его покинуть наш остров с первым же попутным кораблём. Он так спешил, что впопыхах совершенно позабыл вернуть Кроули одолженную книжку с синим корешком. При этом отправился он вовсе не домой на запад, а на юго-восток, в Европу. Сведущие люди рассказывали, что из Европы он, не останавливаясь, домчался до Израиля и там почти сразу же вступил в ряды борцов за права палестинцев. Кто-то даже как будто видел его по телевизору, загорелого, посвежевшего и такого же длинноносого, когда он по-английски кричал в микрофон журналиста арабского новостного канала, призывая своих соплеменников реже слушать раввинов и чаще вспоминать о боге. Не знаю, кем он в итоге стал, жив или нет, но с тех пор в наших краях больше ни один священнослужитель, равно как и юрист, не объявлялся.

Эта показательная история, если вы ещё не забыли, отвлекла меня от рассказа о Ладомиле, моей русской бабушке и матери моей матери. Хромого Бора она повстречала не где-нибудь, а в Берлине, в последние дни войны. Хромым он тогда, разумеется, ещё не был, имел прекрасную выправку и произвел на юную переводчицу неизгладимое впечатление. Кстати, в отличие от неё, первой выпускницы московского Военного института иностранных языков, дед попал на фронт, как водится, совершенно случайно. Можно сказать, по недоразумению. Один из сопровождавших атлантический конвой ленд-лиза¹² крейсеров США вошёл в пролив Анефес и бросил там якорь на целых три дня, пока команда вынуждена была ремонтировать частично отвалившийся по дороге скуловой киль. Деталь, понятное дело, не сказать, чтоб жизненно важная для судна, однако поскольку отвалился он не весь, оставшаяся часть крайне затрудняла маневрирование. Дед был всегда человеком любознательным, а в молодости ещё и отчаянным. Поэтому, не поставив в известность родителей, он вместе с новыми друзьями-матросами, рассказывавшими ему много интересного о плавании по океану, погрузился в шлюпку и отправился на крейсер, будучи в полной уверенности, что, погостив несколько часов и осмотрев столь интересное хозяйство, благополучно вернётся на берег. Увиденное на крейсере, а тем более радушие команды, угостившей бравого гостя невиданными доселе спиртными напитками, привели деда в такое непотребное состояние, что он заснул прямо в румпельном отделении, а когда проснулся на жёстком железном полу от тряски, грохота и раскачивания, обнаружил, что родная Фрисландия уже далеко за кормой. Портом назначения конвоя, к которому был приписан дедов крейсер, оказался Мурманск, однако, как оно часто бывает, если уж что-то не заладится, ничего путного не жди. Нагоняя своих, американцы переоценили возможности судна и перегрели моторы. Пока они плелись вдоль берегов оккупированной немцами Норвегии, их заметили и попытались расстрелять с воздуха. В этом месте дед любил рассказывать, как собственноручно подстрелил из самозарядного «гаранда» пикировавший на них бомбардировщик «Юнкерс-87», хотя я подозреваю, что это вряд ли возможно, и просто его выстрел совпал с удачным попаданием из палубного орудия. Как бы то ни было, атака была успешно отбита, а деда новые друзья сочли настоящим героем и приняли в своё американское братство. Между тем командование крейсера получило радиogramму о том, что

¹² Программа поставки помощи между союзниками в 1941—1945 гг.

основной конвой уже выполнил задание и отчаливает из Мурманска в обратном направлении. Продолжать путешествие было бессмысленно, и крейсер, встав на рейд в нейтральных водах, несколько дней дожидаться остальных.

За это время дед проникся идеей мировой войны и решил во что бы то ни стало в ней поучаствовать. Вероятно, сила его желания была настолько велика, что когда крейсер уже двигался в фарватере остального конвоя, радисты приняли приказ главнокомандования менять маршрут и идти к берегам Великобритании, где в то время формировалась союзническая эскадра. В довершении неприятностей на Северном море поднялся небывалый даже для тех широт шторм, в результате которого судно отнесло на запад, в датские воды. Потерявшая за попытку отбиться от своей оккупации двух солдат, Дания поспешно сдалась Германии, и ко времени описываемых дедом событий там уже квартировало шесть дивизий вермахта. Хотя Фрисландия всегда и всюду сохраняла полнейший нейтралитет, не вмешиваясь в дела других и не позволяя никому вмешиваться в свои, дед не мог рассчитывать на то, что, оказавшись в плену у немцев в числе американских военных, будет под фанфары выпровожен из страны на все четыре стороны. Поэтому когда их крейсер вступил в неравный бой с береговыми батареями измелчавших потомков некогда свободолюбивых викингов, он снова вооружился верной винтовкой и встал со своими новыми братьями по оружию плечом к плечу. Крейсер подбили, он стал быстро набирать воду и стремиться ко дну, уцелевшие храбрецы попрыгали в шлюпки и рванули берегу. Дальше произошло нечто подобное знаменитой высадке в Нормандии в «день Д», только в миниатюре. Под градом пулемётных очередей они с грехом пополам добрались до пологого берега, где можно было спрятаться разве что за песчаными сопками. Только сейчас смельчаки осознали, что судьба привела их в лапы врагов. Потеряв половину команды убитыми, не имея возможности помочь раненым, они решили сдаваться. Вернее, пока они решали, стараясь перекричать друг друга и жужжащие вокруг пули, корабельный кок сорвал с себя белый халат, привязал к дулу ружья и встал в полный рост, размахивая им. Не на шутку раззадоренные датчане успели по нему пару раз пальнуть, но только ранили в ногу. В итоге из пятисот членов экипажа сдалось чуть больше двухсот уцелевших. Их разместили в двух больших амбарах и круглосуточно охраняли в ожидании дальнейших распоряжений. А поскольку война уже близилась к своему неминуемому завершению, никаких определённых распоряжений из штаба не поступало. Сами же американцы разделились на тех, кто призывал остальных ждать и верить потому, мол, что они представляют собой большую ценность и их обязательно на кого-нибудь выменяют, и тех, кто был уверен, что их, в конце концов, пустят в расход. Дед относился ко вторым. Он вообще, если вы ещё не поняли, особым терпением не отличался. На третью или четвёртую ночь они избавились от верёвок, нашли в полу лаз и стали по очереди выбираться наружу. Остаться больше никому не хотелось, так что побег растянулся, народу повылезало много, их заметили, снова началась пальба, и здесь уже каждый оказался за себя. Дед к этому моменту успел разоружить одного из охранников и смог открыть ответный огонь. Почему-то датчане побоялись его преследовать. На пару с приятелем они прыгнули в мотоцикл с коляской и рванули, куда глаза глядят. Горючего хватило ровно на то, чтобы доехать до ближайшего городка под названием Тённер. Поскольку мотоцикл был военный, немецкий гарнизон поначалу принял их за своих, то есть за датчан. Разумеется, подлог очень скоро открылся. Пришлось снова поднимать руки и сдаваться на милость автоматчиков. Немцы повели себя более миролюбиво. Правда, они расстреляли приятеля деда. Очевидно потому, что тот попался им в американской военной форме и решил погеройствовать, мол, меня нельзя трогать, не то дядя Сэм покажет вам кузькину мать. Дед же был по жизни высок, на крейсере формы ему не нашлось, и он все время оставался в том, в чём случайно сбежал из дома. Немцы так и не поняли, кто он, но поняли, что не русский и не штатовец. Пожалели, одним словом, молодого да желторотого. Более того, когда убивали его приятеля, дед, конечно же, сложа руки не сидел и попытался помешать расправе, за что получил пулю

в бок. Ранение оказалось сквозным, крови вытекло много, но неподалёку располагался госпиталь, и деда отправили туда. Госпиталь находился в зоне местного аэродрома и обслуживал эвакуированных с фронта офицеров СС. Дед провёл там несколько спокойных дней, соображая, как поступить дальше. Заодно познакомился с соседом по койке, неплохо говорившим по-английски. Из разговора с ним он понял, что его здесь принимают то ли за шведа, то ли за голландца, одним словом, почти за своего.

Один из последних дней в госпитале дед запомнил очень хорошо. Было 29 апреля 1945 года. Утром он видел из окна, как на посадочной полосе разворачивается только что севший «Юнкерс» с чёрно-белым крестом на фюзеляже. Самолёт сразу же окружил весь местный генералитет, выстроившись по стойке смирно. Стало понятно, что прилетел кто-то важный. По трапу спустились трое мужчин, три женщины и овчарка, которым собравшиеся дружно отсалютовали и что-то крикнули. Прибывших куда-то увели, но через некоторое время один из них, обаятельный, с красивым голосом и неспешными манерами в сопровождении целой свиты вошёл в госпиталь. Кто могли, повскакивали с мест, подбрасывая руку в приветствии, однако гость сделал знак, чтобы все успокоились, и минут пятнадцать увлечённо говорил. Сосед впоследствии пояснил деду, что речь шла о некоем адмирале Карле Дёнице, Верховном главнокомандующем вооружённых сил Германии, который уполномочивался вести переговоры с западными союзниками вплоть до подписания пакта о безоговорочной капитуляции. Закончив речь, оратор двинулся между койками, пожимая руки раненым. Пожал он руку и деду. Тому запомнились грустные глаза, тонкие усики и большая ладонь. Сразу после этого все прибывшие снова погрузились в самолёт и улетели в западном направлении. Так мой дед, сам того не зная и не желая, лично познакомился с Адольфом Гитлером. Которого, как все знают, обнаружили на следующий день, 30 апреля, застрелившимся в бункере. Правда, его же вскоре нашли сожженным вместе с женой в траншее в парке при Канцелярии. Застрелившийся труп советы забрали на экспертизу в Москву, где он впоследствии затерялся. Сожженный труп исследовали союзники, правда, исследовать, кроме зубов, там было нечего, а все архивные данные на эту тему были уничтожены лечащим врачом фюрера ещё 20 апреля, сразу после дня рождения последнего. Тот же, кому накануне жал руку мой дед, явно не был похож на человека, который на следующий день будет пускать себе пулю в лоб или надкусывать капсулу с цианидом. Да и курс его «Юнкерс» брал явно не обратно на юг, а скорее на Испанию. Именно этими сомнениями дед поделился с моей бабушкой, когда встретил её через месяц в Берлине, и она наивно, как и все, радовалась, что война закончена, а главный враг получил своё. Поверила она ему лишь тогда, когда в середине июля на конференции в Потсдаме её тогдашний кумир по фамилии Сталин принялся настаивать на том, что Гитлер скрылся. Он так и сказал: «возможно, в Испании или Аргентине». Правда, это уже совсем другая история, а тогда, в датском госпитале, дед думал лишь о том, как бы снова удрать.

Первая неделя мая стала свидетельницей больших перемен в континентальной Европе. Брошенные на защиту Берлина датский и норвежский полки были жестоко разгромлены, и 2 мая их окровавленные остатки капитулировали. Бывшие союзники немцев, избежав в таком качестве гибели за пять лет до этого, теперь поспешили сделать вид, будто всё это время в их странах сжимало свой боевой кулак местное сопротивление. Если в конце 1944 года, говорят, в Дании насчитывалось 25 тысяч подпольщиков и партизан, к маю их стало в два раза больше. И если в первую цифру верится с трудом, то вторую дед ощутил на себе, когда однажды на рассвете Тённер проснулся под треск пальбы и воинственные крики: датчане, очень может быть, что те же самые, которые обстреливали с берега их крейсер, теперь набросились на бывших однополчан-немцев и стали их уничтожать дом за домом, отряд за отрядом. Датчанином оказался и сосед деда по койке. Ещё накануне он весело горланил по-немецки и прикидывался своим в госпитале, а сейчас, видя, как всё оборачивается, раздобыл где-то оружие и не пожалел даже ухаживавших за ними санитаров, кроме, разумеется, местных. Деду всё

это не могло понравиться, но выбирать приходилось между жизнью и смертью, так что он был вынужден примкнуть к датским «храбрецам». К вечеру того же дня аэродром был захвачен, а под утро на него сел первый американский самолёт. Постепенно сюда стали стягиваться все новые и новые силы, готовые двинуться в Германию под звёздно-полосатыми флагами. Кое-кого дед радостно узнал. Это были чудом уцелевшие моряки с его крейсера, освобожденные из плена и уверенные, что и ему пришлось несладко. Про рукопожатие с фюрером дед скромно умолчал. Закончилось тем, что их всех приписали к 94-му мотострелковому полку и отправили сперва в Любек, а затем в Гамбург. Оба города произвели на деда неизгладимое впечатление размахом разрушений. Особенно Гамбург. Особенно в районе парка Эйльбек, который совершенно не пострадал, хотя в двух шагах от него от температуры плавилась камнями многоэтажных домов. Как такое возможно и что на самом деле было сброшено на город, дед так и не сумел выяснить.

В Гамбурге он собирался погрузиться на американское судно и отправиться из этого европейского идиотизма домой, но тут произошла очередная странность военного времени – деда наградили и присвоили чин. Награда была американская, называлась «Медаль почёта» и представляла собой перевернутую дьявольскую звезду, на которой богиня по имени Минерва прогоняет щитом мужика со змеями, а в другой руке держит связку с топором посередине – римскую фасцию, откуда пошёл итальянский фашизм. В довершении композиции медаль крепилась на голубой ленте, в центре которой были вышиты белые звёзды – ровно тринадцать. Дед от такого подарка хотел отказаться, но ему объяснили, что это чуть ли не самая важная их награда, присваиваемая за мужество и героизм, «превышающие долг службы». Долга дед никакого не испытывал, но по молодости был горд тем, что серьёзные генералы его признали за своего. Генерал, вообще-то был один. К тому же он приходился не то тестем, не то шурином одному из моряков, которого дед спас, когда они штурмовали береговые сопки после неудачной высадки под датские пули. Сам он этого эпизода не помнил, но Патрик Даффи, как звали того парня, божился, что обязан деду жизнью. Они были ровесниками, сдружились ещё по пути в Мурманск, так что со стороны деда никаких возражений не последовало. Возможно ещё и потому, что его гораздо сильнее, чем награда, поразило звание – капитан. Патрик тоже его получил, однако он ещё на крейсере был младшим лейтенантом, так что его повышение до морского лейтенанта, соответствующего сухопутному капитану, выглядело вполне естественно, тогда как дед, по сути, не был даже рядовым. Не говоря уж о том, что он не был и американцем. Когда дед рассказывал об этом, он сперва хмурился, потом хитро улыбался и в итоге заявлял, что война – это в первую очередь бардак. Как бы то ни было, награда, звание и новенькая форма сделали своё дело, и молодой уроженец далёкой Фрисландии отправился вместе с полком дальше по германской земле навстречу своей неведомой судьбе, которая предстала перед ним в образе красивой белокурой и очень серьёзной девушки со сладким именем Ладомила.

Влюбился он не с первого, а со второго взгляда. Первый взгляд у него вышел не ахти какой, потому что, добравшись до поверженной столицы ровно в день подписания капитуляции, американцы на радостях, что их больше никто не будет убивать, пропраздновали всю ночь, чрезмерно расслабились, устроили дебош, погнались за обидчиками и оказались в зоне советской оккупации. Численного перевеса ни у одной из сторон не было, однако дед впоследствии отдавал должное русским кулакам и всегда приводил в пример сородичей бабушки, когда говорил о «настоящих мужиках». В синяках, но довольные, американцы загремели в одну из советских комендатур, куда наутро для выяснения обстоятельств явился недовольный начальник в подозрительно чистой гимнастёрке. Вместе с ним пришла и переводчица. Дед больше всего на свете хотел спать и пить, а потому первый взгляд на девушку произвёл на него впечатление чего-то мутного и несвоевременного. Но голос у неё был приятный, и он послушно отвечал на все вопросы, пока ни понял, что влип в серьёзную историю, так как начальник подозревал

американцев в умышленной провокации. А кроме того, несколько его подопечных в результате драки получили серьёзные телесные увечья, и всё указывало на то, что нанёс их ни кто-нибудь, а именно дед. Бабушка же этот допрос с пристрастием запомнила очень хорошо. Запомнила она и своё первое впечатление от этого «простофили», как она выразилась, который понятия не имел, что происходит, в отличие от прочих американцев не улыбался до ушей и лишь что-то хмуро бурчал. При этом он нисколько не старался себя хоть как-то выгородить или оправдать, рассказал всё, как помнит, одним словом, в глазах её начальника, зарыл себя с головой. Иностранец, конечно, из союзников, но начальник был политически подкован и понимал, что сегодняшние союзники завтра снова станут идеологическими врагами. Серого цвета, кроме цвета собственной жизни, для него не существовало. После допроса она присутствовала при его докладе наверх и была серьёзно напугана тем, что услышала. Конечно, бабушка была юна, не прошла всю войну, почти не нюхала порошу, это была её первая командировка после выпуска из института, и она наивно считала, что хороший человек должен совершать поступки, руководствуясь не идеологией, а справедливостью. Начальников не выбирают, но никто не запрещает иметь по их поводу собственного мнения и руководствоваться им в дальнейших действиях.

Подробностей не знаю, но в тот же вечер русская переводчица смело вернулась к окончательно протрезвевшим штрафникам и в присутствии не знавшей никаких чужих языков охраны сообщила, что дела плохи и что их запросто могут отправить в Москву строить улицу Горького. Может быть, она сгущала краски, но, с другой стороны, ей очень не понравилось, что во время разговора по коммутатору начальник дважды повторил, что американцы оказались в расположении его части незаконно и что никаких официальных запросов с американской стороны до сих пор не поступало. Подписание капитуляции вовсе не означало конец военных действий. Люди пропадали и будут пропадать бесследно. Кто располагал доказательствами того, что эти архаровцы не были пособниками немцев и не пытались расправиться с членами вверенного ему строгому политическому окоу подразделения? Никто. Значит, надо брать их в оборот и пускать по этапу, чтобы другим неповадно было.

Потрясённые до глубины души американцы это поняли и поинтересовались, действительно ли никто из их командования до сих пор не хватился. Бабушка не знала, но ни к каким телефонным и прочим переговорам на английском её не привлекали. Кроме английского, бабушка, разумеется, хорошо владела немецким. Один из пленников помнил номер телефона в штабе их части. Бабушка на всякий случай его записала, понимая, что едва ли сможет воспользоваться. На другой день её начальника вызвал к себе в Лихтенберг на совещание генерал-полковник Берзарин, исполнявший обязанности первого коменданта Берлина вплоть до вскоре последовавшей за этим нелепой смерти за рулём мотоцикла. Переводчица не понадобилась, и бабушка на свой страх и риск, пользуясь служебным положением, прошла в кабинет и сделала звонок. В этом безрассудстве она походила на деда. Позвонив американцам, она тем самым подписала себе приговор. Впоследствии бабушка говорила, что, движимая праведным порывом, искренне не понимала всей тяжести своего проступка. Совещание у Берзарина ещё не закончилось, а в комендатуру уже нагрянуло американское руководство, на джипах, при параде, вызволять своих однополчан. Пока бабушка переводила напряжённые переговоры, ей сделалась очевидной опасность складывающегося положения. Приехавшие сказали, что им был звонок, она перевела, что, мол, «поступила информация», остававшийся на хозяйстве офицер оказался неглуп, посмотрел на бабушку весьма подозрительно, и ей стало очевидно, что дело может запросто обернуться трибуналом. Дед при всём при этом присутствовал, правда, ничего толком не понимал и не видел, потому что уже не мог оторвать зачарованного взгляда от бабушки. В конце концов, их освободили, посажали на джипы и повезли в расположение части, но он что-то почувствовал, какой-то призыв не то извне, не то изнутри мятущейся груди,

выпрыгнул на ходу и побежал обратно. Он не думал никого спасать, просто хотел ещё раз увидеть это удивительное, как ему показалось, создание.

К этому моменту начальник бабушки уже вернулся с совещания, причём в смешанных чувствах. Оказывается, Берзарину тоже звонили. Американское командование подняло бучу по поводу самоуправства советских «товарищей», и крайним оказался бабушкин начальник, проявивший, по словам осерчавшего Берзарина, «самоуправство». Потом был второй звонок, уже не сверху, а из американского штаба, на сей раз с благодарностью за расторопность и понимание ситуации. У Берзарина отлегло, и он не только взял свои резкие слова обратно, но и похвалил бдительного сотрудника. В итоге получалось, что бабушка одновременно подвела своего начальника, но при этом поступила правильно. Пока тот, запершись в кабинете, обдумывал, как поступить, бабушка, теряясь в догадках и предчувствуя худшее, увидела в окне деда. В груди у неё что-то ёкнуло, она выбежала ему навстречу, и с тех пор они больше не расставались.

Надо сказать, что с родиной к тому времени бабушку связывал разве что гражданский долг, поскольку из родственников у неё там остался лишь нелюбимый старший брат, который ещё в начале войны сумел как квалифицированный инженер получить «бронь» и уехал с заводом куда-то за Урал, в глубокий тыл. Их отец был кадровым военным, погиб в финскую кампанию у озера Толваярви. Матери она не знала, сама воспитывалась бабушкой. Весьма возможно, что её предрасположенность к деду объяснялась тем, что она почувствовала в нём доброе, но твёрдое мужское начало, и он занял в её сознании одновременно место отца и брата.

От советской комендатуры до американского сектора оккупации на юге города они добирались пешком. Прятаться не приходилось, у обоих документы были в полном порядке, а в царившей в те дни неразберихе даже патрули больше внимания обращали на форму и улыбающиеся физиономии, нежели на потрёпанные бумажки. Тем не менее, придя в часть и собрав полученное накануне денежное довольствие, дед первым делом отвёл новую знакомую в магазин готового платья, и бабушка впервые за долгое время переделалась в штатское, похорошевшая ещё сильнее. Теперь она могла при необходимости запросто сойти за немку. Оставаться Берлине было нецелесообразно: её уже наверняка хватились, а когда не найдут в восточном секторе, догадаются, что она спряталась у американцев. Дед сказал начальству, что собирается жениться, получил увольнительную и укатил с бабушкой на запад, в направлении Ганновера. Укатил он не на чём-нибудь, а на популярном в те годы кабриолете «Адлер-Триумф» последнего, 39-го, года производства, который, по его собственной версии, одолжил из штабного гаража. Не думаю, что он его именно одолжил, поскольку мысли возвращаться из увольнительной у деда не было изначально.

Двадцать пять лошадиных сил понесли их с ветерком по пустынным дорогам разорённой страны. Местами дед выжимал до восьмидесяти пяти километров в час, заставляя бабушку округлять глаза и заливаться счастливым смехом. Отъехав от Берлина на безопасное расстояние, они спохватились, что не знают, зачем едут именно в Ганновер. Поскольку город брали американцы, дед был в курсе, что обстановка там не лучше, чем в Гамбурге: центр разбомблён, жить негде, гостеприимства от местных ждать не приходится. Они решили доехать до первого крупного населённого пункта, оценить ситуацию, по возможности передохнуть и свернуть к северу.

Вскоре их встретила река, которая оказалась Эльбой, а на другом её берегу раскинулось безбрежное поле сиротливых каменных руин – Магдебург. Растерянные, они проехали ещё немного и были остановлены патрулём. Трое солдат в советской форме преградили им дорогу. Установив, что в немецком авто едет американский офицер с молчаливой дамой, они ограничились проверкой документов деда, понимающе кивнули и без лишних слов пропустили. Бабушка же из разговора соплеменников успела понять, что вся восточная, то есть ближайшая часть города занята русами, западная – американцами, но при этом и те, и другие ждут

англичан, которые должны взять здешние земли под свой контроль. Остаться в советской зоне было, мягко говоря, небезопасно: хотя командование ужесточило наказания за разнузданное поведение, бабушке часто приходилось слышать о том, как разгорячённые войной и злые на врага солдаты втихаря расправляются с теми, кто им показался подозрительным, и в особенности с немками. Надо было либо ехать дальше, к американцам, либо сворачивать на просёлочные дороги в северном направлении. Решающую роль в их выборе сыграло одно немало-важное обстоятельство: «Адлер-Триумф» каждые сто километров выпивал по десять литров бензина, так что горючее неумолимо заканчивалось.

В американской зоне деда встретили радушно, приняв, как водится, за своего. На всякий случай он предъявил командиру одной из частей увольнительную и справился, где лучше заправиться и переночевать. Бабушка продолжала разыгрывать хорошо говорившую по-английски немку, справедливо считая, что если уж заметаешь следы, делай это последовательно. Им залили полный бак и дали две канистры, причём денег с деда брать не стали, сказав, мол, пользуйся трофейным, брат, пока есть. Ночевать предложили «по-королевски»: в отдельной комнате на втором этаже недоразрушенного клуба. Вечер провели в компании офицеров, хотя и несколько особняком. Обоим хотелось уединения, но человеческая близость вселяла уверенность. Особенно ценной она показалась после того, как кто-то из присутствующих поделился историей о том, будто, по рассказам местных, в округе объявилась банда мародёрствующих немцев, которые брали всё, что плохо лежит, и при этом не чурались обдирать своих же. И хотя дед, рассказывавший обо всех этих приключениях, сидел передо мной живой и здоровый, помню, я в детстве страшно переживал, когда слушал, как они с бабушкой, в конце концов, всё-таки решили рискнуть и на следующий же день прямо на рассвете отправились дальше, вверх по карте, в сторону Дании, и как на полпути до Гамбурга, заночевав на одном из хуторков, они лицом к лицу столкнулись, может быть, с теми, а может быть, и с другими мародёрами. Вместе с пожилым хозяином дома дед начал отстреливаться, их окружили и должны были вот-вот перебить, но на шум пальбы из соседнего городка приехали англичане, и мародёров повязали. В одном из них хозяин дома с ужасом признал собственного сына, на которого им с женой незадолго до этого пришла похоронка. Парень оказался явно не в себе, однако старик умолил англичан – через бабушку – пощадить его и отпустить в лоно любящей семьи. Чем эта драма закончилась, дед так и не узнал. Он подарил «Адлер-Триумф» командиру спасшего их корпуса, а тот в свою очередь обеспечил молодую чету верительными грамотами и билетами на поезд до ставшего недавно снова французским порта Кале.

Путешествие по железной дороге через половину Германии и Бельгию оказалось не слишком приятным, но зато более быстрым и безопасным, чем на машине. Паровоз непрерывно дымил, железные вагоны грохотали, спать и даже толком разговаривать было трудно, оставалось лишь смотреть в окна да мечтать о скорейшем возвращении домой. Их попутчиками были главным образом раненные английские солдаты, а также несколько французов, побывавших в немецком плену. Бабушке запомнилось, что, несмотря ни на какие лишения, все были на подъёме, шутили и смеялись. Ей самой, как я потом узнал, было не до веселья, поскольку откуда ни возьмись начался жуткий токсикоз, который она всячески скрывала, а что скрыть не удавалось, приписывала банальному укачиванию и усталости. В Кале дед раздобыл билеты на паром до Дувра, и они покинули Континент, чтобы никогда больше не вернуться.

Англия встретила беглецов солнцем и пивным духом, стоявшим вдоль всего побережья. Новые попутчики звали их с собой, в Лондон, однако дед справедливо решил, что там они обязательно застрянут надолго, и предложил бабушке перекантоваться несколько дней в Дувре, чтобы понять, каким ветром плыть до Фрисландии. Они посетили два или три питейных заведения в порту, пообщались с разношёрстными моряками и довольно скоро выяснили, что попасть в нужное место можно двумя взаимоисключающими путями: вернуться на Континент, попроситься на американское судно и надеяться, что оно не рванёт через Атлантику напрямки;

либо попутным пароходом подняться до Эдинбурга, а оттуда, скажем, арендовать катер до Лервика – административного центра и самого крупного из самых мелких поселений Шетландских островов. А там, глядишь, какое-нибудь норвежское, шведское или датское промысловое судно бросит якорь на пути в Гренландию или Исландию. Токсикоз у бабушки прошёл так же резко, как начался, и теперь она была готова к любым свершениям, лишь бы оказаться подальше – от всего. Когда я спрашивал её прямо, хотела бы она вернуться на родину, она смотрела на меня и спрашивала в ответ: «Зачем?». Этого я точно не знал да и интересовался лишь потому, что мне надоедало ходить с ней по нашему пляжу, а после такого вопроса она обычно грустнела и торопилась домой.

Добравшись до Эдинбурга, они задержались там дольше, нежели предполагали. Виной тому была погода, которая на тех широтах всегда, увы, предсказуемо плохая. Больше недели ни одно судно вообще не покидало порт, а команды тех, что приходили, первым делом спешили в церковь благодарить за спасение. Деньги деда закончились. Так что когда штормы утихли, по-прежнему не могло быть и речи о том, чтобы, как они планировали, нанять хоть какой-нибудь катер. Бабушка пошла подрабатывать посудомойкой, а дед каждое утро встречал в порту Лит, соглашаясь на любую подённую работу. Таская мешки с ячменём, он, чтобы подбодрить себя и сотоварищей, напевал и насвистывал песенки, которые у нас на острове знают все от мала до велика. Звучат они похоже на пиратские шанти, однако, если прислушаться, в них больше задора и напевности. Голос у деда был сильным, так что пел он в своё удовольствие, и никто на него не цыкал. Однажды на него даже обратил внимание один из управляющих, подозревал и поинтересовался, что это за странный язык.

А язык у нас, надо сказать, и в самом деле странный, особенно на английский вкус. Скажем, какая-нибудь простенькая фраза вроде «У меня есть дом», что по-английски будет, как известно, *I have a house*, а по-нашему *lh hab husus*. Зато если у англичанина дома нет, то он скажет *I don't have a house*, а мы – *lh non hab husum*. С одной стороны, никаких артиклей, но зато ценой обязательных падежных окончаний: есть дом – *husus*, нет дома – *husum*. А всё оттого, говорят, что в древности нашу Фрисландию населяли потомки как германцев, так и латинян. Поэтому всяким нынешним итальянцам наша речь кажется хоть и знакомой, но слишком грубой, а немцам с англичанами, напротив, весьма приятной и напевной в силу большого количества гласных звуков.

Услышав объяснение деда, управляющий ещё больше заинтересовался. Он с кем-то переговорил, и на следующий день дед, вместо того, чтобы тягать мешки, прямо со смены был посажен в приехавшее специально за ним авто, отвезён в роскошный по скромным местным меркам особняк и представлен некому Кеннету Сандерсону, который с 1941 года служил генеральным директором «Дома Сандерсона» – компании, владевшей довольно крупной винокурней. Вообще-то на ней производили виски, для чего и нужны были мешки с ячменём, однако с начала войны дела пошли из рук вон плохо, да к тому же британское правительство потребовало от всех ликёроводочных заводов или свернуть производство, или переквалифицироваться под военные нужды, то есть запустить всевозможные химические линии. Кроме всего прочего, на спиртное были повышены государственные налоги. В итоге мистер Сандерсон теперь сутки напролёт искал способ вернуться к довоенным поставкам виски на отечественный и мировые рынки. В Америке он открыл представительство ещё в 1932 году, то есть за год до официальной отмены сухого закона, и если бы не война, дела бы его сейчас были куда лучше. Всё это он откровенно поведал деду и стал расспрашивать его о Фрисландии, признавшись, что всегда считал, что это часть не то Германии, не то Нидерландов, но никак не отдельное царство-государство. Дед понял, что начинается полоса везения и что нужно ковать железо. Он расписал фирмачу все прелести нашего острова, честно указал примерное его население, поддакнул насчёт суровости климата и согласился с предположением о преобладании brutальных мужчин, потомков как викингов, так и римлян. Не упомянул он лишь того незначительного факта,

что наши «брутальные мужчины» равнодушны к алкоголю, предпочитая пьянеть от жизни. Ну так ведь мистер Сандерсон, явно привыкший делать выводы и принимать решения самостоятельно, и не спрашивал...

В итоге дед был на весь последующий месяц снят с погрузочно-разгрузочных работ и приближен к руководству компании настолько, что прошёл полный инструктаж не только по технологии производства настоящего шотландского виски, но и по коммерческой его стороне – продвижению, продажам, отчётности. Не возражал он по вполне понятным причинам: итогом должно было стать плавание прямо из порта Лит к берегам Фрисландии на торговом судне, гружёном ящиками со знаменитой в Старом Свете маркой VAT69, купажированной, как он теперь знал наверняка, из чуть ли не сорока разных сортов солодового и зернового виски. Если вдруг новый продукт придётся его соплеменникам по вкусу, что ж, он станет первым и главным продавцом этого огненного напитка, если нет – неважно, зато он скоро будет дома. Мистер Сандерсон оказался и в самом деле человеком предприимчивым, и скоро довольно вместительный универсальный сухогруз вошёл в доки под погрузку. Настало время деду понервничать. Он осознал, что если такая махина бросит якорь у них в порту и даже если её удастся разгрузить, непонятно, где столько ящиков хранить. Конечно, виски не портится, а в стеклянной таре даже не стареет, но кто его там станет пить? Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы предположить вместо радости возвращения на родину огромный международный скандал. Дед переживал настолько, что поделился сомнениями с ожившей наконец после стольких мытарств бабушкой. Та посоветовала ему не тянуть до последнего, а честно выложить всё мистеру Сандерсону. Шотландец внимательно деда выслушал, но только рассмеялся:

– Неужели ты думаешь, что я всего этого не предусмотрел, братец? – сказал он. – Мы зафрахтовали нашу посудину до самого Галифакса, что в Новой Скотии¹³. У капитана есть десять дней, чтобы определиться с объёмом разгрузки у тебя на острове. По истечении этого срока он обязан двигаться дальше. Не переживай, старина Бор! Зато теперь я вижу, что не ошибся в тебе. Да, кстати, я тут навёл кое-какие справки по поводу твоей родины и знаю, как можно решить ещё одну небольшую проблему.

– Какую проблему? – насторожился дед.

– Расчеты за виски, разумеется. У вас же там нет ни фунтов, ни долларов, ни крон, не так ли? У вас там и денег нормальных, по сути, нет, правда? Вы до сих пор, как я понял, предпочитаете обмен натуральный, товар на товар.

– Ну, почему же... не обязательно.

– Знаю, знаю! О том и говорю. Поэтому предпочёл бы заранее договориться о том, что ни селёдкой, ни даже шкурами свой виски я измерять не намерен. Хочу сразу договориться, что меня интересует исключительно золото.

А надо сказать, что, действительно, у нас на острове вместо, точнее, в качестве денег используются золотые слитки самого разного размера. Золотой прииск один, на восточном побережье, заведуют им старейшины Доффайса, которые следят за добычей и вводом новых «капель», как мы их называем, в обращение. Все слитки штампуются указанием исходного веса и дальше ходят по номиналу. Раньше их всякий раз взвешивали, но золото, как известно, металл нежный, довольно быстро изнашивается, так что вес не всегда соответствует указанному на штампе. Мы привыкли, относимся к слиткам бережно, зря из кубышек не вынимаем, благо у всех обычно есть что-то, что может понадобиться в хозяйстве соседям. Вот и меняемся рыбой на мёд, ножами на платья, шкурами на рыбу. Звучит примитивно, понимаю, однако когда не ставится задача быть «самым богатым», деньги играют роль мерила ценности, а не средства наживы. Богатыми у нас считаются те рода, что живут в хороших домах несколькими поколе-

¹³ Новая Шотландия – одна из трёх приморских провинций Канады.

ниями разом. А всякие одинокие бобыли, сколько бы всего у них ни водилось, всегда будут чувствовать себя недоделанными и стремиться в первую голову быть полезными, чтобы на них не смотрели косо. Если у нас хотят нанять стороннего работника, ему на выбор в качестве платы предлагают обычно несколько вариантов. Многие соглашаются трудиться за часть урочая, улова и тому подобное. Некоторые рады тому, что им позволяют столоваться с остальными и дают крышу над головой. Если же ты мастер своего дела и лучше тебя не сыскать, тогда, конечно, твои руки в буквальном смысле могут оказаться на вес золота.

Дед смекнул, что с товаром у шотландцев проблемы всё-таки будут, но вслух говорить об этом не стал. Ему было главное попасть домой, а дальше – как получится. Важно, что он никого не обманывал, мистер Сандерсон давал себе отчёт в возможных рисках и сознательно на них шёл, полагаясь на качество своей выпивки, а он, Бор, по мере надобности ему, само собой, поможет, сколько хватит сил и наглости. Он даже вспомнил, что знает кое-кого из Доффайса, кто мог бы составить ему протекцию перед местными золотовладельцами.

Наконец, настал долгожданный день, когда корабль, трюм которого приятно пах деревянными ящиками, отошёл от облезлого причала и взял курс из Ферт-оф-Форта строго на север, в сторону Абердина. Плавание вдоль берегов Альбиона прошло на удивление спокойно и удачно, Северное море и Ледовитый океан решили взять передышку. Деду оно запомнилось только одним: признанием бабушки в том, что она беременна.

Это известие быстро облетело всю команду. К тому времени дед уже снова считался членом экипажа, как тогда, на крейсере, будто и не было перерыва на сухопутные мытарства. Капитан решил по-свойски отметить столь важное в жизни каждого мужчины событие и так расщедрился, что самолично вскрыл два ящика с драгоценным товаром и целый вечер простоял за импровизированной стойкой на камбузе, угощая всех сочувствующих. В отличие от своих моряков-шотландцев он был родом из Ливерпуля и, вероятно, тоже ощущал себя отчасти изгоем, почему и проникся симпатией к деду, который, по его мнению, мог бы запросто остаться в прекрасной Англии, но не остался, а решил во что бы то ни стало вернуться домой. Таких людей капитан уважал. Звали его Гриффин Кук. Он был настоящим английским джентльменом, курил кривую трубку, ругался исключительно литературным языком, знал своё дело превосходно и выпивал лишь по случаю. Случаев этих, правда, плавание предоставляло ему с избытком, так что трезвым дед его не видел никогда. Капитал был из тех представителей сильной половины человечества, возраст которых скрыт бородой, сединой и обветренной смуглой кожей. На палубе он вёл себя как сорокалетний, зато в кают-компании рассуждал с таким знанием жизни и достоинством, будто ему все семьдесят. С бабушкой, единственной дамой на судне, он был подчёркнуто галантен, деда же частенько хлопал по спине и называл не иначе как «сын». Свои дети у капитана где-то были, как и жена, однако он так любил плавать и так привык выполнять поручения мистера Сандерсона, что, несмотря на некоторую отчуждённость и культурное одиночество, не мыслил себя бросившим якорь.

– Знаешь, Бор, что я больше всего хочу на свете? – спрашивал он, обнимая деда за плечи, когда они вдвоём стояли у борта, и вглядываясь в проплывающий мимо берег. – Выйти вот так на крыльцо моей халупы с видом на Мерси, молчать и смотреть, как в Элберт Доке грузят баржи. Ты бывал в Ливерпуле, сынок?

Всякий раз дед признавался, что нет, и всякий раз капитан Кук делал вид, будто забыл, и впоследствии переспрашивал. На праздновании по поводу беременности моей бабушки он позволил себе выпить лишнего и настолько расчувствовался, что до вечера рассказывал деду историю своей бурной жизни, отвлекаясь разве что на сверку маршрута, поскольку они уже вышли в пролив Пентланд Ферт и теперь огибали северную оконечность Шотландии перед стартом по финишной прямой мимо Сула Сгеп¹⁴. По словам капитана, он с молодых ког-

¹⁴ Необитаемый остров-маяк, наиболее отдалённая на северо-запад территория Великобритании.

тей бредил морем и как только представилась возможность, рванул следом за старшим братом в училище, где из ливерпульских парней сделали военных офицеров. Отец их, профессор физиологии в тамошнем университете, всецело воплощавший его лозунг¹⁵, был огорчён, однако старший брат выбрал поприще корабельного врача и тем во многом смягчил удар. Что до юного Гриффина, то он по молодости не понимал, зачем такая служба в армии, где нужно лечить, а не убивать людей, и пустился во все тяжкие. Так он сначала оказался на кораблях, спасавших от рассерженных буров английские войска из Капской колонии на самом юге Африки¹⁶. Год спустя он уже был в числе тех смельчаков, которые под командованием адмирала Сэймура высадились на рейде у города Тяньцзинь и двинулись на Пекин, чтобы обеспечить безопасность европейцев в столице Китая. Проплавав ещё несколько лет между Поднебесной и Японией, капитан Кук, тогда ещё старший мичман, был переброшен на другой край земли и серьёзно подумывал о том, чтобы отдать швартовы вместе с какой-нибудь красавицей-аргентинкой. Не тут-то было. Кто бы мог предположить, что Первая мировая застанет его даже здесь, вдали от воюющей Европы, у Фолклендского архипелага. Оказывается, немецкое командование решило перехватить инициативу и перерубить англичанам тихоокеанские и атлантические коммуникации. Крейсерская эскадра вице-адмирала фон Шлее в первый день ноября 1914 года пустила на дно у чилийского мыса Коронель равную ей по силам эскадру противника и тем самым выполнила задачу по стягиванию в этот регион больших сил Британии, отвлекая их от европейского театра действий. Сам фон Шлее получил приказ прорываться обратно в Германию. Удачи настолько дезориентировали адмирала, что по пути он попытался разгромить базу англичан Порт-Стэнли на Фолклендах.

– Не на того напал, – пыхнул трубкой капитан Кук и долго утаптывал большим пальцем табак, вспоминая и посмеиваясь. – У нас там стояло два лёгких, два линейных и три броненосных крейсера и ещё один линкор. И это против их двух броненосцев, трёх легкочей, двух транспортников и одного госпитального. Шлее просто этого не ожидал, и мы задали ему жару. Когда мы по ним жажнули из всех орудий, немчура наложила полные штаны и попыталась было улизнуть. Мы – за ними следом. Они врассыпную. Мы тоже разделились, но не отстали. Я был на линейке, так нам достался один из их броненосцев. Справились на раз. Второй наши тоже подбили. Всех, короче, потопили, кроме «Дрездена» и госпитального. Могли бы и их уговорить, но отпустили, чтобы было кому про наши подвиги рассказать.

– А фон Шлее? – поинтересовался дед.

– Сгинул на своём флагманском «Шарнхорсте».

На Фолклендских островах Гриффин Кук прослужил ещё несколько лет. Там он встретил свою судьбу, которой оказалась вовсе не жгучая аргентинка, а скромная английская девушка, сестра его друга, приехавшая навестить брата после смерти родителей да так и оставшаяся работать в санитарной части. Обратном в Англию его перевели уже в чине лейтенанта-коммандера¹⁷. Потянулись годы почти безмятежной семейной жизни, занятой обустройством дома, воспитанием жены и детей, написанием статей для «Ливерпуль Дейли Пост» о войне и море, одним словом так бы и списали нашего капитана за выслугу лет, если бы не командировка в Северную Шотландию, на базу Инвергордон, совпавшая с приказом военного министра от 12 сентября 1931 года, по которому снижалось жалование всему личному составу. Дело понятное: мировой экономический кризис, в правительстве – лейбористы, лживый лозунг «равенство жертв» и всё такое. Но в итоге если старшие офицеры лишились 3,7% жалования, а младшие – 7,7%, то с матросов скостили аж 25%. Те не выдержали такого «равенства» и ровно через три дня подняли на базе бунт. Бунт получился самый настоящий. Первыми отказались

¹⁵ «Эти мирные дни способствуют учению» – лозунг Ливерпульского университета.

¹⁶ События Англо-бурской войны 1899 года.

¹⁷ Капитан 3-го ранга

выходить море матросы с линкора «Родней». В знак протеста они взяли и арестовали собственных офицеров. Капитан Кук попал под раздачу в следующую очередь, на крейсере «Норфолк». Однако именно он, по его словам, задал своим тюремщикам нелицеприятный вопрос, мол, что дальше. Что делать дальше, они, разумеется, не знали, и тогда он сам предложил им написать полноценный манифест, за который взялся с огоньком, как только с его рук сняли верёвки. Манифест получился достойный. Его одобрили все восставшие. Главная идея заключалась в призыве к правительству пересмотреть вопрос снижения жалования. В ответ правительство пустилось в демагогические уговоры, которые, разумеется, ни к чему не привели. Напряжение нарастало. Поговаривали, что к бастующим Инвергордона вот-вот присоединятся другие военно-морские базы. В итоге через два дня требования были всё-таки рассмотрены и приняты. Обошлось без крови, матросы остались довольны, а вот на капитана Кука был отправлен донос высшему начальству, его вызвали в министерство на разговор, после которого он вышел хоть и заслуженным – чинов с него не сняли – но пенсионером. На гражданке довольствие оказалось более чем скудным, и некогда боевой капитан, а теперь безработный принялся искать новое применение своим знаниям. Потом началась Вторая мировая. Большую её часть капитан Кук провел в ливерпульских доках, обучая молодёжь. В 1943 случай свёл его с тем же самым управляющим, что и деда. Тот как раз приехал в Ливерпуль на поиски капитана и команды для нового торгового судна «Дома Сандерсона». Команды он толком не собрал, а вот капитан пришёлся ко двору. Сейчас это было уже его второе плавание в Америку.

Когда они вышли в открытые воды, погода резко ухудшилась, и дня два дед не имел возможности продолжить общение с капитаном, голос которого теперь доносился со всех сторон – кричащий, зовущий, ругающий, ободряющий и хохочущий. Как будто над кораблём разверзлись небесные тверди, а спасительный ангел метался над тонущей в пенных бурунах палубой неугомонным демоном. Бабушке сделалось плохо, и дед не отходил от неё ни на шаг, разве что за провиантом на камбуз, хотя по его собственному замечанию, не то что есть – жить в такие часы не хотелось. Тем не менее, всё на свете проходит. Прошёл и шторм. Демон сложил крылья, набил трубку свежим сухим табаком и самочинно наведаясь к своим единственным пассажирам. Он осведомился, кого в качестве первенца хотела бы видеть бабушка, а когда та призналась, что девочку, сказал:

– Значит, будет девочка.

Потом он пригласил их обоих к себе в капитанскую каюту, куда до сих пор был заказан вход всем без исключения, от вихрастого юнги с вечно подбитым глазом, до громогласного штурмана, и угостил крепким английским чаем с приятной горчинкой. Говорили о России, о золоте, о жизни в собственном доме, о разном восприятии мира, свойственном разным возрастам. Бабушка первой обратила внимание я пожелтевшую вырезку из газеты на стене над койкой. Вырезка была не только в рамке, но и под стеклом. Почти половину занимала коричневатая-белая фотография мужчины средних лет с настороженным лицом, какие бывают у людей, которые до конца не знают, стоит ли улыбаться фотографу и не окажется ли потом, что улыбка идёт далеко не всем. Ничего примечательного, мужчина как мужчина, если не считать довольно странной и не слишком мужской одежды, представлявшей собой куртку и брюки, простроченные мелкими ромбиками каким-то таким образом, что казались надутыми изнутри. В довершении картины на расстёгнутой куртке отсутствовали пуговицы. Судя по всему, фотография была сделана на палубе корабля. Одной рукой мужчина держался за канат, а ногу поставил на небольшой ящик. При ближайшем рассмотрении статья оказалась на испанском и была в глаза заголовком «El hombre del otro lado». Интересуясь, кто это такой, дед был уверен, что капитан назовёт человека с фотографии сыном или каким-нибудь знаменитым дальним родственником. Капитан Кук лишь плечами пожал.

– Попалась мне ещё когда я на Фолклендах служил.

– Вы знаете испанский? – спросила бабушка.

– Боже упаси! Хватит с меня английского, милочка. От многих знаний много унынья. Но я хорошо помню, что там написано. Наш вахтенный был из испанцев и любил почитывать эту газетёнку. Как она бишь называлась?.. Нет, не вспомню. Ну да ладно, суть-то в другом. Может, конечно, это всё брехня и всякие аргентинские штучки, но уж больно захотелось мне тогда, чтобы история этого парня оказалась правдой. Звучит-то как – *El hombre del otro lado*! Человек с той стороны! Фантастика! Робинзон Крузо и Ричард Бёрд¹⁸ в одном бокале. Ещё чаю?

– Спасибо, не откажусь, – оживился дед. – А в чём заключается его история?

– Про Антарктику что-нибудь слышали? Ледяная стена на самом юге. Умные люди говорят, лёд там больше мили высотой. Не подступиться. Кое-кто, правда, пробовал. Незадолго до Первой мировой, году, кажись, в десятом, наш Роберт Скотт из Девенпорта возглавил туда экспедицию да неудачно. Норвежец его опередил – Амундсен. Преглупейшая вышла авантюра. Скотт и его друзья, все погибли уже на пути назад, к кораблю. С прогнозом погоды ошибочка произошла. Замёрзли. Так вот, чилийцы с аргентинцами тоже решили землю эту разведать, видимо, думали, там золотишко или что поценнее имеется, раз народ из самой Европы приплывает. А вы если карты видели, то знаете, что Антарктида прямо как рукой к Южной Америке тянется. Мы этот длинный полуостров называем Землёй Грейама, янки – Полуостровом Палмера, ну а чилийцы – Землёй О’Хиггинса. Национальный герой всё-таки, революционер.

– Тоже из шотландцев? – уточнил дед.

– Какое там! Бернардо Рикельме этого О’Хиггинса звали вообще-то. Хотя ирландская кровь в его отце, вроде бы, была. Но только дело не в нём опять же, а в самом полуострове. Потому что статья рассказывает, как в конце 1916 года, в разгар тамошнего лета, группа моряков с чилийской шхуны «Эсперанца» подобрала этого самого «человека с той стороны». Они подплыли на шлюпках к тому участку полуострова, который омывается течениями и оттого почти лишён непреступных льдов, предполагая, разумеется, что берег необитаем, когда увидели, как навстречу им бежит, кричит и размахивает руками какой-то косматый и бородатый незнакомец. Речь его они описали как странную, но членораздельную, он что-то пытался им объяснить, а себя, тыча кулаком в грудь, называл Томми Ти. Вон, видите, журналист, автор заметки, даже написал её со слов очевидцев как английский «чай» – Теа. Уж не знаю, кто были эти чилийцы и с какой пальмы они слезли, только в дальнейшем, когда они уже все дружно прибыли на корабль, выяснилось, что парень говорит на странноватом, однако вполне понятном диалекте немецкого. Первым делом этот Томми взмолился, чтобы ему разрешили постричься и побриться. Фотография была сделана после посещения корабельного парикмахера. Своим спасителям он поведал, что путешествовал через Антарктиду с несколькими спутниками, которые по очереди погибли, а сам он уцелел лишь чудом, когда его *Geländefahrzeug*, то бишь вездеход, как мы с недавних пор говорим, провалился в глубокую трещину.

– Но ведь я где-то слышал, что первый вездеход придумал какой-то француз тоже где-то году в 1916-м, – удивился дед, никогда на плохую память не жаловавшийся.

– Вот именно, вот именно... То, что мы называем вездеходами, по сути, появились перед самой войной. Ваши русские изобретатели, если не ошибаюсь, тоже к этому руку приложили. Очень странно. Одним словом, журналист дальше описывает, как они потом вместе с этим Томми вернулись обратно на побережье, и он, отдохнувший и отъевшийся, повёл их по своим следам показывать, как ему всё это время жилось. Они увидели палатку и несколько ящиков с провизией. Палатка была из необычного, очень тонкого и очень прочного материала, похожего на его одежду. Ящики тоже не деревянные и не железные, из пластмассы, но таких у нас нигде не делают ввиду очевидной дороговизны. Никакого оружия у него при себе не оказалось.

¹⁸ Прославленный американский лётчик и полярный исследователь. С 1926 по 1996 считался первым лётчиком, пролетевшим над Северным полюсом. В чине контр-адмирала ВМФ США возглавлял две экспедиции на Южный полюс.

Провиант уже заканчивался, повсюду валялись пустые банки и коробки, тоже из пластика, причём почти прозрачного. Кого как, а лично меня в этой статье поразило описание обнаруженных пластин, которые, по словам этого Томми, принимали солнечный свет и превращали его в электрическую энергию.

– А разве такое возможно? – спросила бабушка.

– Понятия не имею, но журналист пишет, как его собеседники видели, что от этих «батарей» работал и свет фонарика, и даже плитка, на которой можно было готовить. Вот бы мне такое в хозяйство!

– И чем всё закончилось?

– Ну, как водится, парня допросили на предмет золота и вообще всего того, что он видел. Оказалось, что он пробирался со своей экспедицией по ледяным горам чуть ли не больше года. Много месяцев без солнца, так что даже «батарей» не сильно помогли. Был уверен, что сбился с дороги, потому что компас вёл себя, как хотел, а ориентирами служили звёзды да окружающий рельеф. В какой-то момент, по его словам, «поменялись даже звёзды». Чилийцев удивило, но рассказ показался выдумкой сумасшедшего. Они решили приступить к собственным исследованиям, ради которых сюда приплыли, а Томми Ти оставили жить с командой на корабле в ожидании их возвращения, чтобы потом всем вместе пойти обратно в чилийский Пуэрто Наварино. В общей сложности чилийцы провели в Антарктиде почти две недели, убедившись в том, что побывавшие здесь до них европейцы, вероятно, все такие же выжившие из ума, как этот Томми, потому что ничего похожего на золото, ничего вообще, кроме льдов и снежной пустыни, не обнаружили. На этом можно было бы ставить точку, если бы не два последних обстоятельства, о которых упоминается в статье. Во-первых, у чилийцев были ещё и разведчики, которые покидали общий лагерь и первыми шли вперёд, а потом давали сигнал о том, что есть смысл подтягиваться остальным. В последнюю свою вылазку перед возвращением они, по их собственным словам, добрались до огромной расселины во льдах, перебраться через которую не представлялось возможным. Каково же было их изумление, когда, заглянув в провал, они увидели далеко внизу зажатым между отвесными ледяными стенами тёмный предмет прямоугольной формы. В бинокль удалось рассмотреть кузов гигантского автомобиля, застрявшего вверх колёсами, утыканными шипами. Во-вторых, когда, не солоно хлебавши, они вернулись на борт «Эсперанцы», их встретило известие о том, что Томми Ти исчез. Исчез, будто его никогда и не было. Правда, прихватил с собой одну из шляпок. Произошло это после того, как кто-то из команды, в ответ на вопрос, сообщил ему, что на дворе семнадцатый год двадцатого столетия. С этого момента бедняга совершенно сбрендил, ходил по кораблю, бормоча «Этого не может быть...» и в итоге пропал. А теперь ещё раз внимательно посмотрите на фотографию. Вернее, на ящик, на который он поставил ботинок. Уверен, что это один из тех, которые принадлежали ему. Я долго не мог понять, что меня в этом снимке смущает, а потом догадался – цифры.

– Те, что на ящике? – пригляделся дед. – 2020? И что такого?

– Готов поспорить на мою трубку, что это не просто цифры, а год. Год отправления Томми Ти в его антарктическую экспедицию. Журналист об этом не догадался, а я знаю, что так поразило парня, когда ему сказали, что он оказался в 1916 году. Он пришёл к нам из будущего.

Хотя дед, как вы поняли, хорошо запомнил мельчайшие подробности того разговора в капитанской каюте, сам он с тех пор начал не то чтобы сторониться капитана Кука, а всё как-то меньше и меньше пересекался с ним по делу и без. Дед у меня был человеком сугубо практичным и всяких выдумок терпеть не мог, а когда я подрос и стал увлекаться фантастическими книжками, моих восторгов не разделял и советовал матери взяться за воспитание «лунатика». Зато его не могло не радовать то, что наравне со всякими жюлями вернами, конан дойлами и гербертами уэллсами я зачитывался Майн Ридом, Хемингуэем, Марком Твеном и тем более нашим соотечественником, единственным, кому довелось войти в узкую обойму

классиков мировой литературы – Рагнарм Гисли Эйнарссоном. Причём не столько его наиболее известным романом «Чужой в Африке», сколько сборником рассказов «Тропик Экватора». Если вы тоже их читали, то не можете не согласиться, что жанр короткого рассказа, навеянного личными впечатлениями, давался ему легче, нежели тяжеловесное повествование о жизни вымышленных персонажей. Интересно, что после того вынужденного путешествия «зайцем» в Европу и обратно, дед больше никогда не покидал нашей Фрисландии. При этом путешествия в дальние страны всегда манили его, но только не путешествия во времени. Он считал, что неплохо разбирается в официальной науке, и у него на этот счёт было даже своё личное мнение. Представь, говорил он мне, где окажется машина времени, если Земля, во-первых, крутится со скоростью тысяча миль в час вокруг своей оси, во-вторых, со скоростью шестьдесят семь тысяч миль в час летит по орбите вокруг Солнца, и, в-третьих, вместе с Солнечной системой мчит по Галактике со скоростью четыреста девяносто тысяч миль в час? Согласись: очень далеко от той точки, куда пытается попасть путешественник во времени, если вздумает вернуть его вспять пусть даже не минуту. Я не соглашался, спорил, однако признавал, что при расчётах подобных временных перемещений придётся учитывать не только само время, но и скорость.

К сожалению, я услышал от деда эту историю про капитана Кука и про вырезку из газеты лишь через несколько лет после того, как не стало бабушки. Интересно, как бы она прозвучала в её пересказе. Увы, мне было не суждено узнать, что она по поводу всего этого думает. Чему виной, отчасти, я сам. Однако не буду забегать вперёд...

Судно с блудным сыном подошло к причалу Окибара, когда с севера уже задули холодные ветра. Фрисландия готовилась к зиме, что и капитан Куку, и наученный некоторым опытом дед восприняли как предпосылки успеха. В Европе люди зимой гораздо охотнее употребляют напитки, которые не просто так названы горячительными. А надо сказать, что по пути домой они с бабушкой потратили не один час, обсуждая и прикидывая, как правильно преподать старейшинам заморские дары, чтобы никого не обидеть, чтобы шотландцев не выгнали с позором и чтобы в итоге можно было рассчитывать на некоторую прибыль. Бабушку, конечно, удивило то обстоятельство, что кого-то нужно уговаривать пить алкоголь, поскольку у неё на родине это было в порядке вещей и считалось чуть ли не национальной традицией, особенно когда речь шла о праздниках и праздничных застольях. Но если на её новой родине таких обычаев не водилось, рассудила она дальше, зато там часто бывает холодно, почему бы ни объяснить тем же старейшинам, что шотландский виски – прекрасное средство для согрева, так сказать, натуральное лекарство. Его можно пить, им можно растираться. Заодно улучшается настроение. Кроме того, очень хорошо прочищает желудок в случае отравления. Для пушей важно: дед облачился в свою американскую военную форму, нацепил медаль, вышел на палубу и приготовился к радушной встрече. Толпа на причале оказалась небольшой, музыка не звучала, флаги не реяли. Хотя, как я уже упоминал, появление в наших водах чужеземных кораблей было и остаётся явлением нечастым, местные жители исстари относятся к ним с опаской и никогда не знают, ждать ли радости или беды. Поэтому обычно навстречу выходят торжественно одетые горожане, тогда как за бойницами соседней крепости на всякий случай прячутся с заряженными ружьями и пушками караульные. Некоторые из них по-прежнему предпочитают луки и арбалеты.

Судно причалило, капитан Кук произнёс в мегафон заранее подготовленную приветственную речь и в конце представил собравшимся живого и невредимого «Бора из рода Руvido», который вернулся с большой войны целым и невредимым. Соплеменники не сразу узнали деда, а когда узнали, то у всех отлегло, и команду корабля в полном составе пригласили в город. Деду была выделена повозка с лошадьми, он посадил на неё бабушку, и они первым делом помчались в деревню проведать дедово семейство. Если бы дед задержался в Окибаре, это было бы воспринято как неуважение к родственникам. Сначала он должен был

отметиться дома, а уж потом гулять на все четыре стороны, если такова его воля. Капитан Кук был к этому готов и подыгрывал, как мог. Более того, он послушался деда и не стал сразу же объявлять гостеприимным островитянам, что специально привёз им на продажу целое судно товара. Напротив, он сказал, что держит путь дальше, в Америку, а нового местного героя подбросил просто так, за компанию. Тем самым он предоставил деду возможность самому заговорить со старейшинами о виски в наиболее подходящий момент, ненароком, чтобы никто не заподозрил подвоха и не дал им всем от ворот поворот раньше времени.

Отцом деда и моим прадедом был потомственный рыбак, настоящего имени которого я не знал до недавнего времени, потому что на острове все называли и помнили его не иначе как Авус, что и значит «дед» по латыни. Он много чего знал, многое умел и прожил долгую и полезную жизнь. Кто-то считал его грубым и чёрствым, не любившим показывать своих чувств на публике и придававшим вес каждому слову, однако в тот день, завидев бодрого и подтянутого сына, стоящего в полный рост на несущейся через поле повозке, Авус рыдал от счастья, как ребёнок, после чего у него уже не хватило сил его наказать за самовольную отлучку, что он во всеуслышание обещал сделать, когда давным-давно просил у богов помощи в его поисках. Бабушку, стоило ему понять, кто она, он стал с первых же минут кликать «дочкой» и всячески привечать, а когда его настоящая дочь, старшая сестра деда, обнаружила правду о её положении, окончательно принял как родную.

Видя, что мосты восстановлены и отношения налажены, дед засобирался обратно в город. Он не хотел рассказывать Авусу про свою задумку с торговлей выпивкой, но бабушка и здесь настояла на необходимости говорить правду, дед согласился, и Авус весь вечер слушал его историю странствий и сражений, которая заканчивалась вопросом:

– Как ты думаешь, почём наши будут брать пол-литра виски?

Тут же оказалось, что бабушка предвидела даже эту мелочь и прихватила одну такую бутылку с корабля «для пробы». Отец деда сперва понюхал стакан, потом пригубил, сплюнул и заявил, что это пойло способно выжечь из нормальной человеческой еды весь вкус. Наученный бабушкой отец возразил, мол, виски вовсе не предназначен для возбуждения аппетита, зато способствует пищеварению в целом и заодно хорошо согревает. Только надо его не нюхать или на язык капать, а пить хорошими глотками. Авус попробовал, смело хлебнул, закашлялся, ударил себя кулаком в грудь и к удивлению окружающих остался доволен. Второго глотка он делать не стал, выплеснул остатки в окошко, но заключил, что хоть на золото такой товар не потянет, бутылку на ведро берёзового сока обменять можно. Дед хмыкнул, сообразив, что если старейшины окажутся того же мнения, капитану Куку придётся плыть дальше без навару. Они переночевали, а наутро, оставив бабушку на попечение родственников, дед поехал обратно в Окибар испытывать судьбу. Чтобы моряки не питали ложных надежд, он поделился с ними откровенным мнением отца. Присутствовавший при этом разговоре штурман заявил, что не стоило открывать и предлагать виски во время еды. Либо до, либо даже лучше – после. Под вересковую трубочку с голландским табачком хорошо идёт. Атмосфера должна быть подходящая. Одним словом, бриташи решили устроить дегустацию по-своему. Дед договорился с одной местной харчевней, будто капитан Кук и его люди хотят проставиться и угостить городских старейшин в честь доброго знакомства. Это был тонкий и правильный ход. Старейшин было четверо, и они, несмотря на преклонный возраст, любили хорошо поесть. А уж если за чужой счёт, так и подавно. Кроме того, по договорённости дед расплатился с хозяином харчевни несколькими ящиками этого самого виски, что гостям показалось выгодной сделкой, а хозяин, ещё накануне как следует вкусивший их продукта, положил на него свой не успевший протрезветь глаз. Вечера ждать не стали, торжество наметили на обед. Старейшины пришли, как водится, в сопровождении городского патернуса и нескольких фортусов, были произнесены здравные речи, капитан Кук тем временем, пользуясь гостеприимством, покуривал, создавая ароматным дымком располагающую атмосферу, моряки на все голоса хвалили деда

за героизм в военных действиях, будто сами были тому свидетелями, дед смущённо радовался, понимая, что в любом случае окажется не в проигрыше, блюда пустели, и, наконец, пришло время, когда кто-то предложил познакомить «почтенных мудрецов со старинной британской традицией».

Первым делом штурман раздал собравшимся специально привезённые из Эдинбурга стеклянные стаканы с толстым доннышком. Поскольку виски был купажным, стаканы имели ровные, а не зауженные кверху стенки. На всех значилась фирменная надпись VAT69. Прежде чем разлить по стаканам виски, капитан Кук объяснил, что сначала обычно его согревают в руке, потом осторожно нюхают, потом берут в рот, долго смакуют вкус и лишь потом глотают. Переглядываясь и посмеиваясь, все последовали его примеру и в итоге остались довольны, как накануне Авус. Дегустацию повторили ещё дважды. Один из фортусов признался, что у него и, правда, перестал болеть живот, который донимал его с самого утра, отчего он был вынужден сдерживаться на протяжении всего предыдущего застолья. Впоследствии оказалось, что этот фортус был родственником хозяина харчевни, и тот его просто подговорил сказать что-нибудь хорошее и запоминающееся. Но выяснилось это гораздо позже, а тогда все остались довольны «британской традицией», и капитан Кук, уполномоченный мистером Сандерсоном, потихоньку стал подбираться к захмелевшим старейшинам с предложением закупить у него на нужды города десяток, а лучше два десятка, хоть вообще-то выгоднее все три десятка ящиков столь ценного во всех отношениях напитка. Стаканы при этом отдавались в подарок и ещё некоторое количество передавалось также безвозмездно. Когда кто-то из старейшин возразил, мол, зачем им такая радость да ещё за деньги, капитан Кук не стал спорить, а буднично так заметил, что пока не предлагал эту выгодную сделку ни на севере, ни на западе острова. Старейшины Окибара, если согласятся, будут единственными во всей Фрисландии владельцами драгоценного запаса настоящего шотландского виски, которым вообще-то наслаждаются королевские дома Европы. Заслышав его речи, дед испугался, что сейчас бедного наивного капитана вытряхнут за грудки на улицу и больше не пустят в дом, однако старый морской волк и хитрый лис в одном лице оказался прав. Его последние аргументы сработали, так что в итоге старейшины единогласно согласились закупить на пробу целых сорок пять ящиков, не слишком щедро, но вполне приемлемо расплатившись за них золотом из городской козны. Обе стороны остались довольны собой. Деду даже не пришлось открывать рта. Поэтому когда потом в Окибаре возникли некоторые неприятности, связанные со слишком рьяным следованием некоторыми из наших мужичков «британским традициям», его имя все же упоминалось. Для своих он остался либо чудаковатым беглецом из дома, либо героем неведомой им войны.

Через восемь месяцев знакомства деда с бабушкой родилась моя мама. Почти через восемь. Родилась совершенно нормальной и здоровой, чем поначалу повергла в недоумение выдавших виды повитух. Девочку назвали Эрлина, в честь одной из моих прабабок, которая вошла в историю нашего острова потому, что её единственную фолькерул выдвигал не куда-нибудь, а в старейшины. Происходило это так давно, что никто толком уже не мог сказать, за какие именно подвиги: одни считали, что за до самых сединок сохранившуюся красоту, другие – что за неженскую силу богатырскую, третьи – что за недюжинный ум и здравомыслие. Мне лично нравятся все три причины, поэтому я надеюсь, что правы и те, и другие.

Кроме моей матери, детей у деда больше не появилось, и он не мог на неё нарадоваться. Сам он сперва пошёл по стопам отца, Авуса, посвящая всё свободное время рыбачеству и думать позабыв о былых шотландских друзьях с их ящиками и бутылками. Когда те покидали порт, капитан Кук честно расплатился с дедом, вручив ему положенную долю золота. Не знаю, правда ли дед сперва отказывался и поддался уговорам только ради будущей семьи, но, в конце концов, кошелек с золотом он взял и, выждав пару лет, довольно оборотисто пустил в дело, выстроив неплохой сруб прямо в лесной чаще на некотором расстоянии от остальных родовых домов, постепенно превратив его в самостоятельное охотничье хозяйство и сменив

отцовы рыболовные сети на собственное ружьё и арбалет. Хотя другие родственники такое его решение не приветствовали, Авус сыну перечить не стал, вероятно, понимая, что после пережитого на войне у деда руки чешутся не по холодной рыбе, а по тёплому мясу с кровью. Вообще же охотой у нас больше промышляют на севере, но у деда оказалось чутьё на дичь, особенно на тетеревов и прибрежных гаг. Зимой он ставил капканы на песца, летом бил росомах и волков. Бабушка ему всячески помогала и даже научилась тетеревов одомашнивать, чего у нас до неё никто никогда не делал. Но ей это было интересно, а малый ребёнок не позволял надолго отлучаться от дома. Она сама тетеревов выводила из насиженных яиц, сама делала вольеры, сама подкармливала, и со временем у неё получилась единственная в округе ферма, а за яйцами и тетеревами приезжали закупщики их Окибара. Со временем ей стала помогать дочь.

Моя мама рассказывала о той поре с большой любовью. Родительский дом с фермой и начинавшимся прямо за ней лесом, был для неё настоящей сказкой. Она грезилась феями и добрыми волшебниками, двоих из которых встречала каждый день в большой гостиной, где её отец, если не уходил на охоту, сживал подолгу, что-нибудь вырезая из дерева или читая ей вслух захватывающие книжки. Волшебство её матери заключалось в том, что та умела на пустом месте сделать праздник, притом вкусный и весёлый. Бабушка знала много русских песен, которые были сладкозвучнее наших, так что мама легко запомнила их на всю жизнь. Пела она их и мне, хотя, когда я просил её рассказать, про что они, отнекивалась или придумывала что-нибудь под настроение. Наверное, я жалею, что не выучил русского языка, но, как я уже говорил, кроме бабушки у нас его никто не знал, а она умерла, когда мне было года три или четыре.

Вообще-то, если честно, я не знаю, действительно ли она умерла и действительно ли всё было так, как рассказал дед, вернувшийся с той злосчастной охоты. Только уже став взрослым, я почти случайно вспомнил, что ей предшествовало и чего не мог помнить никто, кроме меня. С дедом я на эту тему так никогда и не заговорил, избегая услышать правду, да и сейчас мне откровенно стыдно её касаться. Может быть, надеюсь, хочу надеяться, что я неправ, что ничьей, а тем более моей вины в смерти бабушки нет, однако вот коротко те события, которые я собрал по крупицам, наблюдая за соседским малышом, который, играя перед домом, то и дело резво перебежал от отца к матери и обратно. Не знаю, что это был за день, зима стояла или лето, наверное, зима, потому что я заснул на тёплой печи, а когда проснулся, услышал тихий разговор матери с бабушкой. Я претворился, что сплю, и просто слушал, почти не понимая, но запоминая отдельные слова, которые произносились так, как если бы это была тайна. Думаю, говори они просто и буднично, я бы даже не обратил на них внимания, а так мне показалось, что я узнал интересный секрет, но ведь меня всегда учили, что секретов в семье быть не должно, и вечером я подошёл к деду и прямо спросил:

– А правда, что мама не твоя дочка?

Дед как-то странно на меня посмотрел, сгрёб за плечи, заглянул в глаза и спросил, с чего я это взял. Говорил он спокойно, я не почувствовал подвоха и выложил всё, что мог: мол, мама бабушкина дочка, но отец её не он, мой дед, а какой-то «русский начальник», что они вместе воевали, и так получилось. Дед погладил меня по волосам, сказал, что я всё неправильно понял, хотя вообще я молодец, и мы завтра пойдём с ним кататься на санках. При мысли о санках всё прочее разом выветрилось из моей белобрысой головы, и я думать забыл о том разговоре.

Поначалу ничего как будто не произошло, а потом дед с бабушкой ушли в лес проверять силки и капканы. Иногда, особенно зимой, она помогала ему в этом деле. Уходил дед обычно дня на два, а тут его не было так долго, что все стали беспокоиться. Мать осталась со мной, а отец с родственниками отправился на поиски. Потом, помню, мама горько плакала, и я её успокаивал, не понимая причины слёз. Сначала вернулся отец, следом за ним и дед. Бабушки не было, но я, кажется, поначалу даже не придал этому значения. А когда спохватился и стал

расспрашивать, отец сказал, что на них с дедом напала стая волков, и бабушке не повезло. Я ждал её возвращения несколько лет, поскольку не мог поверить в то, что дед, такой сильный и храбрый, не сумел её спасти. Со временем воспоминания о тех событиях стали расплывчатыми, и я перестал ждать. Остались только грусть и жалость к маме и деду. И лишь много позже тот играющий с родителями мальчик заставил меня всё заново пережить и представить, что и как могло произойти на самом деле. Конечно, я не поверил в то, что гибель бабушки случилась по воле деда. Разве можно всю жизнь любить свою жену и так её приревновать к прошлому, чтобы пожелать ей смерти? Стечение обстоятельств, совпадение, судьба, наконец, но только не злой умысел. Тем более что с тех пор отношение деда к дочери нисколько не изменились, а преждевременная утрата бабушки явно заставляла его ежечасно горевать. Меня он продолжал любить так же, как и в детстве. Когда он рассказывал мне о своих похождении в время войны в Европе, голос его ничуть не дрожал, так что только недавно я проанализировал всё слышанное от него ранее и пришёл к неутешительному выводу: никаких преждевременных родов у бабушки вовсе не было. Она родила в срок, но не от деда, а от того самого начальника комендатуры, при котором состояла переводчицей и который, выходит, опередил деда где-то на месяц. И что, думал я. Разве это настолько важно? Если так и было, это означало, что мне дед тоже по крови как бы чужой. Но ведь я этого нисколько не ощущал. Он был моим дедом, родным, всегда и навсегда, другого я не знал и знать не хотел, а значит, кровь в этих делах не так важна, как постоянная близость, забота да любовь. К матери я с расспросами не приставал ни разу. Я понимал, что если пойду на это, пока дед жив, может произойти нечто плохое, и наша семья, наш род распадётся. Когда же деда не стало, спрашивать было уже как-то незачем, да и совестно. Наверное, я просто-напросто боялся сам оказаться в положении отвечающего за свои поступки, пусть и детские, пусть и неосознанные, но оттого ничуть не менее значительные и, если уж совсем откровенно, то подлые. Я не должен был болтать лишнего тогда и не имел права пытаться свалить вину на кого-то ещё теперь. Сегодня, когда я делюсь своими радостями и горестями с экраном компьютера, я уже не в состоянии никого задеть, и поэтому делаю это со всей допустимой откровенностью и почти не таясь. Я потерял родных, потерял мою Фрисландию, но обрёл свободу и волю к правде, какой бы фантастической и по-своему страшной она вам ни показалась. А потому я позволю себе вернуться к моей истории.

Как вы могли понять по незавидной судьбе заезжего проповедника и неудавшегося миссионера Ури Шмуклера, виски у нас так и не прижился. Когда капитан Кук с командой на обратном пути из Галифакса решил нас проведать и снова бросил якорь на расстоянии нескольких вёсельных гребков от Окибара, его встретили по-прежнему радушно, однако быстро дали понять, что задерживаться он может ровно столько, чтобы пополнить запасы провизии и питьевой воды. Раздосадованный, он хотел было пообщаться со старейшинами, и обнаружил, что тех, кого он знал, уже переизбрали. Причём именно из-за их слабохарактерной уступки перед заморским зельем. За то время, что он ходил до Канады и обратно, в Окибаре были отмечены случаи пьянства, двоих местных даже пришлось изгонять из их родов, харчевня, где наших знакомили с «британской традицией», чуть не сгорела, так что общее собрание патернусов строго постановило впредь никакой горячительной отравы от чужеземцев не принимать. Капитан Кук успел пообщаться с дедом (который, собственно, и объяснил ему расстановку сил), купил у него на собственные деньги несколько роскошных по европейским меркам песцовых шуб и отплыл восвояси. Больше они не виделись.

Я смело пишу «дед», «бабушка» потому, что так их всегда воспринимал. Когда же я удосужился подсчитать, сколько лет было бабушке, когда она ушла из моей жизни, почти её не затронув, то ужаснулся, поскольку насчитал всего 52 года. Она была моложе меня сегодняшнего! По моим нынешним меркам она была почти девчонкой. Но когда тебе четыре года отроду, а твоей матери – тридцать один, и она твоя мать, та, к кому ты не можешь не прислу-

шиваться по законам старшинства, родства и опыта, все, кто родились до неё кажутся тебе старушками и старичками.

Хромого Бора я помню гораздо лучше. Его не стало в тот год, когда я начал трудиться в конторе Кроули и свозил свою первую группу настоящих туристов с континента в крепость Доффайса. Дед никогда особо не болел, даже после встречи с тем голодным медведем, но когда мы обнялись на прощанье, почему-то сказал «До свиданья». Обычно он говорил «Пока» или «Бывай», хлопал меня по плечу и первым поворачивался ко мне спиной, чтобы уйти по делам. А тут и «до свиданья», и объятья, и влажный глаз. Вероятно, чувствовал. Каюсь, я не придал этому особого значения, не воспринял как сигнал, меня ждали, я спешил, и дед останется у меня в памяти именно таким: стоящим на лужайке перед домом и провожающим нашу повозку взмахом натруженной ладони. Когда через неделю мы благополучно вернулись, меня встретил задумчивый отец, молча взял под руку, чего прежде тоже никогда не делал, и отвёл к старым родовым могильникам, где появился свежий холм, а в воздухе, казалось ещё витают запахи кострища. Мы постояли, помолчали, и я поехал в трактир, где проживали и столовались наши туристы и где их, несмотря ни на что, обхаживала моя мать. Когда я её там увидел, то сразу почувствовал, что смерть деда, а по сути её отца, нисколько на ней не сказалась. Она как всегда суежилась, болтала с постояльцами и была оживлена и я бы даже сказал весела. Думаю, пережить с таким настроением смерть отца ей «помогла» безвременная смерть матери, в которой она невольно винила моего деда. Если бы я застал её убитой горем и плачущей, не знаю, но возможно, я поделился бы с ней своими подозрениями на этот счёт, чтобы хотя бы таким жестоким образом успокоить. Она ведь не знала о том, что тайна её рождения ему известна. Известна благодаря мне. И что гибель бабушки могла быть вовсе не случайной, а умышленной. Не хочу об этом рассуждать...

Своих покойников мы обычно сжигаем. Это называется у нас «генусбринг», иначе говоря «возвращение к роду» или просто кродирование. От наших предков мы унаследовали знание о том, что данное нам при рождении тело есть всего лишь оболочка души или искры вечной, которая сама по себе не может воплотиться в этом мире. Ей обязательно нужен проводник. Нечто по типу аватара в современных компьютерных играх, куда нельзя проникнуть ни рукой, ни ногой, а исключительно через электронного двойника. Как предки это понимали, не имея наших нынешних аналогий, ума не приложу, однако даже я про все эти вещи знал с детства, то есть задолго до того, как впервые увидел не только компьютерную игру, но и компьютер вообще. Без души или искры тело оказывается пустым мешком из мяса и костей. Однако при наличии оживляющей его субстанции оно не просто становится её средством передвижения в мире и орудием восприятия и переживания опыта – духовное и физическое буквально срываются. Большинство людей даже не поймут, о чём это я сейчас говорю, настолько они привязываются к своему образу в зеркале, не догадываясь, что видят перед собой лишь повозку, а не возницу. Тем не менее, мы должны быть благодарны за своё существование в этой реальности и телу со всеми слагающими его частицами, которые принято называть атомами, от греческого «атмос», то есть «неделимый», хотя, скорее всего, в атоме больше от санскритского «атма» или «атман», что понимается как «вечная сущность». Послушав в своё время рассуждения Кроули в разговоре с Ури Шмуклером, я теперь даже склонен полагать, что оттуда же и библейское «адам» – «человечество» и «земля» как первовещество. Поскольку эти атомы проживают с нами целую жизнь, мы должны им по-дружески помочь дорасти из элементарных частиц до уровня нашей атмы и для этого побыстрее отправить в тонкие миры. Считается, что этому способствует как раз сжигание на костре, тогда как долгое гниение в земле навсегда разрывает наработанную связь между частицами «скафандра» и атмой. Если же у нас заводился какой-нибудь страшный грешник, которого никто после смерти не хотел принимать к себе обратно в род при следующем перевоплощении, его тело мумифицировали и оставляли где-нибудь подальше от людей, но так, чтобы его всегда можно было увидеть. Помнится, я

крайне удивился, когда узнал, что на континенте всё свершено наоборот – там таким образом издеваются над останками людей, которых считают «святыми», то есть безгрешными. Кроули послушал мои сбивчивые рассуждения по этому поводу, грустно вздохнул, выбил на ладонь пепел из погасшей трубки и только спросил:

– А с чего ты взял, будто тот бог, который их этому научил и которому они молятся, добрый? Разве может добрый бог заставлять верящих ему людей называть себя его «рабами»? Да ещё накладывать на себя крест, соглашаясь с тем, что жизнь для них – тяжкая ноша.

Я не стал спорить, поскольку ни тогда, ни сейчас многого не понимал и не понимаю, но вопрос этот запомнил и не раз к нему впоследствии возвращался.

Через час кродирования от трупа остаётся пепел да мелкие куски костей. Пепел с золой мы обычно высыпаем в океан, а кости, которые огонь не принял, складываем в специальные короба и хороним в могильниках, чтобы было, кого вспомнить и поддержать на том свете силой мысли. Ведь очевидно, что чем больше человек сделал в этой жизни хорошего и чем больше людей о нём нет-нет да и подумают, тем больше питания на тонком уровне получает его атма. Порой настолько, что ей уже больше незачем перевоплощаться, и тогда она отправляется в странствия по другим мирам, то есть мерам, то есть измерениям. Только тогда для неё наступает настоящая «смерть» – смена мерности.

Итак, теперь и вы знаете, что я фрисландец лишь наполовину. На отцовскую. Потому что на самом деле неизвестный мне отец моей матери и мой настоящий дед был русским комендантом в немецком Берлине. Нет, я неправильно выразился: настоящим моим дедом был, конечно, Хромой Бор, а тот военный был моим дедом по крови. Я до сих пор не могу для себя решить, что важнее – кровь или близость. Иногда мне кажется, что ближе Гепфеста у меня никого не было. Даже отец и мать отступают куда-то на второй план. Заменить его удалось разве что Кроули. Но про это позже.

Мать свою я любил и люблю. Будучи младшим в семье, я получал всё самое лучшее, и даже отец никогда толком меня не отчитывал и не наказывал, разве что отшлёпал однажды, когда я, если вы не забыли, принёс ему железный крестик с кургана. Вероятно, именно поэтому я воспринимал обоих своих родителей как должное, а их ко мне отношение – как вполне заслуженное, и не ценил. Они всегда были при деле, всегда чем-то заняты, поэтому их любовь казалась мне эдакой калиткой в заборе: да, она в любое время дня и ночи открыта, но вообще-то вокруг – преграда. Сначала дед, а потом Кроули, несмотря на разницу в возрасте или благодаря ей, были мне ощутимо ближе родителей. Может быть, тому виной подспудное чувство, что они не обязаны со мной возиться, и потому я с восторгом воспринимал их внимание, которое оба дарили мне со всей искренностью, свойственной пожилым людям. А может быть, тот случай, когда я по глупости предал бабушку, выдав её тайну деду, и отдалил меня от матери: сознав, что сделал гадость, я малодушно испугался, как бы она про это ни узнала и ни прокляла меня. Обидные слова, подзатыльники и ремешок мне не были страшны, но вот проклятье – я знал, что в гневе наши женщины умеют ведьмачить и наводить порчу. Историй о том, чтобы чья-то мать портила жизнь своим детям, я, признаться, не слышал, и всё же не хотел становиться первой жертвой. Тайна осталась тайной, дед, возможно, и сам забыл мою детскую откровенность, однако на протяжении ещё многих лет каждое резкое слово в мой адрес из материнских уст заставляло меня внутренне сжиматься в ожидании разоблачения.

Со временем, по мере моего взросления, отец из отца сделался мне близким другом, а мать, нет, разумеется, не подружкой, но её родительское внимание довольно долго помогало мне бороться с искушениями слабым полом. Влюбчивым я никогда не был, хотя сверстницы из соседних с нами родов-деревень меня интересовали столько, сколько я себя помню. Вполне, признаться, невинно, но оттого ничуть не менее сильно. Я никак не мог взять в толк, почему с ними не получается дружить точно так же, как с обычными мальчишками. Сестра и её подруги общались со мной, правда, нехотя, исключительно свысока, подтрунивали и под-

шучивали, что и понятно, поскольку они были старше и если не умнее, то уж во всяком случае опытнее. Их я просто не понимал. А когда сталкивался где-нибудь с новой девочкой моего возраста или младше, считал, что она не должна чувствовать себя хуже знакомых мне мальчишек, и обращался с ней соответственно, часто запанибрата, и это оказывалось в корне неправильным. Я обжигался, горевал, иногда даже страдал, заводил очередные знакомства, снова обжигался и снова не выносил из этого никакого урока.

Обычно эти случайные встречи происходили во время наших с отцом странствий по острову. Когда мне исполнилось четырнадцать, и я уже постиг все основные премудрости школьного образования, он стал часто брать меня с собой. Выше я уже упоминал об этом в связи с той рыбой, что водится у наших берегов. Мы проверяли гарпуны, укладывали на дно баркаса сети, которыми вообще-то не собирались пользоваться, брали спальные, тёплые и непромокаемые, и отчаливали, покидая отчий дом на две, а иногда и на три ночи. Если вы думаете, что всё это время мы только и делали, что били зубаток, то сильно ошибаетесь. Как я потом понял, для отца промысел был лучшим способом уйти на время от домашних забот и с головой окунуться в тот мир, который вечно манил его своей неизвестностью и непредсказуемостью. Иногда мы, действительно, только плавали да искали добычу. Но чаще всего, особенно ближе к зиме, когда выловленная рыба долго не портится, мы в первый же день добывали столько, сколько нам было нужно, а потом причаливали к берегу, либо совсем безлюдному, либо, наоборот, поближе к какому-нибудь городку и, в зависимости от обстоятельств, либо проводили время у костра за разговорами, либо надёжно прятали улов и шли в народ. В обоих случаях домашним подробностей наших плаваний знать не следовало. Думаю, мать, хотя и не подавала виду, догадывалась, поскольку раза два мы возвращались вообще без рыбы, которую умудрялись всю без остатка продать на соседних рынках, но зато при деньгах, вырученных за неё. Что до Тандри, моей старшей сестры, то она никогда на отца не претендовала и к нам в попутчицы не просилась. Поначалу ей вполне хватало домашних дел, а потом – ухажёров из Окибара, куда она частенько навещалась по выходным дням и где в итоге обрела своё счастье с талантливым, как все уже тогда говорили, программистом Гордианом. Отец и дома никогда не хандрил, но в поездках ещё больше преображался, веселился, потешал меня разными байками, легко сходилась с незнакомыми нам людьми, заигрывал с симпатичными девушками и женщинами, одним словом, показывал мне пример, а уж дурной или достойный – решал я сам. Ничего дурного я в этом не видел и переживал лишь потому, что у меня самого такое обаятельное поведение никак не получалось. В конечном счете, за несколько лет подобных странствий мы постепенно оплыли весь наш остров. Правда, на севере, на родине отца, в городе-крепости Кампа я побывал ещё раньше. Как-то летом мы съездили туда всей семьёй – с мамой, Тандри и даже дедом.

Если вы решили, что жизнь у нас на острове, особенно по сравнению с континентом, тихая и безоблачная, значит, я никудашный летописец. Или пишу, опережая события и не слишком вдаваясь в подробности истории. Для того, чтобы создать у вас такое ошибочно радужное представление, нашим предкам пришлось немало посражаться в довольно кровопролитных баталиях, отстаивая, как говорится, свободу и независимость. Я счёл уместным обмолвиться про это именно сейчас, потому что в Кампе нас тогда никто из родственников не ждал: родители отца сгинули в так называемую «войну Кнут-Кнута», и он с малых лет воспитывался в приютившей его чужой семье, от которой на момент нашего приезда остались не густо: двое его сводных братьев и сестра. Им до нас особого дела не было, все вели собственные хозяйства и жили собственными семьями, и только правила приличия и гостеприимства вынудили их провести с нами вечер, когда отец собрал в своём бывшем доме старых друзей и дальних родственников и закатил знатные посиделки с песнями, танцами и братаниями. Там я впервые познакомился с девочкой, которая мне почему-то сразу понравилась, хотя впоследствии, сколько я ни вспоминал её, ничего уж такого необычного ни в рыжей чёлке, ни в хитрых зелё-

ных глазах не находил. Более того, когда мы случайно встретились там же, в Кампе, несколько лет спустя, я сделал вид, будто не узнал, и если бы не отец, который тоже заметил её среди рыночной толпы и окликнул по имени, не дрогнув, прошёл бы мимо. Она была дочкой одного из его приятелей, и мы, помнится, постояли и поговорили о том о сём. Похоже, мой отец интересовал её куда больше, нежели я, с кем она под шумок тогдашней вечеринки нашла предлог несколько раз храбро поцеловаться. Не помню даже, как её звали, что, признаться, на меня непохоже.

Кстати, я, кажется, до сих пор не назвал имени своего отца. Хэмиш. Отца звали Хэмиш. Образовано оно, как я узнавал, от формы звательного падежа ирландского и шотландского имени Шэймас, которое в английском соответствует Джеймсу. Отец говорил, что так же звали и его отца, и отца его отца. Никогда не понимал подобного отсутствия воображения. Северяне, одним словом. Чего с них взять?.. Когда-то давно, да, возможно, это была всеобщая традиция, род шёл по мужской линии, и его надлежало таким вот неуклюжим образом поддерживать. Сегодня же, если у отца и сына одинаковые имена, это свидетельствует лишь о том, что они считают себя носителями посконных обычаев и хотят, чтобы так о них и думали окружающие. Я отнюдь не против устоев, но против крайностей. Взять хотя бы упомянутую «войну Кнут-Кнута».

Не война это, конечно, была, но вражда, долгая и кровавая, двух Кнутов – отца и сына. Оба были тоже родом из Кампы, причём отец слыл человеком весьма уважаемым и не раз избирался сепсусом. А сын посчитал, что отец его притесняет и не даёт развернуться. Он подговаривал дружков, чтобы вместе расквитаться с родителем за обиду. Кто-то не то проговорился, не то умышленно разоблачил заговор, возмездие не состоялось, да только в результате началась затяжная междоусобица. Подробности не знаю. Сколько спрашивал, все разные былины в качестве доводов приводят. В итоге же Кампа превратилась в раскалённый горн, в котором, как в христианском аду, разгорались нешуточные страсти, поглощавшие всё больше и больше ни в чём изначально не повинного народа. Дошло до поножовщины и убийств. Кнуту-сыну пришлось бежать. Укрылся он, как потом оказалось, неподалёку, на Фарерских островах, откуда через год-другой нагрянул в родную Кампу с целой ватагой тамошних сорвиголов, которым пообещал после победы над Кнутом-отцом и его соратниками денег и земель. Мой отец хорошо помнил, как той ночью весь город был разбужен языками пламени и треском горящих домов, а по улицам рыскали страшные тени и рубили всех встречаемых и поперечных острыми топорами на длинных рукоятках. Они с матерью забрались в подпол, а его отец побежал биться с пришельцами. Когда он через долгое время не вернулся, мать пошла на его поиски, и он её тоже больше не видел. В следующий раз дверца подпола открылась только под вечер. Отец всё это время не двигался, ничего не ел, умирал с голода, но послушно ждал. Оказалось, что пришли соседи, заметившие запустенье. Отца вынули из-под земли, кое-как отогрели и накормили, а когда он наутро проснулся, к нему в кровать забрался соседский сын и радостно объявил, что обоих его родителей нашли зарубленными. Отец не растерялся, дал мальчишке кулаком в нос и сбежал. Причём не в отчий дом, а куда глаза глядят, то есть куда подальше. Даль оказалась не такой далёкой, и побег скоро закончился на небольшом хуторке в пределах видимости крепостных стен, не справившихся с защитой тех, кто в них верил. Там отец и остался на несколько последующих лет, за кусок хлеба и крышу над головой помогая приютившему его семейству разводить пчёл и заготавливать пушнину. Война Кнут-Кнута со временем осталась в прошлом.

Для всех, но не для него. Старший Кнут умер своей смертью, уважаемый и почитаемый горожанами по-прежнему, будто не он стал одной из причин той междоусобицы. Мой отец твёрдо знал, что его отец погиб, защищая Кампу от фарерцев, и потому не стал мстить старику. Зато Кнут-младший, сам превратившийся из злобного юнца в грозного «ястреба», как у нас таких называют, и то и дело преспокойно возвращавшийся в город из разъездов по миру, где он слыл умелым военным наёмником, не позволял затянуться детской ране. Иногда наш фольке-

рул представляется мне слишком наивным для нынешних времён. Кнута, разумеется, отрезали от всех родов и сочли, что для него это будет страшной карой и достойным возмездием. А он чихать на всех хотел. Не желаете подавать руки и разговаривать? Больно надо! Наведывался в Кампу, когда заканчивался очередной контракт, гулял с бывшими друзьями, надоедало – снова отправлялся куда-нибудь делать своё кровавое дело. Несправедливость коробила отца. Он долго её терпел, опасаясь навлечь всеобщий гнев на своих приёмных родителей, однако когда окончательно оперился и встал на ноги, явился как-то раз к дому, где имел обыкновение останавливаться Кнут, дождался ночи и... Если вы почитаете наши архивы того времени, то узнаете, что Кнут погиб во время пожара, вспыхнувшего по недосмотру. Мол, гости напились заморских гадостей, заснули, кто-то уронил очаг, ну дом и полыхнул. Сегодня эта трагедия почти сорокалетней давности – лучшая пугалка для нашей несмышлёной молодёжи, красноречивее любых других доказывающая опасность употребления алкоголя. И только мы с отцом знаем, как всё было на самом деле. Я, правда, знаю с его слов. Отправься мой дед на поиски золота чуть пораньше, глядишь, я бы тоже в этом поучаствовал. Не судьба. В газетах почему-то умолчали, что из горящего дома спаслись все, кроме хозяина. Его мой отец нашёл в спальне, слегка придушил, приковал за ногу к железной кровати наручником, который нашёл там же, чуть ли не на тумбочке, поскольку, как я потом понял, Кнут любил предаваться со своими многочисленными поклонницами подобным играм, поднял ложную тревогу, дав всем лишним возможность убраться подальше, привёл жертву в чувство, объяснил, за что, и поджёг комнату в нескольких местах, а потом, прихватив с собой съестное, заперся в подвале и долго слушал, как орёт Кнут, как бегают люди, как вершится запоздалое правосудие. Круг замкнулся. Из подвала он вышел новым человеком, снявшим с души грех вынужденного прощенья. Кстати, пожар получился настолько удачным, что выгорела только спальня. Никакие другие комнаты не пострадали. Когда мы ходили по Кампе, отец показывал мне тот дом. Он стоит и поныне.

С возрастом я понял, что люблю не только собирать эти и подобные ей истории о нашей островитянской жизни, но и рассказывать их другим. Разумеется, выборочно, не всё подряд, чтобы никому, и мне в первую очередь, не было стыдно. Полная правда никогда ещё не приносила добра. Мешать правду с кривдой нежелательно, но в чистом виде правду нужно подавать всегда дозировано, с умом. Первые испытания этой моей жизненной философии я проводил на сестре. Тандри была милой девочкой, старалась меня не обижать, хотя, наверное, ревновала к родителям, как случается всегда, когда в семье есть младшие дети. Разница в возрасте на четыре года представляется в детстве огромной дистанцией, поэтому со своими опытами мне пришлось дожидаться, когда Тандри исполнится восемнадцать, а мне перевалит за четырнадцать. Тандри пошла в мать, была высока и стройна, как берёзка у нас под домом, и я почти нагнал её только где-то к двенадцати. Зато я водился с братьями её подружек, и те и другие часто трепались языком, сбалтывая уйму лишнего, и благодаря им я много чего знал о происходившем и в нашей округе в целом, и с сестрой в частности. Не ябедничал я никогда, но вот воспользоваться осведомлённостью, чтобы посмотреть, как поведёт себя Тандри – этого удовольствия я запретить себе не мог. Не подумайте обо мне плохо: мои розыгрыши и подначки носили исключительно добродушный характер. Я вообще относился ко всему женскому населению с лёгким трепетом и иногда даже излишне щепетильно, чем зачастую вызывал насмешки своих сверстников, лишённых необходимости думать и рассуждать, когда речь заходила о том, для чего нам обычно служат инстинкты.

До замужества Тандри, по моим подсчётам, влюблялась дважды, и оба раза крайне неудачно. Первый раз её избранником оказался не кто-нибудь, а сам старик Кроули, который к тому времени уже во всю заправлял своей конторой по привлечению и развлечению туристов и для начала привлёк мою мать – к усиленному сотрудничеству в качестве старшей по кухне. Как вы уже могли понять, Кроули вёл холостяцкий образ жизни, никто из нас никогда не видел,

чтобы у него подолгу задерживались или хотя бы гостили какие-нибудь посторонние женщины, и все, кроме меня, считали его просто забавным чудаком, который в один прекрасный день проснулся и решил, что должен открыть своё дело. На самом деле проснулся он ночью. Ночь была совсем не прекрасная, а очень даже промозглая и зябкая. Однако, как он потом вспоминал, он закутался в плед и вышел на порог веранды. Над узким проливом мутнела Луна, и в её волшебном свете островок Монако показался ему заснувшей прямо в воде гигантской черепахой. Кроули подумалось, что если эту красоту кому-нибудь показать, то она кому-нибудь тоже понравится, а кого-то, может быть, вдохновит на картину или книгу. Но прежде всего вдохновился увиденным он сам, и с тех пор каждый день размышлял, а когда не размышлял, то непременно что-то делал. Постепенно мечта стала обретать плоть: появился собственный причал, была достигнута договорённость со старейшинами о постройке такого же на Монако (причём с дальней стороны, чтобы не было видно ничего рукотворного с нашего берега), у причала закачался небольшой и тихоходный, зато вполне надёжный паром, как будто сама собой выросла просторная изба с трактиром и спальными комнатами, мать пропадала там сперва на несколько часов, потом всё чаще и чаще, потом к ней присоединилась Тандри, а потом оказалось, что предприятие если не процветает, то приносит всем заинтересованным участникам неплохой доход. Несмотря на любовь к книгам и высоко парящим фантазиям, Кроули звёзд с неба не хватал и трезво отдавал себе отчёт в том, что на первых порах его клиентами будут никакие не толпы паломников с континента, а наши же островитяне, только из других мест, например, с севера. Почему бы им летом не повадиться в наши пенаты отдохнуть вдали от домашней суеты, загорать и даже купаться? Да и зимы, как я уже, кажется, упоминал, у нас помягче, поскольку мы уютно отгорожены от северных ветров густыми лесами. На какое-то время ему удалось заинтересовать развитием туризма моего отца, который как раз отправлялся со мной в одну из первых поездок в Кампу и обещал замолвить за него словечко перед своими друзьями и знакомыми. Сам же он отлавливал первых клиентов под боком, в Окибаре, среди заезжих торговцев на рынке, кого-то приглашая отдохнуть у нас лично, всем семейством, а кого-то заинтересовывая процентом от поступлений с их «протеже», то есть, с тех, кто приехал бы к нам по их совету. Впоследствии оказалось, что на самом деле он пошёл ещё дальше, и разрешение на постройку причала было не единственной договорённостью, которой он достиг на переговорах с местными старейшинами. Вычитав в очередной книжке, как это делается на континенте, он убедил их, что туризм, о котором до него здесь ни одна живая душа не помышляла, дело если не великое, то крайне выгодное во всех отношениях, поскольку способствует экономическому развитию и благополучию региона. Да, приезжие будут жить у него, но никто не запрещает им посещать городские лавки, бани, харчевни, всякие азартные и не очень игрища, одним словом, он трудится не только на себя, но и на всех, если так можно выразиться, южан. А значит и южане, в лице старейшин, могут и должны поелику возможно помогать ему. Подробностей не знаю, но слышал, что красноречье Кроули позволило ему делать первые шаги на этом новом и непростом поприще почти задаром: старейшины прониклись перспективой и раскошелились. Думаю, в накладе не остался никто. Кроули расцвёл, стал ходить чуть ли не павлином, чистым, умытым и не по-стариковски с иголки одетым, чем крайне выгодно отличался и от своих сверстников-дедков, и местных тружеников вообще. Поскольку к тому времени я уже был вхож к нему не только на веранду, я знал, что книгами и всякими яркими журналами его снабжает с континента кто-то из родственников. Причём журналы эти были посвящены не только путешествиям, чем приводили меня в трепет потрясающими картинками, но и оружию, рыбалке, автомобилям, кинематографу, одежде, вкусной кухне, дому, литературе и многому чему ещё. Тексты были на самых разных языках, чаще других – на английском, и со временем я выучился неплохо его понимать и читал всё больше и больше. Кроули же иногда брал под мышку какой-нибудь модный журнал и отправлялся с ним к городским портным, от которых через неделю-другую приходил готовый заказ: костюм-

тройка, новая жилетка, броский шарф, изящная кепка и уж не знаю, что там ещё, только вместе они превращали Кроули в стильного джентльмена, каким я представлял себе дедовского капитана Кука.

Ничего удивительного, что наша Тандри влюбилась. Для неё это было первым в жизни сильным чувством, скрывать его она ещё не умела и потому как-то раз, переборов смущение и не подозревая о том, что я листаю журналы в уголке веранды и всё слышу, подошла к курившему трубку в кресле-качалке Кроули и заявила, что намерена выйти за него замуж. Кроули её внимательно выслушал, дал вместо ответа восхитительный леденец, из тех, которыми его самого угостил кто-то из гостей с востока, где знают толк в сладком, и отправил домой ждать своего часа. Тандри тогда было лет девять. Глупышка не поняла, что от неё избавились. Я никому об услышанном говорить не стал, однако с нетерпением ждал продолжения комедии, которой хотел в полной мере насладиться в одиночку. Не прошло и двух дней, как она пожаловала снова, наряженная и красивая. Кроули всё так же сидел в кресле, зато я теперь прогуливался перед домом у неё на виду и всячески давал понять, что никуда уходить не собираюсь. Пришлось бедняжке сперва ждать, в надежде, что меня кто-нибудь позовёт, а поскольку помощь так и не подоспела, понизить голос и сообщить избраннику, что она уже ждала достаточно и явилась за ответом. Кроули снова откупился от неё леденцом. И снова намёк не был воспринят. Зато теперь я имел полное право пристать к сестре с расспросами и под угрозой разглашения её секрета выведать из первых уст причины столь внезапного и неожиданного выбора. Тандри сказала, что Кроули ещё хоть куда, что именно так о нём отзывался отец, когда недавно на повышенных тонах разговаривал с матерью, и что он ей и в самом деле очень нравится.

– Нравится?! – поразился я. – Просто нравится, а ты уже готова за него замуж? Это же не любовь.

– Ты ничегошеньки не понимаешь, – ответила Тандри и была совершенно права.

Действительно, я ожидал, что Кроули в следующий раз, если она наберётся наглости для нового захода, возьмёт её за ушко и собственноручно приведёт обратно домой, чтобы дурёхе было неповадно мешать мужчинам заниматься делом, однако когда через неделю всё в точности повторилось, наш импозантный сосед встал из кресла, поцеловал Тандри в лоб, кликнул меня, и мы втроём отправились за чем-то в трактир. Оказалось, что Кроули решил попросить у нашей матери разрешения сводить нас обоих на ярмарку в Окибар. Заканчивался сентябрь, вот-вот должен был начаться наш главный праздник, Ярново, то есть Новолетье, и Кроули, мол, вздумалось сделать нам, таким хорошим детишкам, подарки. Вообще-то ему следовало спрашивать разрешения у отца, но он в те дни был на промысле, поэтому матери ничего не оставалось, как брать всю ответственность на себя, и в итоге она уступила нашим с Кроули улыбкам и умоляющим взглядам Тандри. Честно говоря, я думал, что старик допускает жуткую ошибку: если он сделает моей сестре какой-нибудь, пусть даже мелкий подарок, она в него влюбится окончательно, и тогда уж точно пиши пропало. Но что может знать пятилетний карапуз да ещё переполненный ревностью? Кроули оказался прав: на ярмарке Тандри нагладелась на такое количество разряженных «красавцев» всех видов и возрастов, что с тех пор стала мечтать лишь о том, чтобы оказаться в городе снова и снова. Кроули в её глазах померк. Я был счастлив.

Не помню, что именно получила в подарок она, потому что сам я после той поездки был занят новеньким луком, почти настоящим, почти взрослым, из которого можно было здорово дырявить пустые консервные банки, так что мать всю неделю, пока не лопнула тетива, переживала, как бы я кого ни поранил, включая, разумеется, себя самого. Тетива же лопнула странным образом, ночью, когда я мирно спал, так крепко, что не слышал, как с промысла вернулся отец. Обнаружив катастрофу утром, я первым делом бросился за помощью к нему, однако он был хмур, как туча, и обещал произвести ремонт в слишком неопределённом будущем. Пришлось идти к Кроули и показывать ему испорченный подарок. Кроули лук перетянул, используя

леску, так что в итоге получилось даже лучше, чем было. Зато отец нахмурился ещё сильнее и, думаю, имел с Кроули серьёзный разговор. Который ни к чему не привёл: я по-прежнему дружил со стариком, а мать по-прежнему по мере необходимости кашеварила в трактире. Сейчас я понимаю, что ревность у нас в крови, и отец ревновал жену и детей к Кроули ничуть не меньше, чем дед – бабушку к её бывшему начальнику, а я – Кроули к Тандри. Важно было то, что некоторым из нас удавалось с ней совладать, а некоторым – нет. Думаю, Кроули сумел переубедить отца, поскольку, во-первых, никого не боялся, считая себя всегда правым, а во-вторых, обратил его внимание на очевидную разницу в возрасте, снимавшую, по его мнению, все вопросы относительно мотивов для тех или иных поступков. На мне бы этот довод сегодня не сработал, но отцу, наверное, он показался достаточным, так что больше никаких разборок он чинить не стал, а вот меня, как я говорил, с тех пор всё чаще брал с собой, давая понять, мол, с Кроули, конечно, интересно, но разве можно это сравнивать с путешествиями вдвоём с родным отцом. Его расчёт оказался правильным: отрочество я провёл вдали от Кроули, общаясь со стариком разве что на предмет прочитанных книг, которые продолжал у него то и дело одалживать и изучать во время наших с отцом странствий по острову.

Что касается Тандри, то второй раз она влюбилась уже взрослой девицей лет семнадцати. Причём пала она жертвой не чьей-нибудь, а моей теории о том, что девушки чаще всего вздыхают по тем, кто не обращает на них ни малейшего внимания. Конечно, я вычитал об этом в умных книжках, но когда у меня зашёл спор по этому поводу с моим закадычным приятелем Львовом (с которым мы в детстве воровали крестики у покойников, если помните), я не стал ни на кого ссылаться, и выдал этот постулат за собственный, поскольку хотел произвести впечатление поднаторевшего в подобных вопросах специалиста. Помимо Львова, в нашей кампании были ещё ребята, и я должен был упрочить за собой роль их вожака. Расплачиваться пришлось Тандри. Объектом вожделенной страсти я с общего согласия избрал для неё недавно перебравшегося к нам в деревню жениха дочери одной моей дальней тётки по матери. Свадьбу ещё не сыграли, но парень уже жил в доме своей будущей тётки и целыми днями просиживал в лавке за единственным известным ему ремеслом – точил разную обувь. Сапожник из него, говорили, должен был получиться изрядный, заказов и дел, связанных с их своевременным исполнением, возникало всё больше, так что я мог быть уверен: у Тандри он будет постоянно на виду. Главное же, что он был юношей не только рукастым, но и по женским меркам видным: высоким, чернявым, с торчащими из под расстёгнутой в ворота рубашки клочками волос на груди, и стеснительным. Насколько я знал, он души не чаял в своей невесте, предпочитая её общество любому другому, ни с кем, кроме клиентов лавки, не знался, а уж Тандри и в глаза не видел. Я же сестре напел, что, мол, бедняга по ней сохнет, не рад данному обещанию жениться на другой, но по понятным причинам никому в этом не признаётся и лишь с утра до ночи страдает от неразделённой любви. Тандри меня выслушала, не останавливая, а когда я замолчал, фыркнула, гордо взметнула подбородок, и сказала, что я дурак. Спорить я не стал, зато продолжал наблюдать, и скоро мы все дружно заметили, как Тандри начинает наворачивать вокруг ни о чём не подозревающего сапожника круги. Я ликовал. Он не обращал на неё внимания, по моим подначкам она могла предположить, будто это у него такая игра в недоступность, а в итоге наживка заглатывалась всё глубже и глубже. Дошло до того, что Тандри отправилась к нему в лавку делать заказ на пару новеньких туфель. Деньги она выклянчила, само собой, у матери. Мы с ребятами прятались за стогом сена на другой стороне улицы и помирали со смеху, наблюдая за происходящим в окне немим разговором. Я был на седьмом небе от гордости, потому что никто из нас не сомневался в том, что мой план наилучшим образом сработал, и искреннее безразличие стало причиной искусно зарождённого чувства. И только уже потом, дома, я оказался объектом праведной отповеди: Тандри обвинила меня в непонимании элементарных вещей, потому что, как она со стыдом выяснила, никаких любовных порывов парень к ней не испытывал. Напрямки она его, конечно, не спрашивала,

но тон разговора и женское чутьё подсказали ей, что младший брат, школьник и тупица, то есть, ошибся адресом. А поскольку за то время, пока я водил её за нос, Тандри успела не на шутку в сапожника втюриться, обнаружение подвоха обрекло её на страдания и расточительное слёзо-выделение. Самое же интересное произошло дальше. Когда настал срок забирать заказ (деньги были заплачены, ступня моей драгоценной сестры измерена, и туфли сшиты), и Тандри, посвежевшая и почти забывшая о позорной доверчивости, явилась за ним, выяснилось, что у моей теории есть и обратная сторона: сапожник тоже пересмотрел свои взгляды на женщин и, сам того не желая, влюбился в мою наивную сестру. Она даже несколько раз втихаря от всех (кроме меня, само собой) бегала к нему на свиданья, и если бы её собственный пыл к тому моменту ни поутих, ещё неизвестно, каких масштабов скандал устроила бы моя тётка. В конце концов, всё обошлось: тётка стала тёщей сапожника и вскорости заполучила целый выводок внучат, а моя Тандри обзавелась ещё не одной парой очень, кстати, неплохих туфель, причём несколько пар, по её словам, она получила в подарок.

Единственным человеком, который постоянно сидел в конторе, был сам Кроули. Туристы навевались, иногда аж по несколько человек, и тогда мы с Тандри охотно подключались к хлопотам по паромным прогулкам на Монако, к уборке в трактире и жилых комнатах, к закупкам провианта в городе, но довольно часто никаких туристов не было дни, иногда недели, и тогда каждый из нас занимался тем, что приносило нам более или менее постоянный приработок. Туристы мне, признаться, нравились больше охоты и рыбалки, и я постоянно занимал свою голову мыслями о том, как привлечь их в соответствующих количествах, чтобы заниматься только этим, а всё остальное превратить в редкое приятное хобби. Размышление и чтение журналов привели меня со временем к очень простому решению – интернет. Телефонные кабели лежали на дне океанов, особенно нашего, Атлантического, с конца XIX века, правда, тогда они были телеграфными, но их по мере надобности нарастили до телефонных, и жители острова при желании и необходимости могли обратиться в специальную службу в Санестоле и сделать оттуда звонок в любую точку остального мира. Дома телефонов никто, разумеется, не держал, да и к электричеству вообще у нас, особенно в деревнях, отношение было всегда так себе. Хочешь с кем-нибудь поговорить, садись летом на коня или в повозку, вставай на лыжи зимой и вперёд – в гости. Конечно, заранее лучше отправить уведомительное письмо, для чего у нас издавна существовало довольно бойкое почтовое сообщение. Причём письма передавались не только и не столько через специальных почтовых, а с любым попутным транспортом, который честно доставлял послание, разумеется, не до дверей адресата, но до ближайшего отделения.

Так вот, я как-то вычитал, что на телефонные кабели привешивают новый способ связи, который на большой земле прозвали «Интернетом». Журнальчик, в котором я это вычитал, был позапрошлогодний, из чего я сделал вывод о том, что технология эта должна быть уже достаточно неплохо освоена, и поделился соображениями с Кроули. Как ни странно, он сразу смекнул, к чему я клоню, и отправился наводить справки по своим каналам, а мне велел не сводить глаз с заходивших к нам изредка кораблей, чтобы при первой же возможности немедленно отправляться навстречу команде и пассажирам с расспросами об этой новинке и о том, насколько она там у них в ходу. Как потом оказалось, спохватились мы вовремя, то есть, оказались не в конце уходящего в даль технологического паровоза, а где-то в середине. Когда мы в два голоса заговорили о необходимости иметь интернетную связь с континентом и через неё привлекать новых туристов, оказалось, что до старейшин эта тема уже кем-то доводилась, но не заинтересовала и не получила поддержки, а сейчас наша вторая волна информации была воспринята не настолько в штыки, чтобы быть отмечённой с порога. Из Санестола Кроули сперва переговорил по проводу со своим континентальным родственником, и тот обещал максимально оперативно прислать ему свежую прессу по интересующей нас проблеме. Заодно Кроули пообщался с тамошними старейшинами на предмет переброски кабеля от них

к нам, чтобы мы могли как следует развернуться и стать рупором всего острова. Санестол, если помните, это наш запад, там постоянно штормит, там кружит Гольфстрим, одним словом, там не то место, которое могло бы поспорить с нашим югом за первенство на туристической стезе. Все понимали, что будущее за югом. Мы же могли клятвенно обещать, что приведём своих клиентов полюбоваться на их сухопутные достопримечательности. В результате проделанной в разных направлениях работы меньше чем за два года мы обзавелись собственным мощным по тем временам сервером, нашли толковых ребят среди городских, и под моим и Кроули бдительным руководством был создан вполне презентабельный сайт, рассказывающий о радостях отдыха у нас на острове. Пришлось, конечно, повозиться с оформлением, то есть с фотографиями, поскольку изначально ни у кого из наших тут фотоаппаратов не было, потом выяснилось, что никто не умеет плёнки проявлять, потом удалось собрать целый фотоархив, распечатывая результаты в Исландии за большие деньги, потом всё это было там же отдано на сканирование, и, наконец, ура, сайт заработал. А поскольку в те времена активность в интернете только-только зарождалась, его постепенно стали замечать и, о чудо, действительно, приезжих прибавилось. Не так, чтобы гавань забились приходящими по дюжине на дню кораблями, но раз в неделю кто-нибудь да бросал у нас якорь. Раньше судно-два в месяц – уже хорошо. Старейшины даже забеспокоились, не слишком ли они позволили нам много свободы в наших электронных активностях, поскольку, не испытывая от большой земли никогда никакой особой зависимости, мы не хотели в одночасье потерять свою самобытность и стать придатком какой-нибудь державы. Туризм туризмом, но золотая середина, по их мнению, выдерживаться должна. А то, не ровён час, снова примчат любители обращать всех в свою религию или пить с утра до ночи – кому такая радость нужна? Кроули с этими замечаниями соглашался, не мог не согласиться, однако я видел, что новые клиенты пробуждают в нём живой азарт и желание, чтобы их было больше. Наш сайт никого не обманывал и не вводил в заблуждение. На пару со стариком мы писали в текстах всё честно, как есть, сразу давая понять желающим к нам наведаться, что именно они могут здесь ожидать, а чего – ни за какие коврижки. Поэтому в итоге наши гости оказывались в целом людьми взрослыми, повидавшими мир, уставшими от его суеты и решившими провести несколько дней в уединении, среди почти первозданной природы и суровых, как им могло показаться, аборигенов. Могу вас заверить: разочарованным от нас не уезжал никто.

Пока мы заполняли сайт, произошло несколько довольно значительных событий, которым я поначалу не придавал должного значения, но которые, вот увидите, повлияют на дальнейший ход моего рассказа. Во-первых, Тандри нашла-таки свою судьбу. Во-вторых, собирая разрозненные достопримечательности Фрисландии под одну общую крышу сайта, я не только ещё сильнее проникся любовью к своей родине, но и ощутил в себе определённые задатки летописца. Я буквально чувствовал, как под моими пальцами оживают образы из легенд, как скупая история наполняется жизнью и как интерес к ним посторонних сторицей возвращается ко мне энергией и желанием продолжать творить дальше. Нет, я ничего лишнего не сочинял: это было бы не честно ни по отношению к гостям, ни к нашему острову, не требующему лишних симпатий ценой досужего обмана. Просто мне казалось, что я умудряюсь находить даже в заурядном нечто такое, что влекло к себе окружающих и множило ряды наших постояльцев и мешочки с деньгами в сундуке Кроули и в комоде моей матери.

Кстати, о деньгах. С прибытия на наш остров капитана Кука сотоварищи сразу после второй мировой в их отношении произошли если не разительные, то довольно существенные перемены. У нас появились банки. Точнее, банк. Он так и называется – «Фрисбанк». Банк по континентальным меркам крохотный, в каждой из нескольких разбросанных по острову контор трудится от силы два-три человека, но он представлен во всех основных городских центрах и оказывает услуги, в частности, приезжим, у которых, как вы понимаете, нет возможности расплачиваться по-прежнему находящимся у нас в обороте золотом. Ни одна из интере-

сующих вас лавок просто так ваши деньги не примет, будь то кроны, доллары или что ещё. Бумажки нам ни к чему. Поэтому вы первым делом идёте с корабля в ближайшее отделение «Фрисбанка» и покупаете там на ваши бумажные активы наших золотых монет, которыми впоследствии со всеми и расплачиваетесь. Банк же собирает полученные фантики в одну кучу, и кто-нибудь из сотрудников время от времени садится на отплывающий корабль (в сопровождении парочки хорошо обученных драться и стрелять богатырей) и отправляется на большую землю либо менять их на драгоценности, либо сразу закупать нужные для острова вещи. В итоге никто не в накладе, и все довольны. Со временем «Фрисбанк» зарекомендовал себя так хорошо, что старейшины передали ему право на выдачу ссуд, чем раньше занимались собрания фортусов, не ниже. Ссуды, разумеется, безпроцентные, как того всегда требовал фолькерул. Образовывались из обязательных ежегодных пожертвований всех постоянных обитателей Фрисландии. Тоже безпроцентных. Если дело, под которое давались деньги, начинало процветать, банк участвовал в его прибылях, а вместе с ним, все, чьи пожертвования участвовали в данной инвестиции. Если прогорало, что ж, участников оказывалось так много, что потери для каждого почти не ощущалось. В любом случае все знали, кому и на что идут средства, и это придавало желания всячески молодому предприятию содействовать. Кроули никаких займов не брал из принципа, привлекая средства другими способами, описанными выше. Видимо, его ирландская душа не любила делиться. Лично я был бы более открыт для общественных денег, но какое начальство станет считаться с мнением лишь недавно расставшегося с детством сотрудника?

Я, конечно, шучу. Кроули меня по-своему, по-стариковски любил и доверял, думаю, гораздо больше, нежели я того заслуживал. Ему нравился мой слог. Сам он, я уверен, мог написать заметки для сайта гораздо лучше, но для него появившийся у нас в конторе старенький компьютер представлялся чем-то диким и неприступным, так что сживал за ним только я, а Кроули считывал получавшиеся тексты, иногда правил и часто хвалил. Фрисландию он изучил неплохо, правда, соглашался, что недостаточно для составления полноценных законченных легенд, а тем более для проведения экскурсий, которые включали выезд «на место», прогулку с гидом, то есть, со мной, мимо достопримечательностей, выслушивание запоминающегося (о, я старался!) пересказа связанных с ними событий, перекус в ближайших заведениях, ночёвку, и после свободного времени – либо возвращение, либо дорогу к следующей точке на предложенном нами маршруте. При этом подобные экскурсии, особенно многодневные, приносили нам наибольшие прибыли. Иногда в группе оказывались не только заморские гости, но и наша местная публика, главным образом, с детьми, которым мои рассказы почему-то тоже нравились.

Опять я лукавлю: я догадываюсь, почему. У нас на острове никогда не было развито издательское дело. Книжки за ненадобностью не печатались. Житие родами, когда под одной крышей днюют и ночуют разом несколько поколений, позволяло младшим приобщаться к нашей истории через изустные предания бабок и дедов, что всегда полезно да только не всегда является общепринятым повествованием. Возьмите хотя бы тот же сказ про то, как трое братьев из Доффайса сватались к красавице Элинор из Санестола. На востоке он звучал так, будто отец Элинор искал для дочери мужей среди лучших из лучших, а на западе, на её родине, считалось, что это сами братья, дружно влюбившись в неземную красоту девушки, устремились завоевывать её сердце. У нас, на юге, никакими сказами вообще народ не увлекался, предпочитая то, что мы называем былинами, в которых ничего волшебного нет, а есть героизм, сила и благородство. У северян же полным-полно, наоборот, сказок, причём глубоко философских, в которых главными действующими лицами выступают животные и силы природы. Никакой унификации, одним словом. Пришлось мне в какой-то момент отпроситься у родителей, оставить на время Кроули в одиночестве и пуститься по острову говорить со стариками и собирать известные им предания. Одновременно я умудрялся заводить новые знакомства, которые впо-

следствии мне очень помогли, когда нужно было искать пристанища для экскурсионных групп и вообще – поддержку на местах. Не думаю, что Кроули хоть раз довелось пожалеть о той удочке, которую ему испортил трёхлетний карапуз и которая стала причиной нашего с ним первого мужского разговора.

Надеюсь, читатель уже свыкся с моей манерой то и дело сбиваться с основной сюжетной линии на всевозможные мелкие детали и пояснения, но как кто-то когда-то сказал, «дьявол в мелочах».

Ещё говорят «на ловца и зверь бежит». Стоило нам из чисто корыстных соображений подтолкнуть процесс виртуального подключения Фрисландии к остальному миру, как то и дело стали происходить интересные открытия. Как-то раз, вернувшись из исследовательской поездки по пригородам Доффайса, где мне посчастливилось узнать некоторые доселе нигде не упоминавшиеся подробности постройки крепости в Кампе, я обнаружил за своим столом в нашей конторе сосредоточенно колдующего над компьютером молодого мужчину с ухоженной рыжей бородкой и даже слишком правильным, практически римским профилем. При моём появлении на пороге он не выразил ни малейшего смущения или даже интереса, продолжая высматривать что-то на чёрном экране и то и дело отстукивая задорную дробь по клавишам. Кроме него, никого в помещении не было, поэтому мне пришлось наводить справки самостоятельно. Я кашлянул. Пальцы незнакомца на мгновение замерли над клавиатурой, на меня обратился рассеянный взгляд, хрипловатый голос сказал «Привет», и дальше всё продолжалось точно также, как было до моего появления. Я снял рюкзак, поставил его под вешалку, разулся и, беззвучно ступая по половицам в толстых вязаных носках, заглянул за плечо рыжего. По чёрному экрану вытягивались слева направо длинные зеленовато-белые строчки букв, цифр и значков, иногда экран гас, сразу же вспыхивая пустой строчкой с мигающим курсором, курсор снова устремлялся вправо, а за ним шлейфом снова толпились цифры, буквы и значки, которые печатали неумолимые пальцы. Мне никогда прежде не приходилось видеть на нашем экране ничего подобного. Я даже не предполагал, что кто-то может вот так запросто проникнуть в компьютерную душу. А в том, что передо мной именно душа компьютера, я почему-то ни секунды не сомневался.

– Я Тим, – сказал я.

– Привет, Тим. Я Гордиан, – отозвался рыжий и, не оглядываясь, протянул мне через левое плечо руку для рукопожатия.

Тут я должен сделать очередную ремарку, чтобы вам было понятно некоторое моё замешательство после услышанного. Как вы не могли не заметить по нашим названиям и языку и как бы странно на первый взгляд это ни показалось, в стародавние времена Фрисландия оказалась под влиянием римлян. Влияние это вообще-то было довольно причудливым, нигде после себя не оставившим ни малейших видимых следов. Если между Шотландией и Англией ещё виднеются кое-где остатки каменной кладки, называемой валом Адриана, который по легенде отделял северных дикарей-горцев от занявших английские равнины римских легионов, то у нас вы ничего подобного не найдёте. При этом, как я отмечал вскользь выше, грамматика наша во многом основывается на вполне классической латыни с её флексиями, заменяющими артикли и предлоги. Опять же, никаких ожидаемых памятников письменности вплоть до сего дня у нас на острове обнаружено не было. Католицизма, со всем этим обычно связанного, мы знать не знаем. Но твёрдо уверены, что без прихода римлян в качестве наших предков точно не обошлось. Более того, каким бы справедливым ни был наш фольклор и какими бы равноправными мы, жители Фрисландии, между собой ни считались, самое время признаться в том, что нам тоже не чужды определённые стереотипы. Так мы искренне верим в то, будто среди нас ходят, отпускают рыжие бороды и клацают по клавиатурам прямые потомки тех самых римлян, которые здесь какое-то время жили, а потом бесследно исчезли под ударами приплывших с востока германцев. Последних принято называть викингами, но,

опять же, судя по оставшемуся нам в наследство языку, это были не общепринятые скандинавы, а люди с континента. Возможно, бриты. Даже скорее всего бриты. Так вот, эти римские потомки у нас воспринимаются, конечно, не настолько избранными, как священные коровы в Индии, но их говорящие имена и фамилии заставляют некоторых из нас ощущать лёгкий трепет. Это отнюдь не значит, что если тебя зовут, скажем, Гордиан, то тебе обеспечено безоблачное будущее и всеобщее уважение, но если в тебе нет «той самой» крови, тебя в принципе не могут звать Гордианом. Выводы делайте сами.

– Что курочишь? – поинтересовался я, замечая, что кофеварка с кухни переключалась поближе к компьютеру и стоит, готовая поделиться душистой жидкостью, на расстоянии вытянутой руки от непрошеного гостя.

– Коды кое-какие правлю, – буркнул он в ответ и, словно угадав ход моих мыслей, пригубил холодный кофе из забытой на время чашки. Моей чашки. – Ваш сайт медленновато загружается, вот Дилан и попросил проверить.

Я невольно задумался, кто такой Дилан, и не сразу понял, что парень имеет в виду Кроули. По имени у нас принято называть друзей и родственников, по фамилии – людей уважаемых.

Руку, кстати, я ему тогда так и не пожал. А он и не заметил. Я стоял и смотрел, как на экране компьютера творится невразумительная чехарда, в результате которой что-то должно было либо исправиться, либо окончательно сломаться. Гордиан стучал по клавишам уверенно, предполагая первое, тогда как я знал, что случится второе. Наконец, экран вспыхнул и погас. Я выругался. Гордиан досадливо шлёпнул ладонью по столу и впервые как следует оглянулся на меня.

– Что?!

– Добил?

– Кого?

Я ткнул пальцем в монитор, но тут услышал знакомый урчащий звук и увидел, что экран снова оживает знакомыми цветами и приветствиями.

– Я думал, он сдох...

Гордиан посмотрел на меня с сожалением, пожал плечами и встал со стула. Он оказался повыше меня, каким-то слишком изящным и ломким. Я понятия не имел, как быть дальше. Подумал, что если он старше, то и должен первым проявлять инициативу. Так и получилось.

– Дилан сказал, как я закончу, можно будет пойти к твоей матери перекусить. Отведёшь?

– А ты закончил?

– Вот, как видишь. – Он склонился над клавиатурой, нажал мышкой на иконку с глобусом, и экран заполнился знакомой страничкой. – Так лучше?

– Это ты уже в сети? – искренне удивился я.

– Разумеется.

– Но ты же в неё не вошёл!

Я имел в виду самый ненавистный мне процесс набора одного и того же телефонного номера до тех пор, пока вместо азбуки Морзе из модема не донесётся сплошной переливчатый гудок, означающий, что связь налажена. Гордиан понимающе кивнул, взял что-то со стола, и я узнал свой несчастный модем. Коробка не была ни к чему подключена.

– Вчерашний день, – сказал он. – Можешь кому-нибудь продать по дешёвке. Теперь у вас тут прямая линия. Собственно, за этим я и приезжал. Оптимизация вашей страницы – это так, считай, бонус. Ну так что, пошли?

Если бы не чашка кофе, Гордиан мне понравился. Да и как может не понравиться только-только становящемуся на ноги паренюку вроде меня человек, который нашёл себя в жизни, который что-то знает и умеет, причём что-то вполне уникальное для своего времени и тем более места. Но вот чашку он после себя даже не помыл. Просто поставил на стол у кофе-

варки, промокнул губы рукавом и первым направился к двери. Именно в этот момент дверь открылась, и на пороге оказалась Тандри, сама пришедшая позвать гостя обедать. О том, что с ней в его присутствии творится нечто неладное я понял по тому, что она, не видевшая родного брата долгое время, похоже, меня даже не заметила. Гордиан же ничуть не изменился, всю дорогу разговаривал с нами, как ни в чём не бывало, рассказывал о том, что собирается открыть в Окибаре собственную фирму по обслуживанию интернета, который не сегодня-завтра станет у нас на острове явлением не для избранных, а повсеместным, как на континенте и в Америке, откуда он недавно приехал, получив там, как он сам считал, неплохое техническое образование и опыт.

В трактире «Ваш дом», ибо так он назывался, просто, незатейливо и гостеприимно, кроме матери и нескольких заезжих посетителей, нас встретил Кроули. Вот уж кто точно вёл себя так, как подобает! Первым делом, усадив нас за стол, он поинтересовался результатами моей поездки, предоставив мне возможность показать себя в присутствии матери, сестры и гостя важной составной частью нашего общего дела. Я постарался быть краток, так что суп с клёцками мы ели уже под неспешный говорок Гордиана, отчитывавшегося о проделанной работе. После обеда он уехал, а ещё через два дня куда-то засобиравлась Тандри. Мать с отцом её нехотя отпустили. Кроули, узнав об этом от меня, только хитро ухмыльнулся. Думаю, они догадывались, к чему всё идёт. И не мешали, потому что, хотя никто бы никогда вслух об этом не сказал, все так или иначе мечтают породниться с «римскими» фамилиями. Однажды я даже слышал ещё более вескую причину подобного преклонения перед представителями их заморских кровей: мол, они избранные потому, что где-то в Италии, может быть, в самом Ватикане, у них на чёрный день припасены несметные сокровища. Поэтому, чем бы они ни занимались, они всегда могут позволить отправлять своих детей учиться в лучшие школы мира и вообще никогда не знают нужды. Насчёт последнего лично я не уверен. В моих поездках мне не раз приходилось встречать их представителей, носивших фамилии вроде Куомо, Манка, Романи или Арена, но при этом если не едва сводивших концы с концами, то явно не барствующих. Кстати, род Гордиана назывался гордым именем Нарди. Спустя полгода после вышеописанных событий к нему стала относиться и моя влюбчивая сестрёнка. Свадьбу сыграли сперва в городе, где собралась целая куча незнакомых ни мне, ни моим родителям гостей, и где я чувствовал себя поначалу совершенно лишним, пока не Тандри, а сам Гордиан, до которого дошла очередь тостовать, внезапно ни поднял фужер с очень, кстати, вкусным ежевичным морсом за «замечательного брата моей несравненной жены». Он что-то там ещё сказал, но я сидел от молодых довольно далеко, так что последующие слова не расслышал в шуме ликующих возгласов. Все улыбались мне, чокались, желали удачи и здоровья, одним словом, я оказался наконец в своей тарелке и при первой же возможности послал Гордиану благодарный взгляд. Он мне подмигнул. Кажется, тогда я впервые решил, что моя сестра не такая уж глупая барышня. С тех самых пор она почти безвылазно жила с ним в Окибаре, стала настоящей Нарди, навещала нас разве что по праздникам, а однажды мне пришла от неё открытка с голубым небом, зелёным морем, белым песком и желтой пальмой. Сестра писала, что так выглядит вид из окна их прибрежной гостиницы на острове Памаликан, входящем в состав Филиппин. Разглядывая открытку, я думал, что она хотела этим сказать: что ей хорошо, что я должен ей завидовать, что она соскучилась по нашим соснам или что уж если заниматься туризмом, то у них там, в Тихом океане. Конечно, я был бы не прочь бросить все дела и свалить хоть на Памаликан, хоть в Египет, хоть на Огненную Землю. Только я никак не мог себе этого позволить, поскольку у нас самих был в разгаре туристический сезон, и меня ждала очередная группа, заплатившая Кроули за недельное путешествие по северным крепостям. Поэтому я прилепил открытку магнитиком к железной доске у нас в конторе, где постепенно собиралась целая коллекция ей подобных от наших благодарных клиентов, по поводу и без повода славших нам весточки по возвращению домой, и пошёл готовиться в путь.

Вообще-то с некоторых пор сезон у нас стал приходится на все месяцы подряд, а меня, соответственно, стало не хватать. Летом прибывали северяне, их развлекать не приходилось, разве что Кроули становился к штурвалу парома и собственноручно переправлял желающих на Монако полюбоваться гейзерами, позагорать и искупаться в природном кипятке. Старейшины наотрез отказались давать добро на постройку там каких-либо стационаров, так что лишь немногие оставались на ночёвку в собственных палатках, а Кроули приходилось делать по несколько ездов в день, что, с одной стороны, приносило некоторую дополнительную деньги, но с другой отнимало уйму времени от его чтений и размышлений. С континента туристы наведывались к нам обычно также летом, или в мае, или на их тамошнее рождество, в разгар зимы. Я по привычке говорю «с континента», хотя бывали среди них и британцы, которые не меньше нашего гордятся своим островным расположением. Казалось бы, чего интересного они могли ожидать в наших широтах, ан нет, приезжали и приезжали с удовольствием и горящими глазами, чтобы лишний раз увидеть земли, куда давным-давно отправлялись их предки. Отправлялись не от хорошей жизни, гонимые голодом или войной, но это становилось частью их истории, а они, как и мы, как и все живущие на этом свете люди, должны свою историю знать и любить.

Однажды у нас даже гостила старушка, которая на свои пенсионные сбережения отправилась по следам своего знаменитого предка, Уильяма Брэдфорда, с упоминания имени которого, если помните, я начал это повествование. Она была очень интеллигентная и трогательная, и ей больше всего хотелось отыскать тот самый дом, в котором Уильям Брэдфорд ночевал. Мне было её жалко, я хотел ей всячески помочь и потому справился насчёт дома у отца. Тот честно признался, что понятия не имеет, где именно квартировал будущий губернатор, если вообще сходил на берег, а не жил затворником в каюте на «Мэйфлауэре». Кроме того, он велел ничего не рассказывать старушке о письме за подписью *У. Брэд*, поскольку если она про него узнает, то наверняка не отцепится, пока не заставит продать. А поскольку денег у неё необходимых нет, то я, дурашлёр, по доброте душевной обязательно отдам ей письмо просто так. Он был прав, и я его советом воспользовался. С разрешения матери я показал старушке дедовский дом, но оговорился, что это просто самое древнее из известных нам тут строений, а уж видели его стены господина Брэдфорда или нет – одному её богу известно. Старушка всё равно расчувствовалась, дрожащими руками сделала несколько фотографий допотопной камерой, попросила меня снять её на фоне покосившегося крыльца и осталась совершенно довольна увиденным и услышанным. На следующий день мы проводили её в дальнейший путь – к берегам Нового Света и сразу же думать про неё забыли. Каково же было моё изумление, когда через несколько месяцев из почтового отделения на моё имя пришло извещение, а следом за ним – чек на весьма кругленькую сумму. Чек я обналичил во «Фрисбанке», деньги отдал родителям и в ответ получил на день рождения от отца превосходное ружьё, точь-в-точь такое, каким мы с ним однажды любовались на прилавке оружейного магазинчика в Кампе. Кроули этот подарок тоже оценил, когда я решил похвастаться, и сказал, что мне осталось научиться стрелять. Я предложил устроить соревнование. Я был уверен, что старик откажется, поскольку никогда не видел у него оружия и вообще считал его типичным книжным червём. Соревнования и в самом деле тогда у нас не состоялось, правда, по другой причине. Кроули порылся в хозяйстве и вынес на улицу лёгенький Ли-Энфилд¹⁹, о существовании которого я даже не догадывался, наивно полагая, что удочки – самое жестокое, что у него есть. Кроули был доволен произведённым эффектом, передёрнул затвор и предложил стрелять по банкам с семидесяти шагов, а если я окажусь победителем, то его ружьё – моё. Но если победителем окажется он... Я отказался. Конечно, я должен был принять вызов, я мог бы даже, вероятно, выиграть, а если бы проиграл, возможно, Кроули пожалел бы меня, но ставить на кон подарок отца – нет, я не решился.

¹⁹ Семейство британских винтовок

Кстати, тот случай заставил меня другими глазами посмотреть на моего друга и начальника. Оказалось, что я почти совсем его не знаю, хотя мы жили по соседству столько, сколько себя помню, а доступ в его дом был для меня всегда открыт. Я даже не знал его точного возраста. Просто понимал, что он старше моих родителей, и едва ли старше деда, но когда именно он родился – это меня никогда не интересовало. Вот где он родился, мне известно было. В Ирландии, как я уже говорил. Как-то раз среди книжек я нашёл толстый альбом, почти пустой, с несколькими выплывшими фотографиями. Незнакомые люди смотрели на меня строго, без улыбок. Женщина в застёгнутом до подбородка платье сидит на стуле, за спинкой которого, осторожно положив одну руку ей на плечо, бородатый мужчина в котелке и с пронзительным взглядом. Рядом со стулом стоит коротко стриженный мальчик в смешных галифе на подтяжках. В руках у мальчика маленькая ракетка. Я думал, что для бадминтона, но Кроули пояснил, что в детстве увлекался игрой под названием сквош. Так я понял, что коротко стриженный мальчик – это он. На другой фотографии он стоял в таких же галифе, только на улице, один, а фоном служило странное сооружение, похожее на трубу или ракету. Труба эта производила тем более непонятное впечатление, поскольку вокруг торчали в разные стороны покосившиеся надгробья.

– Глендалох, – опередил мой вопрос Кроули. – Аббатство в графстве Уиклоу, где мы жили. А это круглая башня. Говорят, её такой построили паломники, вернувшиеся с Востока, где видели высокие минареты. Красивое и печальное место.

Тогда я почему-то постеснялся спрашивать дальше, но история с ружьём своё дело сделала, и я, улучив подходящий момент, «случайно» отыскал альбом и снова подсел к Кроули, прикорнувшему в кресле на солнышке. Рассказывал он по-прежнему неохотно, но кое-что мне всё же выведать удалось.

Его отец, мужчина в котелке, был активным членом Ирландской республиканской армии, которая в первые десятилетия прошлого века активно боролась за независимость от английской короны. Как известно, в 1921 году враждующие стороны подписали соглашение о получении Ирландией статуса доминиона, что привело к неминуемому расколу в рядах ИРА. Одно время он даже водил дружбу с Эймоном де Валера²⁰, но после создания в 1926 году партии «солдат судьбы» разочаровался, увидев в нём обычного засланца из США, который просто-напросто оттянул на себя часть истинных борцов, а потом сложил оружие. Отец Кроули с друзьями был вынужден уйти в глубокое подполье. Когда Кроули родился, их семья уже несколько лет вела кочующий образ жизни, постоянно либо от кого-то прячась, либо за кем-то охотясь. Зная атеистические взгляды Кроули, я удивился, мол, неужели его предки были такими ярыми католиками, но что он улыбнулся и сказал, что религиозные распри – обычный отвлекающий манёвр тех, кто пытается управлять мировыми процессами и всегда ищет подходящие поводы. На самом же деле настоящие ирландцы никогда не забывали, как ещё в XVI веке англичане начали конфискацию ирландских земель у местных жителей в пользу своих переселенцев. Такое мало кому понравится, а потому ирландцы своих восточных соседей-завоевателей никогда не жаловали. Какая разница, кто претендует на принадлежащую тебе землю – католики, протестанты, буддисты, иудеи или мусульмане? Кто бы ни пришёл, ты берёшь оружие и встаёшь на защиту дома. Так говорил его отец, так с детства понимал свой долг он сам. Другое дело, что собственного дома как такового у них уже не было, а власти, свои же, ирландские, считали отца Кроули преступником или, как потом стало модно называть – террористом. Прошло немало лет, прежде чем патриот осознал, что родины больше нет. Друзья сгинули, правда надёжно сидела в клетке, а само понятие «родина» скукожилось до размеров измождённой семьи, состоявшей к тому времени из жены да двух сыновей: Дилана, старшего, и Кирана, младшего. Конец пятидесятых годов ознаменовался новыми вспышками вооружен-

²⁰ Один из ведущих политиков Ирландии 1917—1973, автор конституции и борец за независимость.

ного противостояния на территории Северной Ирландии, закончившимися новыми арестами. Братья выросли и теперь по собственному почину участвовали в борьбе, до конца не отдавая себе отчёта в том, за что и против кого. Их отец к тому времени пересмотрел свои взгляды и сожалел о том, что втянул сыновей в это неблагоприятное дело. Именно он впервые упомянул на семейном совете Фрисландию как место, куда они должны дружно уехать. При всей своей любви к родине и всему национальному ирландцы славятся лёгкостью на подъём. Где их сегодня только нет! Однако в случае семейства Кроули «дружно» уехать не получилось. Кирана поймали. Они с Диланом вместе возвращались с очередного задания и напоролись за патруль «огзи»²¹, а поскольку задание по не зависевшим от них причинам не состоялось, оба имели при себе оружие и взрывчатку. Улик против них не было, сильные нервы могли запросто спасти их и оставить инцидент без последствий, однако у Кирана они-то как раз и не выдержали, и он пустился удирать от орущих и стреляющих по ногам унионистов. Дилан рванул в противоположную сторону и легко ушёл от погони. Домой он вернулся под утро и обнаружил, что брата по-прежнему нет. Родители пришли в отчаянии. Искать его было всё равно что добровольно совать голову в петлю. Кроули не рассказывал подробностей, но как я понял, они жутко переругались, и он решил, что его обвиняют в предательстве брата. Он знал, что виноват в силу старшинства, что мог бы, наверное, помочь брату, открыв огонь по неприятелю, но тогда бы их обоих пришлось искать в моргах, а так надежда ещё есть. Киран не возвращался неделю, две. Дилан не находил себе места, мучимый совестью и родительским укором. Поскольку жили они тогда не где-нибудь, а в Белфасте, в местечке Голивуд, что неподалёку от порта, поиски брата привели его в доки, где он случайно услышал разговор двух подвыпивших моряков о том, что утром один из них отчаливает во Фрисландию и потому просит второго присмотреть за женой. Предложение было явно частью какого-то анекдота и вызвало у обоих приступ хохота, но только не у Кроули, который уже понял, что это судьба. Он оставил родителям записку, в которой честно признался в своих смешанных чувствах и сообщил, куда отправляется за лучшей долей. С его стороны это, конечно, было проявлением малодушия, да только кто же из нас по молодости не думает исключительно о себе? Кроули, по его словам, тогда было двадцать четыре. Из этой оговорки я впоследствии сделал предположения, что родился он году в тридцать третьем или около того. Оставив за кормой судна родную Ирландию, Кроули поклялся никогда больше туда не возвращаться и данное себе слово сдержал. Он сошёл на берег в нашей гавани и сразу влюбился в то, что увидел. Такое бывает, когда оказываешься в совершенно незнакомом месте и внезапно ощущаешь, что всё здесь тебе мило и приятно, будто ты никогда отсюда не уезжал. Он очутился один-одинёшенек на чужом острове, без друзей, денег и вещей, если не считать трёх здоровенных сундуков с книгами. Собственно, отсутствие денег и объяснялось наличием сундуков. На корабле в Новый Свет из Ирландии переселялась семья профессора дублинского Тринити Колледжа со всем его скарбом. По пути профессор скоропостижно умер, и предприимчивые родственники почли своим долгом избавиться от всего лишнего, что могло лишь усложнить им дальнейшую жизнь. Никто из пассажиров и членов команды не захотел обременять себя богатой профессорской коллекцией старых томов, никто, кроме Кроули, для которого чтение и странствия в воображаемых мирах с детства заменяли католицизм с протестантством вместе взятые. Он предложил семье покойного всё, что у него с собой было, и оказался обладателем, как скоро выяснилось, единственной на всём острове библиотеки. В городе он с этим богатством ничего поделывать не мог, разве что жить в одном из сундуков и жечь костры из содержимого остальных, зато ему повстречался мой дед, который возвращался с рынка домой и предложил молодому улыбчивому парню попытать счастья в нашей глуши. Так Кроули, когда я родился, оказался моим соседом. Мне было интересно, что стало с его родителями и братом. Родителей он больше не увидел, однако умерли

²¹ Восенизированное ополчение в Ирландии из бывших британских офицеров, от слова *auxiliary* (вспомогательный)

они счастливыми, поскольку Киран в конце концов отыскался и вернулся домой. Тышах, он же «предводитель», он же премьер-министр Ирландии в какой-то момент издал указ о помиловании «узников совести», и брата Кроули, которого переводили из тюрьмы в тюрьму, пока он каким-то чудом ни оказался на территории республики, отпустили на волю. Киран нашёл записку брата, которую хранила их мать, и написал целое письмо, не имевшее точного адреса и потому промотавшееся по миру и пролежавшее в почтовом отделении Окибара без малого года два. Первым порывом Кроули, когда он, наконец, его получил, было собраться и отчалить обратно, но что-то ему помешало, потом он замешкался, стал отъезд откладывать да так и не решился ничего менять, ограничившись ответным письмом, в котором приглашал брата к себе. Таким образом, связь постепенно наладилась, и Кроули теперь знал наверняка, что родителей больше нет, а Киран женился на Люси Роуз, девушке из Голивуда, к которой Кроули сам как-то сватался честь по чести, но получил отказ от её отца. У них уже сын Конрад, и они подумывают о том, чтобы перебраться на континент, куда-нибудь потеплее и поспокойнее. Потом переписка на время прервалась, а когда возобновилось, обнаружилось, что Киран с семьёй теперь обитает в Италии, на Адриатике, где-то между Равенной и Анконой, в местечке Чезенатико, известным своим музеем старинных кораблей под открытым небом на канале, построенном, как говорят, по проекту самого Леонардо да Винчи. У них там не что-нибудь, а самый настоящий ресторан, причём пользующийся спросом у местных, потому что мастерица Люси Роуз сумела привнести в скучную итальянскую кухню несколько чисто ирландских изюминок, которые пришлись по вкусу тем, кто устал от обычных пицц и паст. Что именно его жена придумала, Киран не уточнял, но, судя по тону писем, дела у них там и правда шли неплохо. Именно брат, а потом и его сын поддерживали связь Кроули с большим миром и по мере сил и необходимости снабжали его новыми книгами и относительно свежей прессой. Примечательно, что про свою частную жизнь старик не любил распространяться. Не знаю, возможно, фиаско с женитьбой на Люси Роуз сказалось на его судьбе сильнее, чем ему бы хотелось, однако собственной семьёй он так и не обзавёлся. Когда я был маленьким и по простоте душевной интересовался, есть ли у него дети, Кроули отшучивался, мол, наверняка, только неизвестно где. Думаю, Тандри и в самом деле была не единственной, кто на него запала, а ревность отца к нему из-за матери была не такой уж и беспочвенной. Никаких отклонений я за ним не замечал, кроме разве что любви к книгам и импозантной одежде, так что когда его не стало, признаться, ждал появления пусть и не многочисленных, но хотя бы нескольких наследников. Напрасно. Получилось так, как получилось, однако об этом позже.

Теперь же самое время поподробнее рассказать о географии нашего острова. Если посмотреть на карту, то он похож на вытянутый с севера на юг прямоугольник, восточная сторона которого почти прямая, тогда как западная представляет собой три выдающиеся зазубрины. Когда мы с Кроули стали мастерить сувениры, то изображали Фрисландию медведем в юбке, идущим с лукошком за спиной влево. Получалось забавно, действительно врезалось в память и, как ни странно, соответствовало реальным контурам береговой линии. На старых картах типа карты Меркатора, которую сегодня может найти любой, столицей острова назывался город Фрислант. Собственно, весь остров тоже указывался как Фрислант. Беда этой и подобным ей карт в том, что такого города у нас отродясь не было. Это легко запомнить, потому что всего городов, точнее крепостей, у нас семь: две на западе, две на севере, две на востоке и одна, Окибар, на юге. Западные крепости называются Санестол и Бондендия, северные – Кампа и Рару, а восточные – Доффайс и Годмер. Кто-то говорит, что раньше их было больше, но лично я тому подтверждений так и не обнаружил. Число семь также встречается у нас в количестве островов, из которых я пока познакомил вас только с южным – Монако. Самый большой находится на севере и называется Дуило. Два острова – Ибини и Стреме – лежат у восточного побережья. Три оставшихся – Флофо, Ледук и Безымянный – сгруппировались на западе, в Южном заливе. Да, да, вы не ослышались: наше западное побережье омывается

Северным и Южным заливами. Кто так придумал, не знаю, но туристам вся эта путаница почему-то нравится. Середину Фрисландии занимает густой лес, а в середине леса расположена наша единственная гора, которую северяне называют Меру, а южане – Хара. Мне приходилось читать, будто эти названия соответствуют мифологической горе, находящейся на Северном полюсе или даже в легендарной стране Гиперборее, куда её поместил на одной из своих знаменитых карт всё тот же Меркатор, однако нет, она у нас, можете в любой момент приехать и убедиться сами. В нашей с Кроули программе для туристов мы, чтобы никому не было обидно, вообще поначалу называли её Хара-Меру, а потом и вовсе Харамеру. Думаю, так даже лучше, чтобы никто не придрался и не сказал, будто мы её насыпали на пустом месте и присвоили. Харамеру высокая, больше двух миль над уровнем океана, и по её склонам стекают четыре реки, дающих нам драгоценную питьевую воду. Наиболее любознательные из нас в своё время поднимались на гору и обнаружили, что на самом деле это не четыре реки, а четыре ручья, берущих начало из одного-единственного источника, бьющего на самой вершине. Надо ли пояснять, что реки эти мы называем Северная, Восточная, Южная и Западная. Случайно ничего подобного произойти не могло, поэтому Харамеру и реки считаются у нас символами божественного происхождения всего сущего на Земле в целом и на нашем острове в частности. Даже в самые студёные зимы они не замерзают, а весной, когда на склонах начинает таять снег, разливаются во всю ширь, и на нижних порогах смельчаки устраивают гонки одноместных и двухместных каяков, которые собирают немало народа и позволяют наиболее удачливым неплохо подзаработать. Это касается как участников, поскольку они с некоторых пор выступают не за себя, а за свои города, которые поддерживают и премируют их материально, так и зрителей, которым во время гонок позволяет биться об заклад, то есть делать ставки. Ни я, ни Кроули не были людьми азартными, однако мы тоже по мере сил из года в год принимали в этом действе посильное участие, сперва просто описывая происходящее на сайте, а потом, присмотревшись и пристрастившись, стали участвовать в соревнованиях призами – бесплатными турами для победителей – и даже собственным каяком, расписанным нашими цветами и надписями, приглашающими нас посетить. Каяк наш был двойкой, в нём сплавлялся мой приятель Львов с сестрой Ингрид, причём делали они это здорово, с задором, и иногда даже выигрывали заплывы. Ингрид была маленькой, вёрткой и очень сильной. Я знал её с самого детства и поначалу вынужден был терпеть, когда хотел пойти куда-нибудь с Львовом, а он притаскивал её и говорил, что родители уехали и оставили его за старшего, и мы меняли планы, крутились неподалёку от деревни и развлекали её, чем могли. Потом она повзрослела, приятно округлилась, и я стал смотреть на неё уже другими глазами, ничего серьёзного, правда, не предпринимая и продолжая держать за малолетку, каковой она и была по сравнению с нами, большими и умными. Она-то, собственно, и привила брату любовь к тому, что сегодня на многих языках называется «рафтингом». Поначалу я тоже попробовал было походить с ними за компанию, но, признаться честно, мне как-то сразу стало не хватать выносливости и расторопности, и Ингрид, когда я подсаживался к ним третьим, хоть и сидела впереди, всегда почему-то точно знала, что именно мне не удаются виражи, которые они с братом лихо закладывали на двойке. Вскоре я это дело забросил, перестав мучить друзей и себя, и стал наблюдать за ними с берега. «Наблюдать» громко сказано, поскольку на горных стремнинах каяк проносится мимо тебя стрелой, так что обычно зрители предпочитают собираться на финише, где сразу становится понятно, что к чему.

Чтобы хоть как-то компенсировать свою неуклюжесть и не остаться в искристых глазах Ингрид никчёмным увальнем, я предложил Кроули идею со спонсированием моих друзей и рекламой нашей замечательной конторы. Как ни странно, Кроули сразу ухватил суть и согласился. Иногда он даже сам подбивал меня сделать на наш каяк ставку, и если мы выигрывали, закатывал целый пир для всех нас в своём трактире. Кстати, именно он как-то спросил меня, почему я не ухаживаю за Ингрид. Я изобразил на лице искреннее удивление, которому старик поверил и пояснил, что по его постороннему мнению девочка на меня откровенно заглядывается. Я попытался отшутиться, на что Кроули только плечами пожал, и это заставило меня призадуматься и присмотреться к сестре моего друга. Старик оказался прав: моё первое же робкое предложение прогуляться по вечернему пляжу было встречено Ингрид вовсе не усмешкой, как я подозревал, а живой готовностью. Мы просидели на мостках до полуночи, с удовольствием разговаривая ни о чём, и под конец она меня порывисто поцеловала. Я попытался ответить, как умел, но её уже и след простыл. На следующий день мы пытались вести себя, как ни в чём не бывало, а вечером она сама предложила повторить наши ночные бдения, которые, оказывается, ей понравились. На второй вечер, правда, за нами увязался Львов, и потому ничего интересного не случилось, зато в следующий раз мы уже откровенно от всех прятались и целовались, сколько хотели. Помнится, именно на одном из таких свиданий Ингрид внимательно посмотрела на закатывающееся справа за горизонт солнце и задумчиво сказала:

— А Земля-то плоская.

Я рассмеялся и обнял её за плечи. Честно говоря, мне было совершенно всё равно, плоская Земля, сферическая, полая, в форме бублика или какая-нибудь ещё. Я не учёный, чтобы размышлять над подобными глупостями. Они вон намерили аж 93 миллиона миль до Солнца, а я всё думал, как же это так получается, что с такого чудовищного расстояния его лучи одновременно в одном месте Земли, где-нибудь в Индии, создают жару и лето, а в другом – настолько слабы, что там идёт снег и образуется лёд. Объяснений наука давала целых два, однако оба они звучали, по меньшей мере, странно. Обычно говорилось, будто времена года существуют за счёт отклонения оси вращения на $23,4^\circ$ – ну, или $66,6^\circ$, что то же самое при общих 90° . Мол, чем участок Земли ближе к Солнцу, тем на нём теплее, а чем дальше, тем холоднее. Но, постойте, спросил я нашего учителя в школе, куда несколько лет исправно ходил, потому что так хотели родители, если Солнце лупит по нам с расстояния в 93 миллиона миль, то как на такой перепад в температурах может повлиять удалённость на меньше чем в тысячу? Это всё равно что жарить из огнемёта по теннисному мячику со ста шагов и ждать, что мячик при этом не вспыхнет весь разом. Учитель задумался, промолчал, а через урок честно к моему глупому вопросу вернулся и объяснил, что, мол, ещё роль играет угол наклона Солнца над горизонтом. Типа, если лучи падают отвесно, на Земле жарко, а если под углом, то не так. Помнится, смеялся на этот раз уже весь класс, а я получил вполне заслуженный «неуд»... за поведение.

– С чего ты взяла? – уточнил я, когда заметил, что Ингрид совершенно серьёзна и не откликается на мои дерзкие прикосновения.

– А ты на дорожку солнечную посмотри.

Я посмотрел. Дорожка как дорожка, золотистая, красивая, не хуже и не лучше тугой косы моей собеседницы. А та тем временем молча развязала тесёмки на рубашке и как ни в чём не бывало извлекла на свет правую грудь, большую и круглую.

– Принеси воды.

Если бы она попросила меня сейчас утопиться, я бы даже не замешкался. Сбегал к океану и вернулся с целой пригоршней солёной влаги.

– Лей.

Я облил ей грудь. Мокрая кожа заискрилась и засияла ещё более соблазнительно. Я застыл, не представляя, что нужно делать дальше. А Ингрид повернулась к заходящему Солнцу лицом и притянула меня за руку.

– Смотри.

Я послушно уставился на её замечательную грудь. Я догадывался, что это может быть интересно и волнительно, но даже представить себе не мог насколько.

– Видишь?

Разумеется, она играла со мной. Наверное, именно так сирены искушают ошалевших моряков, а умопомрачительные дьяволицы – отшельников, священников и учёных. Но в этой игре был и скрытый смысл, который я должен был отгадать. Я напрягся, вглядываясь в живой, лоснящийся мокрой кожей шар с тёмной бусинкой, считая секунды и с ужасом думая о том, что вот сейчас это чудо закончится:

– Нет...

– Глупый. – Ингрид положила мне свою тёплую ладонь на затылок и притянула к себе мою голову так, чтобы я видел то же, что и она. – Когда свет падает на плоскость, образуется прямая дорожка, а когда тот же свет падает на округлую поверхность, образуется просто пятно света. Вот как бы это выглядело, если бы Земля была шаром.

– Я хочу, чтобы Земля была шаром, – вырвалось у меня самое идиотское, что только могло вырваться, однако Ингрид это почему-то понравилось, она от души рассмеялась и поспешно спрятала всю свою красоту обратно под рубашку.

Это было замечательное время, наверное, лучшее из того, что мне запомнилось. Мы были молоды, веселы, познавали мир и предполагали, что так продлится вечно. Ингрид стала для всех «моей девушкой», с чем Льюв смирился последним, после моих и своих родителей, но смирился, и мы снова стали почти неразлучными друзьями. «Почти» по той причине, что Кроули в очередной раз взял бразды правления судьбой своего единственного сотрудника, то бишь меня, в собственные руки и решил, что я должен отправиться на север, где местные охотники, по недавним слухам, обнаружили какое-то древнее захоронение. Ингрид хотела поехать со мной, но домашние ей строго-настрого запретили, поскольку «приличные незамужние девушки так не поступают».

Вот и получается, что мифическая Судьба является нам в образах совершенно обычных живых людей, которые своими действиями или бездействием влияют на нашу жизнь больше, нежели сами того хотят или просто отдают себе в этом отчёт. Хорошо известной мне дорогой я за два дня добрался до Кампы (что человеку знающему должно дать понять, как я спешил расправиться с поручением), переночевал в бывшем доме отца и не свет не заря устремился дальше, в Рару, лежавшему чуть восточнее. Там я повёл себя как обычно в подобных ситуациях: заглянул в городской совет, представился, рассказал про нашу туристическую контору, подарил кое-какие гостинцы и попросил предоставить сведения о находке, дабы мы могли украсить ими новые маршруты. В совете моей расторопности удивились, однако дали понять, что придётся потерпеть, поскольку вообще-то находка была сделана не здесь, а на острове Ибини, куда иначе как на лодке, ясное дело, не добраться. Я понял их с полуслова: неудержимо наступала осень, и местные готовились к первым её признакам, то есть ливням со шквалистым ветром, когда ни один нормальный кормчий не поведет своё судно в пасть стихии, тем более за так. Мне также давали понять, что я предоставлен сам себе и что, хотя никто мешать моим поискам не будет, добровольных помощников у них в наличии нет. Тогда я спросил, кто именно сделал находку и где мне этих охотников искать, чтобы, по крайней мере, поговорить и выяснить подробности. Кроули, правда, ставил передо мной задачу собственноручно всё облазить и разведать, но я надеялся, что смогу раздобыть достаточно сведений, чтобы не застрять тут на неопределённое время и не утонуть при переправе. Мысли о плоской Земле и округлостях Ингрид неудержимо влекли меня обратно. Но не тут-то было. Разузнав об охотниках, я, не мешкая, отправился в их деревню на берегу одноимённой с крепостью бухты, где застал немало поразившую меня картину.

Красивая девушка возраста Ингрид, может, чуть постарше, громко рыдала и накидывалась с кулаками на неловко уворачивающихся мужиков, делавших вид, будто не понимают, чего она от них хочет. А хотела она, как я, прислушавшись, понял, чтобы хотя бы кто-нибудь из них согласился перевести её как раз таки на Ибини, где сейчас в бедственном положении находится вообще-то их друг и заодно её родной отец, у которого поднявшийся накануне шторм утащил в океан единственную лодку. Просьба мне лично была совершенно ясна, необходимость что-то делать — очевидна, вот только я никак не мог понять, почему глухие к мольбам бедной дочери мужчины не просто проявляют вопиющее безразличие, но даже умудряются улыбаться. Девушка была почти одного со мной роста, в простом деревенском платье, с растрепавшимися из длинной русой косы волосами, и я подумал, что если она даже в таком виде кажется мне красивой, какой она будет, когда смоет слёзы и улыбнётся. Что-то почувствовав и предвкушая необычное, я вмешался. Сказал, что мне тоже нужна переправа на Ибини и что я готов её щедро оплатить. Слово «щедро» сделало своё дело, девушка примолкла, а мужики деловито поинтересовались, насколько. Я предложил половину того, что у меня оставалось из выданных Кроули средств. Мужики промолчали. Я посмотрел на девушку и добавил. Мужики сказали, что вчерашний шторм обязательно вот-вот повторится и дураков жертвовать собой ради такой мелочи нет. Однако стоило мне накинуть совсем ничего, один из них сломался, мелочь превратилась в повод рискнуть, и мы ударили по рукам.

День тем временем клонился к вечеру. Девушка настаивала на том, что мы должны отчалить незамедлительно: за ночь на острове может что угодно произойти, мороз ударит, ураган опять же, короче, если плыть, то плыть сейчас. Я не возражал. У нашего кормчего, назвавшегося Лукасом, оказался довольно вместительный ялик с недавно выструганными вёслами и основательно потрёпанным парусом на пошатывающейся мачте, но это было лучшее, точнее, единственное, что мы могли себе позволить.

Поначалу девушка как будто не замечала моего присутствия. Она забралась на нос, отвернулась к воде, и только когда наша посудина отчалила и отплыла усилиями Лукаса на достаточное расстояние от берега, повернулась, поймала мой взгляд и кивнула. Ещё через некоторое время она заговорила, и голос её прозвучал совсем не так, как когда она выкрикивала ругательства – плавно и я бы даже сказал низко.

– Как тебя зовут?

– Тимоти, – охотно ответил я.

– А меня – Василика.

Я признался, что никогда таких имён не слышал. Я хотел сказать «таких красивых», но почему-то постеснялся.

– Она у нас вообще необычная, – грубо вмешался в зарождающийся разговор Лукас, кряхтя на вёслах и покашливая. – Вот ей приснилось, будто у отца уплыла лодка, и мы все должны срочно бросаться его спасать.

– Приснилось?!

Я перевёл взгляд с улыбающегося Лукаса на Василику. Она была занята тем, что приводила в порядок косу. Я повторил вопрос. На лице девушки отразилась борьба чувств, сменившаяся безразличием.

– Приснилось. И что с того? Я вижу вещи. Не знаю, как, но вижу. И если бы мы не поплыли, случилась бы беда. Спасибо тебе, Тимоти.

Лукас снова не дал мне в полной мере вкусить всей гордости за мой героический поступок:

– Я лично видел Бьярки намеренно, он был в полном порядке, а его посудина была пришвартована по всем правилам морского искусства. Лучше твоего отца, детка, швартовочные узлы никто у нас не вяжет, так и знай. Я сам его учил. – Довольный своей шутке, Лукас хохотнул в костлявый кулак и продолжал: – Бьярки вообще молодец. Глянь, Тимоти, какую дочку народил. Писаная красавица. Был бы я моложе, непременно посватался. А теперь вот моя старуха уже не отпустит. Мы все Василику любим...

– Особенно когда я прошу мне помочь! И не ради себя, заметь. Все вы какие-то подлые.

При этих словах девушка снова посмотрела на меня, видимо, давая понять, что ко мне они не относятся. Она расплела косу полностью, накрывшись водопадом русых волос как пледом, и сразу же стала заплетать обратно, быстро-быстро работая длинными пальцами, что-то беззвучно приговаривая одними губами. У нас не принято, чтобы незамужние барышни ходили с неприбранными волосами. Девочкам можно – им длину волос поддерживают стрижкой. Девушкам уже нельзя стричься – их сила и привлекательность в одной косе. После замужества наши женщины начинают носить две косы. Я присматривался к роскошной гриве Василики, ища и боясь найти вплетённую ленту, показывающую, что её обладательница на выданье. Ленты не было. Сколько же ей лет?

– А правда, что на Ибини нашли захоронение? – спохватился я, нарушив наступившее молчание.

С берега и даже сейчас, после нескольких минут плавания на вёслах, Ибини смотрелся узкой полоской у самого горизонта. Наш Монако лежит от Окибара меньше чем в миле. В подобной ситуации вряд ли кто у нас обезпokoился бы на предмет возвращения домой. Здесь – дело другое: расстояние в добрые миль пять да ещё течения, на которые постоянно

приходится делать поправку никак не меньше румба²², чтобы не снесло на восток. Лукас уже бросил вёсла, и я помогал ему напрягать парус.

– О, какой приткий! – присвистнул он. – Уже всё слышал. Откуда сам будешь?

Поглядывая на Василику и убеждаясь, что она тоже слушает, я постарался как можно подробнее и интереснее рассказать о себе и о тех причинах, которые привели меня в их края, не забыв упомянуть о том, что практически руковожу целым туристическим агентством, заинтересованным в развитии всей Фрисландии и позволяющим мне много путешествовать и заводить ценные связи на самых разных уровнях, включая старейшин городов, а потом неоднократно проходить теми же маршрутами во главе групп туристов, многие из которых прибывают к нам с большой земли. Оба моих спутника слушали внимательно, и я ни секунды не пожалел о том, что опустил некоторые подробности, например, что являюсь единственным сотрудником агентства, если не считать его настоящего владельца, то есть Кроули, что старейшины забывают моё имя сразу же, как только я ступаю за порог, и что туристы с континента у нас буквально на вес золота.

– Ну, тогда понятно, – подытожил Лукас, когда я решил, что сказал достаточно, и выжидательно замолчал, продолжая украдкой изучать порозовевшее на ветру лицо девушки. – Только что-то я тебя тут у нас прежде не встречал. Или твои туристы не любят севера?

– Ещё как любят! Вот поэтому-то, заслышав о находке, меня... я отправился к вам в Рару, где раньше, как мне казалось, ничего интересного, кроме крепости, нет. Теперь, если находка подтвердится, буду знать, что есть.

– Как это «подтвердится»? Ещё бы ей не подтвердиться! Я своими глазами эту могилу видел.

– Могилу? – подцепил я собеседника, чувствуя, что он вот-вот раскошелится на историю. – А я думал, там курган.

– Слушай меня, парень! Вот когда у тебя кошка умрёт, ты её зароешь и назовёшь это место «могилой». А то, что мы там отыскиали, и под курган-то не очень ложится. Ну, сам посуди, как дело было. – Он задумался, не то припоминая, не то фантазируя. – Мы с Бьярки и ещё тремя корешами подбили одного знатного потапыча, но их там оказалось целое семейство, так что сразу мы к нему подобраться не смогли и были вынуждены идти за ними, ожидая, когда он обессилит вконец и брякнется. Чего по пути не пристрелили? Так ведь остальных больно много было, и они, суки эдакие, выстрелов из наших пукалок не боятся ну нисколько. Поэтому имей в виду, если будешь у нас на топтыг охотиться: стреляй, когда они поодиночке, и стреляй наверняка. Короче, пёрлись мы за ними полдня, наверное. Островок-то приличный, не чета вашему, как его...

– Монако.

– Во-во... Идём, устали все, привал не сделаешь, жрать хочется. Тут видим, вроде, наш-то боком-боком и к горам соседним подался, а остальные, как шли опушкой, так и идут себе дальше. Горы не сказать, чтобы высокие, но и не маленькие такие, скалистые, без верёвки и шноровки просто так не залезешь. Короче, мишка к ним, а мы за ним. Идём, смотрим, а он как будто хоп и исчез. Ну, думаем, вот те раз, пошутил косолапый, весь день водил-водил и на тебе, привет любимой тёте. Стали осматриваться. Глядим, а там между скал проходец чернеет. Узковатый, конечно, но раз подранок наш пропал, видать, туда ему и дорога. Не под землю же он провалился. Короче, мы ружьишки наизготовку и в пещеру. Потому что это именно пещера и оказалась, большая и гулая. Под ногами ручей течёт. А вода в нём уже красная, кровавая. Это наш мясничок до ручья добрался, напиться решил да там и отключился. Мы его так мордой в воде и нашли. Сначала даже подумали, мол, может ручеёк-то того, траванутый, но нет, попробовали, водичка в самый раз, холодненькая, зато рана у нашего оказалась на поверку

²² Румб – мера угла направления в навигации; 1 румб = 11,25°

не раной, а ранищей – из двух стволов в одно место попали, под шкурой в глаза не бросается, а как присмотрелись – там всё разворотило. Хрен его знает, как он вообще с такими выбоинами столько протопал. Короче, пока мужики добычу свежевали да разделявали, мы с Бьярки подались чуток подальше, вглубь пещерки, ну, мало ли что, никогда тут не были, интересно всё-таки. Смотрим, а там дальше ещё проход, а по краям прохода, прямо в стене, два факела. Потухших, конечно, но факела, настоящих, какие раньше на улицах жгли, чтобы ночью не так страшно было. Переглянулись мы и решили проверить.

– А сами-то вы с чем, с фонарями? – уточнил я.

– С фонарями, – согласился Лукас после короткой заминки. – Идём, короче, по проходу, как по коридору, под ногами тот самый ручей журчит и хлюпает, но мы в сапогах, нам хоть бы хны. Прошли так, думаю, шагов сто, не меньше. Проход кривой, петляет, но длинный, гад. Мы идём, а сами всё назад поглядываем, не хотим от остальных сильно отрываться. Наконец, бац, коридор заканчивается, и мы в ещё одной пещере, просто огромной даже по сравнению с первой. Тут уже вода даже с потолка капает. Смотрим вверх, а там несколько дырок, и через них небо видно. Понятно, что любой снег, любой дождь, всё туда попадает, как в открытый рот. Посреди пещеры целая лужа натекла. Ну, лужа, это я, конечно, грубо сказал, не лужа, а прудик эдакий, шагов так тридцать по диаметру. Глубину не знаю, врать не буду, не измеряли. Смотрим на стены, а они все тёсанные, почти гладкие, явно человеческие руки обрабатывали. Да и тёсанные не на всю вышину, а только в рост человека, ну, может чуток повыше. Дальше опять камни простые идут. Как будто кто хотел специально показать, мол, глядите, мы тут природу малешко поправили. Поправили, нечего сказать: в стенах выбиты какие-то странные знаки, выбиты как следует, основательно, не нацарапаны, а именно выбиты, чтоб уж на века, по всему кругу пещеры, кроме одного места, где большое углубление, как выразился Бьярки – ниша. И стоит в этой нише ещё один камень, тоже тёсанный, длинный. Мы сразу смекнули, что это гроб. В верхней части виден срез, точно он крышкой прикрыт. Так и оказалось. Мы попробовали, но вдвоём, два дюжих мужика, не смогли её сдвинуть.

– А ещё в этой пещере что-нибудь было?

– Холод и мокрота, вот что там было. – Лукасу явно нравилось, с каким вниманием мы его слушаем. – Ничего там больше не было, друзья мои. Кроме опять же факелов, разумеется. Мы покружились, поразглядывали рисунки да и вернулись к своим.

– А как же крышка? – поразился я. – Неужели так и не открыли?

– Какое там, – махнул Лукас рукой, как мух отгоняя первые дождевые капли. – Когда с медведем покончили, все впятером вернулись напоследок, пробовали, пробовали, но так плиту эту и не сдвинули.

– А поднимать пробовали? – негромко так, я бы даже сказал вкрадчиво, поинтересовалась Василика.

– Чего? – не сразу уловил суть вопроса Лукас.

– Ну не сдвигать, а поднимать, – пояснил я, смекнув, к чему она клонит, и поспешив показать, что тоже умею рассуждать быстро и здраво.

– Хрен знает... может и пробовали. Если отец покажет, сама попробуешь, раз такая умная. Нам не до того было. Пещера с гробом никуда не убежит, а медвежатина, если не зимой, быстро портится, сами знаете. Короче, переночевали мы, а не свет не заря двинулись обратно, к лодкам. Мы дальше домой, а Бьярки ещё решил подзадержаться. Тебе там, кстати, пещеры и привидения не снились? – оглянулся он через плечо на поджавшую губы девушку. – Ох уж мне эта молодёжь нынешняя! Всё ей, понимаешь, кажется, всё ей видится, всё-то она уже знает и умеет. И чего только я с вами согласился плыть?

– Тебе заплатили, вот и согласился, – напомнила Василика. – Кстати, твой ялик быстрее не может?

Глядя, как она прячется под капюшон своей тоненькой брезентовой куртки, я только сейчас почувствовал, что дождь усиливается. Утопить не утопит, но подмочить может основательно. Надо отдать должное Лукасу: с парусом он справлялся виртуозно, не хуже моего отца, филигранно приводился к ветру и в нужный момент уваливался под него, сильно и решительно подтравляя и выбирая непослушное полотнище. За рассказом о пещере время пролетело незаметно, так что теперь береговая линия острова виделась вполне отчётливо. Но дождю было всё равно. Похоже, он решил поиграть с нами в «кто быстрее» и в какой-то момент припустил, как из ведра. Я дождей не боюсь, много раз промокал до нитки, но одно дело, когда тебя ждёт тёплый дом и горящий очаг, где можно обсохнуть, и совсем другое, когда ты посреди клокочущей воды, тебя обдувает пронизывающими ветрами, а впереди – незнакомый берег и очевидное отсутствие какого-либо жилья. Признаться, в тот момент от отчаяния и истерики меня удерживала только мысль о девушке, которая на всё это пошла совершенно сознательно и теперь ожидала от нас, её провожатых, поддержки и помощи до конца. Чтобы согреться, я вскочил на ноги и стал по собственному разумению оказывать Лукасу необходимое содействие.

Поначалу он принял меня с раздражением, думая, вероятно, что южане тупы и медлительны, однако мне удалось его довольно быстро в этом разуверить, я втянулся в игру с ветром, получив, правда, пару раз парусом по лицу, что меня исключительно раззадорило, и в итоге не успел дождь нацедить нам воды выше настила, как откуда ни возьмись появились первые скалы, Лукас чертыхнулся, бросил снасти на меня, а сам одним прыжком заполнил собой корму, где его дожидалось безхозное рулевое весло. Василика тоже не сидела сложа руки. Как дочь рыбака и морехода, почуяв опасность, она вооружилась одним из гребных вёсел, легла грудью на нос ялика и теперь отчаянно отпихивалась им от гладких боков поджидавших нас камней. Не дожидаясь команды, я посдергивал с мачты всю оснастку, что не смог сдёрнуть – закрепил тросами, посмеиваясь в душе над тем, что показываю большущий деревянный средний палец ветру. Приливное течение подхватило нас и повлекло вдоль берега. По тому, что Лукас не кричал, а Василика убрала весло и села прямо, я сообразил, что всё идёт, как нужно. Однако радоваться было преждевременно. Громыкнул гром. Ветер у берега стих, но дождь встал стеной. Мы начали осторожно огигать остров, выискивая подходящее местечко, чтобы приткнуться. Лукас, разумеется, собирался добраться до причала, где они обычно швартовались, да вовремя смекнул, что сейчас не самая подходящая для этого погода. Василика уже стояла на носу в полный рост и махала рукой, указывая, где, по её мнению, лучше пристать. Лукас кричал в ответ, что, мол, нет, ещё рано, в смысле, что здесь слишком глубоко и лично ему, вытаскивая ялик на сушу, купаться не хочется. Василика соглашалась и сразу же снова начинала махать, обнаруживая очередную заводь. Я стоял между ними, готовый ровным счётом ко всему. Если бы девушка сказала мне броситься в воду и тянуть их на берег, я бы не раздумывал. Тем более что вода уже была всюду, разве что ботинки ещё держались. А в подобных случаях ноги – самое важное. Можно промокнуть до нитки и замёрзнуть, но если ноги сухие и в тепле, простуда отменяется. А вот если промокли и замёрзли ноги, кутайся, сколько хочешь – кашель неотвратим. Когда живёшь в местах вроде наших, эти простые заповеди знают все. Поэтому наш ялик упорно двигался дальше, до тех пор, пока Лукасу ни приглянулась отмель, заваленная сверкающей галькой. Я тем временем уже сидел на вёслах и грёб, что было сил, чтобы с ходу заставить нашу посудину заползти брюхом как можно выше на берег. Этот манёвр нам удался замечательно, так что в конечном счёте ноги вымокли у всех, но не так сильно, как я боялся. Подгоняемые снова разволновавшейся Василикой, мы не только вытащили ялик из воды полностью, но и привязали к стволу ближайшего дерева. Удостоверившись в том, что пути к отступлению есть, мы побежали следом за Лукасом вдоль опушки в том направлении, где, как он знал, находилась их импровизированная пристань и где должна быть лодка Бьярки, поскольку больше ей быть просто негде, если только – какая чушь – сон ни оказался в руку. Согревшись на бегу, мы вскоре и правда наткнулись на узкие мостки с торчащими

из воды палками. Вернее, натолкнулся я на Лукаса, который при виде этих самых мостков встал, как вкопанный. Потому что он теперь своими собственными глазами видел, что мостки пусты, то есть, что никакого ялика и в помине нет. Василика была права.

– Куда теперь? – запыхавшись, едва проговорила она, сгибаясь пополам и подставляя брезентовую спину струям дождя.

Лукас огляделся и уверенно повёл нас в глубь леса. Я грешным делом решил, что мы идём к пещере, а это, как я понял, путь неблизкий, однако наш провожатый на ходу пояснил, что если всё случилось так, как сказала наша спутница, в чём он отныне не сомневается, Бьярки не должен был слишком отдаляться от причала, зная, что за ним приплывут. При этих словах Василика устрашающе рыкнула и пронзила его взглядом-молнией, отчего Лукас поёжился, хотя возражать не стал.

Выяснилось, что у местных охотников, как и у любых умных людей, здесь всё неплохо продумано. В полумили от пристани они ещё давно построили на случай подобных предвиденных обстоятельств надёжный сруб, где и крыша над головой была, и какой-никакой запас провизии. Если с Бьярки ничего не случилось, он не иначе как там. Предположение себя оправдало. Наше приближение, несмотря на сгушавшиеся сумерки, не осталось незамеченным, и из притулившейся среди сосен избушки навстречу нам вышел невзрачного вида человек с ружьём наперевес. Завидев дочь, бросившуюся ему на шею, он ловко перебросил ружьё за спину и распахнул меховые объятия. Потому что одет он был по-настоящему, не то, что мы, во всё меховое и тёплое. Радость свою по поводу нашего появления он, разумеется, утаил в бороде и усах, которые у него были на удивление ухоженными. На вопрос дочки он утвердительно кивнул и признался, что потерял лодку по собственной глупости и неосторожности, не рассчитав силы поднявшегося в одночасье урагана.

Когда мы вошли в сруб, я сразу заметил приставленный к стене деревянный чурбан из цельного пня, к которому уже были прилажены верёвки. Судя по нему, Бьярки, ни на кого не надеясь, готовился добираться до дома вплавь. Струганный пень должен был послужить ему своеобразной страховкой, не позволявшей усталому пловцу утонуть. Между тем Василика оживлённо поведала отцу про то, как всё вышло, о своём провидческом сне и моём своевременном появлении. Она умолчала, правда, о том незначительном обстоятельстве, что Лукас до оплаты вовсе не собирался спасать товарища, но главное было сказано, и голубые глаза охотника с интересом остановились на мне. Я представился и, как мог короче рассказал то, что мои спутники уже знали. Добавил я и о том, что история про обнаружение пещеры мне знакома, во всяком случае, одна её версия. Казалось, Бьярки не очень понравилось, что у его дружков оказались настолько длинными языки, чтобы завлечь в их края человека с юга. Я теперь отчётливо видел, что передо мной один из тех представителей старого поколения, который не слишком радуется наступлению цивилизации и предпочёл бы, чтобы его, равно как и всю нашу Фрисландию, оставили в покое. До моих туристических чаяний ему не было ровно никакого дела, а появление новых людей связывалось у него исключительно с неизбежными затруднениями в охоте. Я хотел было его заверить в полной необоснованности сомнений и своём полном понимании ситуации, но тут в наш разговор вмешалась Василика. Она скинула с себя всё лишнее и теперь в одной длинной рубаше сидела на корточках перед горячим очагом, над которым исходили парами наши мокрые вещи.

– А я бы хотела туда сходить, если погода переменится, пап. Мне кажется, там в гробу что-то такое есть. Вы его неправильно открывали. Вот и Тим не против, правда, Тим?

Я горячо согласился, понимая, что моего «не против» слишком мало, чтобы сдвинуть не только плиту, но и двух бывалых охотников, равнодушных к детским забавам. Кому улыбается переться невесть в какую даль лишь затем, чтобы утолить любопытство восторженной девушки и нежданного гостя? Вообразите моё изумление, когда Бьярки не просто согласился исполнить блажь дочери, но и признался, что его самого сильно туда влечёт. Неудобство заклю-

чалось разве что в Лукасе, который был связан с нами своей лодкой, однако тот настолько проникся благодарностью к Василике за то, что та не заложила его при отце, и так горел желанием очистить совесть перед невольно брошенным на произвол судьбы и стихии другом, что охотно согласился к нам присоединиться.

– Я ещё по пути сюда обещал твою дочку туда сводить. Если, конечно, погода позволит...

Пережить дождь молча и на голодный желудок – хуже не придумаешь, так что Бьярки выпотрошил на стол содержимое своего мешка, поснимал с полок несколько банок с компотом, вынул из подпола яиц, картошки, и на пару с Василикой принялся сооружать совсем не лишний ужин. Поскольку было уже хорошо затемно, мы единогласно порешили заночевать в тепле и сухости этой милой избёнки, а наутро действовать по обстоятельствам, и, ежели они позволят, сходить «медвежьей тропой», как выразился Лукас. В оставленном на берегу ялике он был уверен. Тем более кто в такую темень и под таким дождём, который бесильно бил по ставням, поплывёт в здравом уме обратно хоть милю, а тем более все пять?

За ужином мои добрые хозяева учинили мне настоящий допрос. Первым начал Бьярки, вероятно что-то между нами с Василикой уловивший, потом к отцу присоединилась она сама, чтобы не выглядеть в глазах присутствующих чем-то смущённой, как мне самонадеянно показалось. Её интересовала жизнь на юге, его – моя семья и работа. Я честно признался, что работой это назвать не могу, поскольку помогаю людям узнать больше о нашем острове с удовольствием, без принуждения и даже не из желания заработать денег. Бьярки, похоже, не совсем моё отступление понял, поскольку для него охота наверняка была не менее любимым делом. А любимое дело «работой» не назовёшь. Но вообще-то то, что он слышал, ему нравилось: за вечер он даже два панибратски хлопнул меня по плечу. Насчёт сайта и интернета никто из них явно ничего не понял, так что я поспешил свернуть эту тему и переключился на рассказы о моём отце и его жизни в соседнем с ними Кампе. Историю про «войну Кнут-Кнута» все трое слушали молча, а когда я закончил, Бьярки посмотрел на меня как-то странно, и глаза его в этот момент подёрнулись мутной влагой. Он ничего не сказал, но впоследствии я узнал, что задел его за живое, потому что в ту ночь в Кампе так же глупо погиб его старший брат. Василике же больше всего понравилась история про знакомство моего отца с отцом моей матери. Оказалась, она сама не единожды видела разбуженных медведей и знала, какая в них таится опасность. Она была первой, от кого я услышал, что мой дед, должно быть, богатырь и настоящий герой, раз выжил после подобной встречи. Я с ней согласился и добавил, что деда, увы, уже нет среди нас в этом мире, но из другой мерности он сейчас смотрит на нас и наверняка радуется. Чему именно, я уточнять не стал. Все как-то сразу оживились, сменили тему, и ужин закончился вкусным чаепитием с клюквенным вареньем и безумно крепкими сушками. Комната в избе была одна общая, так что легли спать все вместе: Василику удалось уговорить занять единственный топчан, а мы неплохо устроились прямо на полу, закутавшись в шерстяные овечьи пледы и подложив под головы кто сумку, кто собственные ботинки, а кто и вовсе ничего. Засыпал я долго, думая о Василике, о своих новых знакомых, о лодке, пока ни вспомнил Ингрид, мысленно стал сочинять ей письмо и где-то на второй строчке провалился в забытие. Среди ночи я проснулся по нужде, встал, грустно прислушался к шороху дождя в кронах деревьев и собирался было выйти, но тут совершенно не сонный голос Бьярки из темноты сообщил мне, что удобства, здесь же, за стенкой. Видать, те, кто строили эту избу, понимали толк в простом житейском комфорте. Или пока они строили, случился дождь, и они придумали, как его обмануть. Как бы то ни было, до рассвета больше ничего интересного не происходило, а проснулся я выспавшимся, бодрым и голодным.

Утром похолодало и слегка распогодилось. Во всяком случае, дождя уже не было, а молочное небо кое-где надрывалось весёлой голубизной. Василика ни секунды не сомневалась, что надо идти к пещере. У запасливого Бьярки оказалось второе ружьё, которое он спокойно протянул мне, давая понять, что доверяет и знает – я не подведу. Мы обменялись

понимающими взглядами. У Лукаса ружье было своё. Что касается Василики, её вооружение в тот день составлял внушительных размеров тесак у пояса и не слишком впечатляющий лук, который она позаимствовала прямо здесь же, на стене избы, вместе с колчаном и набором из дюжины стрел. Выглядела она просто потрясающе, как настоящая воительница, высокая, стройная и гибкая. Кроме того, я не мог не заметить произошедшую с ней перемену, от которой у меня внутри всё приятно потеплело: девушка слегка подкрасила ресницы, подвела глаза и сделала чуть ярче тонкие линии губ, отчего стала, на мой взгляд, не просто красива, а вызывающе прекрасна. Нашла ли она эти женские ухищрения где-то здесь, привезла ли с собой – в любом случае она хотела нравиться. Кому – другой вопрос, но я был уверен, что, разумеется, мне. Когда я в подобных случаях спрашивал сестру, мол, зачем ты нарядилась, и так сойдёт, Тандри обычно сокрушённо вздыхала, показывая всем видом, как трудно ей иметь столь недалёкого брата, и отвечала, что делает это исключительно для себя. Я ей никогда не верил, а в данном случае было очевидно, что не в зеркало же Василика намерена любоваться по дороге через лес. Значит, у неё появился объект, ради которого она решила стать ещё привлекательнее. Я понаблюдал за Бьярки. Он только улыбался в бороду. Наверняка гордился тем, какая у него растёт дочка. В морщинистом лице Лукаса я соперника не видел. Вывод напрашивался сам собой. Значит, теперь моё дело не спугнуть удачу, не надеть глупостей и доказать хотя бы всё той же Тандри, что её брат вырос, возмужал и умеет обращаться с противоположным полом. Правда, я понятия не имел, стоит ли мне претвориться, будто я ничего не заметил, или же, наоборот, сделать девушке изящный комплимент. Интуиция подсказала, что оба варианта могут не сработать или сработать неправильно. Поэтому я выбрал третий путь и несколько раз давал ей возможность поймать мой взгляд. Горящий, восхищённый или шальной – судить было ей, но я постарался, чтобы в нём читалось всё моё к ней трепетное чувство.

Происходило всё это за завтраком, в который превратились остатки нашего вчерашнего ужина. Бьярки поглядел на небо и сказал, что мы должны поспешать, поскольку к вечеру снова может подняться ураган с дождём. По каким признакам он судил, понятия не имею, но выражение лица у него при этом было совершенно серьёзное, так что мы не стали засиживаться, закрыли дверь избы на хитрую задвижку, чтобы с ней не мог справиться какой-нибудь почувявший клюквенное варенье потапыч, и углубились в лес.

Если у нас на юге в лесу можно встретить и хвойные, и лиственные деревья, включая берёзы и дубы, здесь преобладали сосны. Их шелушистые стволы поднимали кроны на недосягаемую высоту, на которой любой порыв ветра отзывался заговорческим шепотом, а устилавшие землю пожухлые иглы испускали самый приятный, на мой нюх, аромат. Шли мы осторожно, но быстро, дышалось легко, воздух после дождя стоял пронзительно чистый, и я старался запомнить каждое мгновение этого удивительного дня, сознавая, что подобных ему в моей последующей жизни будет немного. Впереди крался Лукас, считавшийся у местных охотников, как я узнал, лучшим следопытом. Об этом шепнула мне шедшая рядом Василика, а её отец занимал стратегическое положение в хвосте, одновременно защищая наши тылы и видя всё, что происходит перед его глазами. Я это прекрасно понимал и старался вести себя совершенно естественно, лишней раз не приставая к девушке, но и не показывая себя тупым букой. У него должно было сложиться мнение, что я парень спокойный и сдержанный, хотя и весьма симпатизирующий его взрослой дочери. Признаюсь, играть эту роль мне было совсем не трудно. Если такое вообще возможно, Василика с каждым часом нравилась мне всё больше. Вчера я видел её отчаянной и решительной в деревне, деловитой и опытной – в лодке, милой, любознательной и понимающей – за ужином, сейчас – азартной и игривой. Она то и дело находила поводы со мной заговаривать, спрашивала, что, как я думаю, мы обнаружим в гробу, что я вообще думаю по поводу пещеры, а длинная череда вопросов заканчивалась вполне невинным:

– Когда ты собираешься привести сюда первых туристов?

Я честно ответил, что не знаю, поскольку, как она сама могла видеть, что бы мы там ни нашли, путешествие сюда связано с определёнными трудностями в связи с переправой и погодой, так что при любом раскладе едва ли будет разумно предпринимать первую экскурсию раньше самого конца весны, начала лета. Василика весело кивнула, однако я с удовольствием заметил, что она погрузнела.

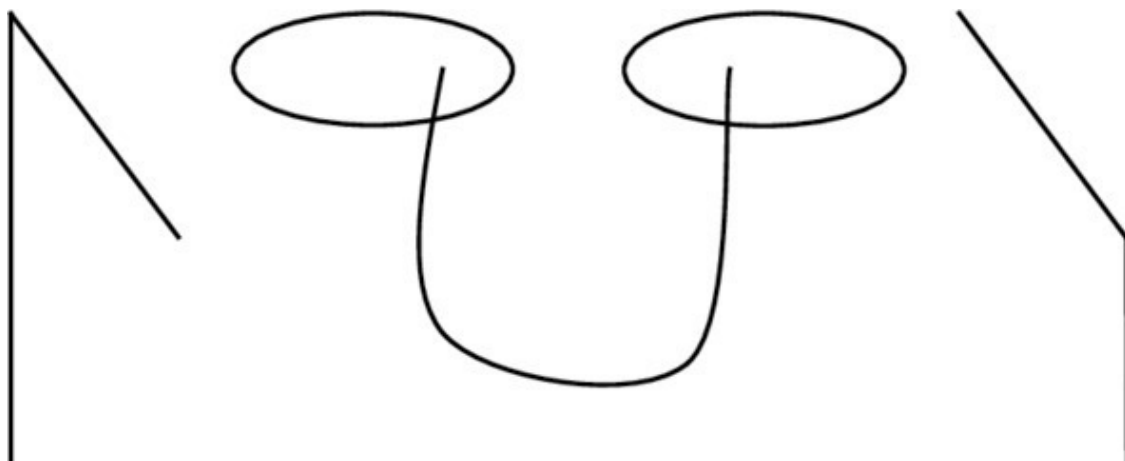
Что касается живности, то мы видели семью лосей, несколько белок да слышали, как по кустам шарится кабан. Бьярки уточнил, что кабаниха, но я не верю, чтобы он мог это определить по звуку. Ни одного медведя нам так и не повстречалось. Лукас сказал, будто это всё благодаря ему, точнее, тому обряду, который он провёл накануне, за ужином, втайне от нас. Ну, втайне, так втайне, никто с ним спорить не стал. Главное, что встреча с медведем нам была совсем ни к чему, а избежали мы её случайно или в результате колдовства – какая разница? Так мы шли, должно быть, часа полтора, когда сперва под ногами стали попадаться валуны, а потом в просветах между соснами прорисовались острые зубцы гор. Цель была рядом. Вскоре мы окончательно выбрались из леса и пошли вдоль опушки, огибая каменистые склоны. Здесь между нашими провожатыми возник некоторый спор, поскольку каждый из них помнил дальнейшую дорогу по-своему, однако верх взял Лукас. Мне подумалось, что Бьярки уступил ещё и потому, что, когда остался на острове один, сам предпринял попытку вернуться в пещеру, но неудачно, и теперь не имел достаточно сил, чтобы настаивать на своём видении. Так ли оно было на самом деле, не берусь судить, однако ощущение есть ощущение, и его у меня никто не отнимет.

Как я уже говорил прежде, высоких гор у нас, кроме Харамеру, не водится, поэтому мне было интересно идти у подножья внушительных склонов, заканчивавшихся, правда, не снежными шапками, но таких, о существовании которых у нас на юге даже не подозревают. Склоны эти, действительно, выглядели неприступными и скорее отпугивали, нежели манили к себе. Я читал, что есть люди, больные горами, которым только дай волю и они всю жизнь будут рисковать ею, чтобы только покорить как можно больше вершин. Я к таким точно не отношусь. Для меня горы – это часть рельефа, красивая её часть, но не более того. И уж точно не препятствие. Любую гору можно обойти, сколько бы на это ни ушло времени. И я готов пожертвовать временем, но не здоровьем. К счастью, в нашем случае никуда по скалам лезть не пришлось. Ну разве что преодолеть на четвереньках шагов пятнадцать вверх, чтобы в безошибочно указанном Лукасом месте выпрямиться перед мрачным входом в каменное брюхо. Вход этот был и в самом деле узковатым, и я специально обратил на это обстоятельство внимание. Не потому, что не верил в протиснувшегося в него медведя (медведи бывают весьма сообразительными и уклончивыми, если захотят), но потому, что у меня уже возникло подозрение относительно гроба, иначе говоря, саркофага, как подобные штуки принято называть в науке. Ширина прохода позволяла мне войти в него довольно спокойно, даже не боком, однако при этом я несколько раз задевал стенки обоими плечами. Лукас по-прежнему двигался первым, освещая дорогу карманным фонариком. За ним изящно пружинила на длинных ногах Василика, восторженно оглядываясь не то на меня, не то на отца, светившего сзади. Проход оказался гораздо длиннее, чем я предполагал. Терпения мне было не занимать, спина девушки скрашивала путь, а открывшееся в конце концов зрелище сторицей окупало все затраты.

Помнится, я подумал, что впервые нахожусь в пещере и сразу – в настолько впечатляющей и запоминающейся. Мы вчетвером некоторое время стояли и следили за разгуливающими по стенам и потолку зайчикам от фонарей. Все это сопровождалось журчанием ручья под ногами и шорохами где-то наверху, что едва ли могло свидетельствовать об угрозе встречи с потревоженным медведем. Ружьё я на всякий случай держал наизготовку. За неимением лишнего времени было решено здесь не задерживаться и сразу следовать дальше. Пока мы пересекали пещеру, фонарик Лукаса искал на полу то место возле ручья, где они с товарищами разделявали добычу. От медвежьей туши не осталось и следа. Лукас поинтересовался на этот

счёт мнением Бьярки, который предположил, что после них здесь уже побывал кто-то из проголодавшихся хищников. Как я понял, охотники в тот раз забрали с собой далеко не всё. Очевидно, что пещера известна здешнему зверью и определённо им посещается. Открытым остался лишь вопрос, каким и когда. Выяснить это никому не хотелось.

Факелы и второй проход были на месте. Последний, в самом деле, плутал до головокружения, но рано или поздно закончился, как и всё в нашей жизни. Здесь уже можно было выключать фонари: света из дыр в потолке вполне хватало на то, чтобы рассмотреть всю пещеру. Она оказалась точно такой, какой я представлял её себе по рассказу Лукаса. Единственное обстоятельство, которое он упустил, так это её форма – идеальный круг, вытесанный в твёрдых породах стен. Проведя рукой по шершавой поверхности, я, не будучи, правда, большим знатоком, убедился в том, что это не податливый известняк. Известняк я знаю по некоторым нашим крепостям, которые были частично выстроены именно из него и со временем осыпались и пришли в негодность, достойную лишь того, чтобы на их примере рассказывать о древности здешних поселений. Поскольку никто меня не может толком поправить, сознаюсь, я иногда в своих разговорах с туристами кое-что слегка преувеличиваю. Безобидная ложь, знаете ли. Ложь во благо. Во благо нашего острова и окутывающих его легенд. Нетронутые временем стены крепостей едва ли могут свидетельствовать об их насыщенной событиями истории. Зато когда они слегка обвалились, нетрудно присовокупить к этому какую-нибудь былинку, и вот уже история оживает на твоих глазах и становится интересна многим. А если повторить её не один раз, постепенно и сам начинаешь верить в то, что нашёл единственно правильное объяснение происходящего. Стены второй пещеры осыпаться явно не собирались. Я заметил, что и Василика проверяет мою версию, сняв с пояса тесак и пытаясь раскарабать им неподатливую поверхность. При этом то здесь, то там были видны простенькие рисунки, о которых говорил Лукас, и которые производили довольно странное впечатление именно тем, что были не выпарапаны, а углублены, словно вдавлены в камень. Нечто подобное я видел на фотографиях всяких египетских достопримечательностей, но там, похоже, был задействован строительный материал, который нынче принято называть бетоном и который вполне податлив до полного высыхания и окаменения. Трудно было, однако, предположить, будто вся эта пещера имела такое же искусственное происхождение, как египетские пирамиды, и потому рисунки вызвали у всех у нас неподдельный интерес. Собственно, это были вовсе никакие не рисунки, а непонятные значки. Было их не очень много, штук двадцать, причём большинство повторялось, так что вся надпись сводилась к комбинации из пяти-шести незатейливых символов, из которых мне почему-то особенно запомнились три: нечто вроде обрубленного по вертикали острия стрелы, так же по вертикали обрубленная половина её оперения и два овала, похожих на лежащие на боку куриные яйца, соединённые снизу дугой. Выглядело это примерно так, как я попытался здесь изобразить. Василика сказала, что рисунок напоминает лицо человека с толстым носом и двумя глазами. Я возражать не стал, однако про себя подумал, что если бы авторам этих значков понадобилось изобразить человеческую физиономию, они наверняка обладали средствами сделать это гораздо более похоже. У меня предусмотрительно были при себе карандаш и записная книжка, так что я потратил некоторое время и постарался как можно более тщательно скопировать всю круговую надпись. Это невинное занятие заметно подняло меня в глазах моих спутников, которые теперь точно знали, что я знаком с науками не понаслышке. Люди простые, они испытывали перед нашим братом безспорный пиетет. Если бы я вынул из кармана нож или рыболовный крючок, их интерес был бы строго пропорционален качеству предмета, знакомого им, как свои пять пальцев. Но носить при себе принадлежности для письма – это не укладывалось в их житейском сознании и вызывало тщательно скрываемое за ухмылками уважение. Очередное очко в мою пользу.

Круглый пруд в центре пещеры был заполнен мутной водой. Толстый луч света, проходя через одну из дырок в потолке, упирался в его поверхность косою колонной влажных испарений, но дальше не проникал. Тут свою предусмотрительность продемонстрировала Василика, которая, оказываясь, прихватила с собой из избушки моток верёвки и маленький каменный грузик от сетей. Мы с интересом наблюдали, как она подвязывает его на конец верёвки и начинает опускать в воду. Верёвка оставалась натянутой всё время, пока девушка неторопливо сматывала её, оставшись в итоге с противоположным кончиком в руке. Дна не было. Длину верёвки никто не засёк, но когда мы её вынули и измерили, получилось почти сто двадцать шагов.

– Симпатичный прудик, – сказал Лукас.

– Скорее уж колодец, – уточнила Василика, убирая моток с грузилом в сумку. – Жалко, что у вас всего два фонаря. Сейчас бы один включить и туда бросить. Интересно, сколько бы мы его свет видели?

– Придумаешь тоже, – отвернулся Бьярки.

Я проследил за его взглядом и увидел саркофаг. Большой, в человеческий рост, каменный и молчаливый. Саркофаг стоял в глубокой нише одиноко и соблазнительно. Я подошёл к торцевой его части и примерился. Моя предварительная догадка оправдалась: по ширине и высоте каменная машина была значительно шире моих плеч.

– Тут где-то должен быть ещё один выход, – заговорчески заметил я, оглядываясь на спутников и уже зная, какой последует вопрос. – Это очевидно по тому, что в ту дырку на улицу он не пройдёт.

Предание было слишком свежо, чтобы кто-нибудь стал возражать. Более того, трудно себе представить, чтобы его могли протащить из первой пещеры всеми этими бесконечными зигзагами. А поскольку здешняя стена в остальных местах была сплошной, оставалось предположить, что его сюда спустили через одну из дырок в потолке. Высота и перспектива не позволяли определить их точные размеры, однако другого объяснения просто не существовало.

Василика взялась руководить подъёмом плиты. Без этого мы все сочли бы результаты нашей прогулки неполными. Для начала она попыталась вбить в разрез деревянные клинья, но те сразу же упёрлись во что-то твёрдое. Лукас даже поспешил выдвинуть гипотезу, мол, это никакая не крышка, а сплошной каменный кирпич с прорезью для красоты и цельный внутри. Я уже был готов с ним согласиться, когда заметил, что клин Василики, не зайдя глубоко, все же заставил разрез чуть-чуть расшириться. Плита поднималась! Просто, как мы с девушкой подозревали, она там внутри насаживалась на что-то, что не позволяло её сдвинуть. С утроенными силами мы навалились на саркофаг и кто чем мог подцепили крышку снизу. Рывок на счёт три, и она поддалась, тяжеленная, норовящая отдавить нам пальцы, но поддалась, хотя ни с первого, ни со второго раза сдвинуть мы её так и не смогли. Нам нужен был рычаг, и после некото-

рого замешательства Бьярки раздобыл целых два: железные крепления факелов заржавели из-за окружавшей их здесь влаги, однако были всё ещё достаточно прочными, чтобы попытаться просунуть их в разрез и сработать как домкратами. Сказать оказалось куда как легче, чем сделать. Закончилось тем, что мы изо всех сил держали крышку едва приподнятой, а Василика что было мочи била большим камнем по концу одной из железок с тем, чтобы та пробила каменную заслонку под крышкой и позволила таким образом использовать это нехитрое приспособление по всей длине. Когда ценой невероятных усилий первый рычаг был на исходе долгих минут возни, стонов, криков и ругани всунут, работа зашпорилась быстрее, за первым вскоре последовал второй, мы с Лукасом упёрлись в них снизу, в то время как дочь с отцом тянули приподнявшуюся крышку вбок. Со стороны это, вероятно, выглядело уморительно глупо, но нам было не до смеха. Мы все хотели знать, что или кто скрывается в оставленном в пещере каменном гробу. Постепенно крышка снизошла до наших усилий и стала медленно, но верно поддаваться. Когда она съехала с пазов настолько, что в образовавшуюся щель можно было просунуть руку, я бросил за ненадобностью свой рычаг и принялся помогать Василике. Лукас сделал то же самое, и дело пошло быстрее.

– Осторожно! – крикнул я. – Не уроните!

Теперь уже сама крышка потеряла устойчивость, и её можно было без особого труда опускать за один конец и поднимать за другой. Мы взялись за оба и положили её набекрень гроба. Я продолжал мысленно называть это сооружение «гробом», хотя уже понимал, что всё зависит от того, что мы обнаружим внутри. Как только это стало возможно, мы все вчетвером ухватились обеими руками за открывшиеся края и, опережая друг друга, подтянулись, чтобы заглянуть в тёмное нутро. Увы, слишком тёмное и глубокое, чтобы что-нибудь разглядеть. Девушка была из нас самой лёгкой, поэтому в итоге мы решили доверить это ответственное действие именно ей. Бьярки подсадил её на камень, Лукас протянул фонарь, и Василика, лёжа животом на плите, первой увидела содержимое гроба. Я ждал крика ужаса или восторга, однако она некоторое время хранила напряжённое молчание, что-то там разглядывая.

– Труп? – первым не выдержал Лукас.

– Не пойму... Больше похоже просто на какой-то свёрток.

– Мумия, – сказал я, не ожидая, что меня поймут.

Главное, что из гроба ничего не выпрыгнуло, не вылетело и не схватило Василику за косу. С остальным, как мне казалось, мы уж точно справимся. Немного подумав, девушка упёрлась руками в освобождённые края и, как гимнастка на брусьях, стала медленно опускаться в достаточно широкую для неё щель. Она ничего не боялась. У меня буквально замерло сердце. А она уже стояла в саркофаге в полный рост, так что я снизу видел лишь её голову. Когда Василика наклонилась, исчезла и она. Мы замерли, переглядываясь.

– Тяжёлая, – послышался приглушённый голос из-за камня. Я бросился было ей на помощь и уже подтянулся, когда мне прямо в лицо ткнулось что-то твёрдое и затхло пахнущее. – Ой, извини...

Свёрток оказался длинным, узким и, действительно, нелёгким. Обёрткой служила задушенная кожа какого-то животного, потемневшая от времени, но сухая и пыльная. Бьярки помог мне принять драгоценный груз.

– Что-нибудь ещё?

– Нет. – Василика перевалилась через край саркофага и, спрыгнув на пол, долго отряхивалась. – Пусто.

– Интересная штучка, – выразил общее мнение Лукас, присаживаясь возле свёртка на корточки. – Смотрим?

– А что его, беречь что ли? – хмыкнул Бьярки.

Кожа, точнее, шкура, была перевязана толстой тесьмой, иначе говоря, шнуром, когда-то, очевидно, разноцветным, но сегодня совершенно выцветшим и порядком подгнившим. Развя-

зывать его смысла не имело, и Лукас упростил себе задачу лезвием ножа. Когда он принялся осторожно разворачивать шкуру, я уже понимал, что трупа внутри никакого, даже детского, быть не может – слишком всё узкое и тяжёлое. Может, оружие? Долго томиться в догадках нам не пришлось: на развёрнутой посреди пещеры кожаной обёртке лежало нечто железное, с виду напоминающее здоровенное ожерелье, какое мог бы носить человек, будь от метров пяти ростом. Многочисленные прямоугольные пластины и висюльки в виде перевёрнутых капель крепились единой связкой к тому, что я бы при других обстоятельствах назвал эклектическим проводом, состоявшим из тугого жгута проволоки, закованного в кольца из чего-то плотного, но не железа и, разумеется, не пластмассы, скорее, затвердевшей смолы. Помимо «ожерелья», содержимое артефакта представляло собой две металлические палки в локоть длиной и два пальца толщиной, круглые и украшенные какими-то значками. Если бы я нечто подобное выловил из воды на нашем пляже или подобрал в лесу, то, возможно, и не выбросил бы сразу, но уж точно не отнёсся бы серьёзно. Мало ли железного хлама валяется даже у нас на острове. Но эта штукавина неизвестно как долго пролежала замурованной внутри мощного саркофага, а значит, кто-то специально её туда положил, заботясь о том, чтобы она как можно дольше оставалась в целости и сохранности, неподвластная ржавчине и скрытая от любопытных взоров. находка требовала к себе уважительного отношения и... осторожности.

– По-моему, это должно быть вот так, – заметила Василика, взяла одну из палок и показала кончик с двумя зазубринами. Точно такие же зазубрины обнаружились на конце «ожерелья». Она попробовала их соединить, но тщетно.

– Наоборот, – догадался я, указывая на впадины на другом конце «провода». – Это пазы. Уж если вставлять, то только сюда.

Мы оказались правы: зазубрины встали в пазы, даже издав при этом лёгкий щелчок. То же было проделано со второй палкой, снабжённой пазами для зазубрин провода. В итоге мы получили нечто вроде неудобных прыгалок с длинными рукоятками.

– Похоже на какой-то прибор, – задумчиво произнёс Лукас.

Никто из нас не нашёл в себе сил ни согласиться с ним, ни опровергнуть его догадку. В полной сборке вся эта конструкция весила, пожалуй, стоуна два с лишним. Мы некоторое время тупо её рассматривали, пока Василика ни сделала то, что само собой напрашивалось: взвалила пластины с каплями себе на грудь, а палки перебросила за плечи как косы.

– Ну, как? Красиво?

Поняв по нашим улыбающимся лицам, что шутка удалась, хотела одним махом сбросить всё это богатство на пол, однако что-то подсказало мне, что это может быть небезопасно, и я успел перехватить падающее железо, прищемил себе палец, но зато ничего не произошло. Вместо «ожерелья» на раскрытую под ногами кожу упал мой взгляд, и ожидаемый крик боли превратился в изумлённое восклицанье. Среди складок и трещин отчётливо проступал какой-то затейливый рисунок.

– Что это?

Мы перенесли кожаное полотнище на дневной свет и обнаружили, что рисунок на нём вовсе не нарисован, а тщательно вышит, что опять же должно было доказывать его важность. При этом выглядел он ничуть не более понятно, чем значки на стенах. Посреди пространства кожи было вышито большое кольцо. Внешняя его сторона казалась почти идеально круглой, тогда как внутренняя была сплошь в мелких зазубринах. Четыре точно таких же, только гораздо меньше, были вышиты ближе к краям. Внутри колец автор разместил нечто, что моему большому воображению живо напомнило собачьи фекалии. Несмотря на разницу в размерах, при желании можно было убедиться в том, что расположение «фекалий» относительно друг друга подозрительно схожее. Тут я лишний раз смог убедиться в том, что одни и те же вещи вызывают у разных людей разные ассоциации, иногда просто противоположные.

– Скатерть-самобранка, – сказала Василика. – Если вам станет голодно или скучно, расстелите перед собой и представьте, что это тарелки с едой.

– Похоже, – с сомнением согласился Бьярки. – Скатерть для застолья на том свете.

Мы с Лукасом промолчали. Не могу сказать, что я был разочарован содержимым саркофага. Скелет с двумя головами и шестью руками в два человеческих роста длиной был бы, конечно, куда предпочтительнее железной гирлянды и куска кожи, но что есть, то есть. Оставалось лишь решить, как со всем этим сомнительным богатством поступить. Поскольку мои спутники по умолчанию были здесь хозяевами, я на правах скромного гостя поинтересовался их мнением. Бьярки и Лукас переглянулись. Василика посмотрела на меня с вызовом и в свою очередь спросила:

– А какие планы у тебя?

– Не знаю, но думаю, что здесь всё это точно оставлять не стоит. С пещерами, саркофагом и крышкой ничего не произойдёт, а вот странные украшения для великана и картинка на коже непогоду долго не переживут. Либо положить их обратно, где взяли, и закрыть, либо...

– Нет, Тим, мы эти штуковины нашли, теперь они наши, никуда обратно мы их убирать не должны и не будем, – уверенно заявила девушка, глядя на отца и ища поддержки. – Раз этот свёрток был там, значит, он важный и для чего-то нужный. Если мы пока не понимаем, что это и зачем, не страшно, разберёмся как-нибудь. Я думаю, твоим туристам и так будет на что здесь посмотреть.

– Надеюсь...

Я действительно надеялся на то, что это лишь начало долгой и интересной истории. Знал бы я тогда, чем оно обернётся, пожалуй, побросал бы всё и трусливо сбежал домой. Но кому же дано прозревать будущее наперёд? И даже те, кто говорят, будто могут это делать, я уверен, никогда до конца не уверены в своих предвидениях.

Бьярки взвалил странное ожерелье на плечо, я свернул и сунул подмышку шкуру, и мы задумчиво отправились восвояси. Перед этим я, к счастью, спохватился, что у меня в сумке лежит позабытый старенький фотоаппарат – пентаконовская *Praktica*²³ – без вспышки, но зато заряженная слайдовой плёнкой, и сделал несколько кадров, увековечивших пещеру, лучи с потолка, круглый прудец и полуоткрытый саркофаг.

²³ Имеется в виду продукция компании *Pentacoon*, создавшей первый зеркальный фотоаппарат ещё в 1896 году, правда, тогда она называлась *Richard Huetting & Sohn*.

Погода между тем снова начала портиться. Облака сомкнулись в серую мглу, заметно потемнело, где-то вдали мерещились раскаты грома. По дороге мы продолжали оживлённо обсуждать увиденное и делиться догадками. Лукас сказал, что нашим находкам никак не меньше тысячи лет.

– А почему не полторы? – рассмеялась Василика.

– Или не миллион? – поддержал её я.

– Может, и миллион, – нахмурился Лукас, отчего всем стало понятно, что для него цифра в тысячу лет не более чем синоним понятия «очень давно» и никакого отношения не имеет к датировке.

– Единственное, что способно пролить свет на происхождение надписей и гроба, – сказал Бьярки, – это предметный разговор со старожилами. Хотя я подозреваю, что если бы они чего-то эдакое когда-то слышали, мы бы наверняка об этом сегодня знали.

– Я с ними поговорю, – откликнулся я. – Мне не впервой. Ведь не может же у такого необычного места не быть своей истории. Просто удивительно, что никто не нашёл её до нас... в смысле, до вас. А что, неужели никаких слухов про этот остров по Рару не ходит?

– Слухов ходит много, – согласился Бьярки, – но именно что слухов. Если кому по жизни что мерещится, так померещиться может и в собственном нужнике, ни на какой остров плыть не надо. Скажи, Лукас.

– А я тут при чём? Тиму лучше всего с Уитни поговорить, я так считаю. Если кто чего и ведаёт, то точно она.

– А она ещё жива?

– Жива, куда ей деться! В прошлом месяце её своими глазами видел на рынке. Капусту покупала, кажись. Горбится, сутулится, уже обратно в землю растёт, а ничего ей не делается. Ещё того и гляди нас переживёт.

Из услышанного я понял, что речь идёт о старушке, которую они оба знают, но которая обитает не в их деревне. Что ж, время у меня есть, повод тоже – отчего бы не наведаться ещё к кому-нибудь в гости?

– Это вы случайно не про ту Уитни, про ту колдунью, которая на маму порчу навела? – встрепенулась тем временем Василика. Она шла рядом со мной, и я почувствовал, как дрогнул её голос. – Мне бабушка говорила...

– Глупости всё это, – отрезал Бьярки. – Колдунья она, может, и колдунья, но к нам никакого отношения не имеет. Бедняга Шинейд отравилась грибами, ты же знаешь.

– Знаю, но бабушка...

– Бабушка! Она сама, небось, эти грибы готовила по дурости, а теперь на каждого встречного свою вину валит. Уитни никогда никому ничего плохого на моём веку не делала, запомни. Если хочешь, сходи к ней вместе с Тимом да расспроси.

– Хочу!

Ветер дунул, я глотнул холодного воздуха и чуть не захлебнулся. Василика не против того, чтобы отправиться со мной на розыски этой их Уитни! Вдвоём! В Рару! Что может быть лучше отравленных грибов и колдовства! Шучу, шучу! Но как же это здорово!

Когда мы остановились передохнуть, я попросил моих новых друзей слегка попозировать перед моим фотоаппаратом. Погода могла вот-вот испортиться окончательно, а я хотел, пока светло, заполучить про запас надёжное доказательство того, что всё это произошло с нами не во сне, а наяву. Ну, и портрет Василики на всякий случай, разумеется, сделать без её ведома. Посреди широкой поляны Лукас расправил шкуру с рисунком перед собой, отец с дочерью взяли за концы «ожерелья», и я поснимал их и вместе, и по отдельности, следя за счётчиком кадров, чтобы осталось на Рару и эту их Уитни. Василика делала вид, будто стесняется, хотя ей явно нравилось моё притворно деловое внимание. Бьярки заинтересовался фотоаппаратом, а Лукас оказался прирождённым артистом и продолжал кривляться ещё долго после того, как

я объявил, что дело сделано. Мне показалось, что представители старшего поколения только сейчас почувствовали серьёзность моих намерений и даже слегка меня зауважали. Василика, наоборот, притихла, о чём-то размышляя.

Избу мы нашли в полном порядке, какой и оставляли. Почувствовав, как сильно проголодались, подкрепились, взбодрились и на радостях решили, что больше задерживаться не стоит, пора домой. По пути к лодке Лукас поотстал, а когда я остановился, чтобы его дождаться, подошёл и сунул мне в руку деньги.

– Ты хорошее дело сделал, парень. Даже два хороших дела: девочке помог и про пещеру нашу, глядишь, миру поведаешь. У меня совесть будет нечиста, если я ещё за это с тебя сдирать стану. Держи. Лучше когда в городе окажешься, купи что-нибудь Василике. И от меня заодно.

Он виновато улыбнулся. Я взял половину, а половину оставил в его шершавой ладони.

– Нет, Лукас, я хочу, чтобы и у меня совесть была чистой. Это за труды.

На том и порешили.

Ялик лежал там, где его привязали. Дном вверх, чтобы не набрать дождевой воды. Вынутая из пазов мачта и вёсла прятались здесь же, под ним. Погрустнев – вспомнилась, вероятно, собственная потеря, – Бьярки взялся за дело да так споро, что ни я, ни Василика не успели им с Лукасом ни помочь, ни даже помешать, и через какие-то мгновения вся наша дружная кампания уже отталкивалась от берега и брала курс на невидимый за туманами порт. Не успели мы проплыть и мили, как зарядил отвратительный дождь с ветром. Мы с Лукасом снова сидели на вёслах, Бьярки мотал над нашими головами гиком, подлаживая парус, Василика же заняла своё излюбленное место на носу и следила за поклажей и драгоценными артефактами. За рисунки на коже я не боялся: никакая влага не могла повредить вышивке. Другое дело – железная штуковина, лежащая на мостках и обливаемая небесными слезами. Я был обращён к ним спиной и лишь изредка оглядывался на девушку. Она сейчас тоже не смотрела на меня, впиваясь взглядов во мглу впереди.

Думаю, я был первым, кто услышал странный звук. Как будто лёгкое гудение в воздухе. Чуть позже к гудению добавилась почти незаметная, мелкая-мелкая дрожь скамейки. Я толкнул Лукаса локтём. Он прислушался, но только плечами пожал. Бьярки уловил наше замешательство.

– Чего там?

– Гудит...

– Чего гудит?

Не успел я ответить, как за спиной раздался взрыв. Ну, это я сейчас называю тот звук взрывом, а тогда он прозвучал как резкий удар, как однократный треск, от которого меня снесло с лавки под ноги Бьярки, машинально взметнувшего свободную руку к глазам, потому что удар сопровождался ослепительной вспышкой.

– Василика!

Не знаю, кто из нас троих выкрикнул её имя. Думаю, что все трое разом. Я извернулся и посмотрел назад. Девушка по-прежнему сидела на носу ялика, внешне как будто живая и здоровая, но держась за голову, точнее, зажав ладонями уши. Бьярки, единственный из нас, кто видел произошедшее, откуда-то издали кричал, что это железки, что они взорвались, и что их нужно срочно выбросить за борт. Я поднялся на локтях. «Ожерелье» никуда не делось, лежало, где лежало, только теперь было заметно, что по всем его пластинам и каплям пробегают мелкие голубоватые искорки. Бьярки явно намеревался выполнить задуманное. Я нутром чувствовал, что это неправильно, хоть и опасно, и страшно. Вскочив на ноги, перепрыгнул через лавку и успел остановить его за плечо.

– Не трогайте! Дёрнет!

Он меня услышал, понял и замер, глядя на дочь. Та, не открывая ладоней от ушей и продолжая морщиться, смотрела, как я, стоя на коленях, осторожно берусь за один конец желез-

ной палки, другой рукой – за смоляные кольца и резко их разъединяю. Ничего не произошло. Понятия не имея, хорошо это или плохо, я проделал то же самое с другим концом. Голубоватые искорки резко погасли. «Ожерелье» снова превратилось в безжизненную горку металла.

– Что это было? – не выдержал напряжённой тишины Лукас.

– Разряд. Электрический разряд. Наверное, – ответил я. – Эта штукавина зарядилась от воды, её замкнуло.

– А теперь?

– Кажется, всё дело в этих палках. Без них она не заряжается.

– Всё равно лучше от греха подальше выбросить, – наставительно заметил Бьярки, продолжая вглядываться в дочь и убеждаясь, что она в порядке.

– Нет уж, – возразил я как можно твёрже. – Если я прав, то эта хреновина – мощнейший генератор. Которому не нужно ничего, кроме воды. Вы можете себе представить, что это значит?

Мои спутники этого представить не могли, а я, подумав и заметив, что страсти поутихли, решил не пускаться в разъяснения. Они напуганы и теперь едва ли захотят оставить «ожерелье» у себя. А уж я сумею найти ему должное применение у нас в деревне! Заодно будет чем новых туристов соблазнить на долгое путешествие в эти края, к первоисточнику, так сказать. Поэтому я, удерживая равновесие и сплёвывая с губ дождевые капли, наскоро завернул всё железо обратно в шкуру и сложил подальше от Василики, на корме. Мы расселись по местам и некоторое время плыли молча.

– Это что же получается, – начал ни с того ни с сего Лукас, – выходит, наши допотопные предки знали, как получать электричество?

– Ещё как выходит! – подхватил Бьярки. – Я думал, на нас бомба упала. До сих пор в глазах тараканы бегают. Дочка, ты как?

– Кое-что ещё пока слышу, – неохотно отозвалась Василика своим бархатистым голосом. – Тим, ты уверен, что больше не жажнет?

– Нет, но штукавина это явно не такая простая, как кажется. Я ею потом ещё поиграюсь. Ты, кстати, не заметила, как произошло замыкание? Палки коснулись друг друга? Или просто – лежала-лежала в воде и ни с того ни с сего бабахнула?

– К счастью, я в другую сторону смотрела в этот момент...

Когда я вот так, как ни в чём не бывало, разговаривал с ней, всё остальное само собой отступало на задний план. Передо мной была девушка моей мечты, единственная и неповторимая, во плоти – и в какой плоти! – лишённая недостатков и изъянов, красивая, смелая, находчивая, остроумная. Неужели какие-то железки и шкуры могли иметь хоть маломальское значение? Да я готов был, не задумываясь, выбросить их за борт и прыгнуть следом, если бы я знал наверняка, что эта чаровница когда-нибудь, пусть даже в другой жизни, станет моей женой. Ингрид, прости! Я уже изменил тебе в помыслах и, будь на то воля providенья, радостно изменю тебе в действительности. О, моя душа, что же я с тобой делаю? Почему нельзя разорвать тебя пополам и отдать поровну каждой? Почему мне уготован жребий, который я должен выбрать и выбрать непременно сам, отринув одно и приняв другое? Я не хочу этого. Я не могу без этого. Я потерян и я найден. У меня голова идёт кругом от счастья встречи и грусти разлуки, от страсти обретения и горя потери. Вероятно, виной тому пронзительный ветер и разгулявшийся не на шутку дождь. Или разряд, никуда не исчезнувший, а вошедший в меня разительной молнией и застрявший в сердце, убаюканном всем предыдущим уютным бытием. Как в той сказке про ледяную сосульку, которую злая фея швырнула в своего неверного возлюбленного, и тот потерял способность чувствовать. Только со мной, похоже, произошло ровно наоборот: сейчас я чувствовал во сто крат больше, чем мог осознать и передумать. Где я? Кто я?

– Поберегись!

Мокрая балка гика просвистела у меня над головой. Я пришёл в себя, ошалело глянул на Лукаса и стал подстраиваться под его мощные гребки.

Дальнейший путь прошёл без приключений, если не считать того, что все промокли до нитки. Свёрток вёл себя тихо, не зудел и не искрил. Каким-то чудом я с первой попытки отгадал его секрет. Вероятно я так не хотел его терять и одновременно подвергать нас опасности, что моя интуиция вышла на новый для себя уровень и дала единственный правильный ответ на незаданный вопрос. Гордости у меня, кстати, по этому поводу не прибавилось, поскольку я сознавал, что был на волосок от того, чтобы потерять всё и сразу. Если бы Василика получила какие-нибудь увечья, я бы этого не пережил. Да и Бьярки, думаю, мне только помог бы в этом, сочтя моей виной. Но хорошо то, что хорошо кончается.

Нос ялика рано или поздно ткнулся в доски причала, мы вышли, пожелали Лукасу доброй ночи, и – а вот дальше я замер в нерешительности со свёртком на руках и потяжелевшей от дождя сумкой за спиной. Дальнейших наших действий мы обговорить не успели, так что теперь я испытывал неловкость, поскольку не мог просто так набиться в гости, а есть ли тут у них гостиница, постоялый двор или трактир, я не знал. Василика, не оглядываясь, направилась прочь. Бьярки шагнул было за ней, заметил мою растерянность, привычным жестом хлопнул по плечу и сказал, чтобы я не изображал из себя идиота, потому что эту ночь, разумеется, я буду ночевать у них дома, даже если ему придётся тащить меня волоком. Никого тащить волоком, как вы понимаете, не пришлось, я легко дал себя уговорить, и скоро мы уже стояли на крыльце скромного, но очень добротно сколоченного одноэтажного сруба с высокой крышей и чердаком. Пока Бьярки возился с замком, Василика находилась так близко от меня, что мне казалось, будто я чувствую тыльной стороной ладони прикосновения её тёплых пальцев. Проверять источник этих ощущений я не решился. Наконец мы вошли.

Если дом Кроули, который вы могли себе представить в начале моего повествования, предназначался для проживания человека, не привыкшего отказывать себе в удовольствии полодырничать, почитать, помечтать и вообще расслабиться, то обиталище моих новых друзей (каковыми мне хотелось их считать) было полной его противоположностью: ничего лишнего, всё лаконично, всё по делу, всё на своём месте, всё нужное и, я бы сказал, настоящее. Примечательно, что если в дом Кроули я был влюблён с детства, то и здесь сразу почувствовал себя хорошо и уютно. Говоря «лаконично», я вовсе не имею в виду, что дом Бьярки был маленьким и тесным. Не забывайте, что я оказался на севере, а северяне стараются стоять свои жилища так, чтобы не расходовать дров больше, чем нужно. Поэтому из узких сеней (веранды тут не было как класса), вы попадаете через две разные двери в две разные комнаты, общим у которых оказывается кирпичный бок белёной печи в углу. В правой комнате он слева, в левой – справа. Потому что печь – одна на всех. Интересно, что северяне умеют складывать её таким мудрёным образом, чтобы доступ к топке был из всех сопряжённых комнат. При этом сама печь быстро нагревается и медленно остывает. Когда мы вошли, и я осмотрелся, то подумал, что это всё: в правой комнате, что побольше, ночуем мы с Бьярки, а в левой – поменьше, Василика. Каково же было моё приятное изумление, когда оказалось, что комнат не две, а целых четыре: та, что побольше, служила им в обычное время чем-то вроде гостиной, из которой другая дверь открывалась в спальню Бьярки. Зайдя в неё и увидев всю ту же печь, я обнаружил слева другую дверь, за которой находилась самая настоящая ванная с уборной в одних стенах. Половину потолка занимала плоская канистра с водой, заливавшейся, очевидно, с чердака. Частично канистра была вмонтирована в печь и потому нагревалась ничуть не медленнее самого помещения, а хорошая изоляция потолочных перекрытий не позволяла ей слишком быстро остужаться даже зимой. Над чистой чугунной ванной я заметил даже душевой шланг. Мои хозяева явно знали толк в гигиене. Пока я осматривался, Василика уже занялась хозяйством и первым делом затопила печь. Бьярки велел мне располагаться в гостиной и исчез за занавеской, где я предполагал обнаружить сплошную стену, но там оказался дверной проём

и выход в подсобную комнату, длинную, вытянутую вдоль всей гостиной и спальни и служившую кухней, складом и мастерской. Здесь была даже своя печь, железная и приспособленная не столько для обогрева, сколько для быстрой и удобной готовки. Я предложил свои услуги, однако Бьярки только отмахнулся и заявил, что справится с ужином сам. Я поинтересовался, куда лучше положить наши находки. Бьярки кивнул в дальний угол. Я так и сделал. Мы ещё немного постояли и поговорили о том о сём, а когда я спохватился, что забыл разложить свои мокрые вещи для просушки и вернулся в комнату, обнаружил там Василику, которая, оказывается, уже сделала это за меня. Правда, в тот момент меня поразило не это, а то, что она избавилась почти от всей одежды и теперь расхаживала по дому в одной юбке. Коса её была распущена и лежала тяжёлыми прядями на груди, но спина оставалась совсем голой, и меня это не только весьма радовало, но и крайне смущало. Вошедший следом за мной Бьярки не только не сделал ей замечания, но, похоже, даже не обратил на это внимания. Признаться, я не слышал о том, чтобы у северян в этом отношении было более свободные нравы, нежели у нас, поэтому некоторое время ощущал себя слегка неуютно, избегая смотреть в сторону девушки, хотя именно этого хотел больше всего на свете. Она поинтересовалась, есть ли у меня ещё что посушить. Я ответил, что вроде бы нет, но она рассмеялась и спросила, уж не собираюсь ли я спать во всём мокром. Пришлось мне тоже делать вид, что раздеваться в присутствии посторонних для меня в порядке вещей. В комнатах к тому времени стало вполне тепло. Дрова за железной дверцей печи добродушно постреливали. Видя, что я не слишком ловко чувствую себя в трусах, Василика сжалилась и кинула мне полотенце.

– Если не боишься прохладной воды, можешь пока пойти помыться.

Я не нашёл веских причин отказываться и уединился в ванной комнате. У нас в доме удобства были примерно такие же, только с недавних пор не на дровах, а на электричестве.

После бодрящего душа я почувствовал себя посвежевшим и в меру голодным. На кухне меня ждала фырчащая яичница и какой-то очень вкусный хлеб с толстыми шмотками сыра. В воздухе разливался знакомый дурманивший аромат непонятно чего. Когда я поинтересовался, Василика налила мне в кружку дымящийся розовый отвар и вручила ложку с прилипшей к ней горкой мёда:

– Размешай.

Оказалось, что это было обычный малиновый морс, только мы его всегда студим, а они его тут зимой пьют, наоборот, почти кипящим. Кстати, я после того угощения тоже стал часто дома мамин морс разогревать, чем вызывал всеобщее удивление, но продолжал поступать по-своему. Горячий морс легко переносил меня обратно, в тот незабываемый вечер на чужой гостеприимной кухне.

После ужина Бьярки зевнул, пожелал нам спокойной ночи и преспокойно удалился к себе. Я помог Василике перемыть посуду и всё думал, что произойдёт, если я попытаюсь её поцеловать. Как ни странно, от безрассудства меня удерживала сумбурная мысль о том, что делать, если она ответит. О, юность! Какими же глупыми и смешными мы кажемся себе с высоты прожитых лет!

Первой поцеловала меня Василика, не в губы, в щёку, но нежно, и сказала, что это, мол, за мою помощь ей и её отцу. И замерла, как я теперь понимаю, в ожидании ответного поцелуя, да только я по-мальчишески испугался её обидеть и лишь пролепетал, типа, что ты, я иначе не мог, мне самому это важно, смотри, какие штуковины мы нашли, и прочую чушь, о которой в подобные моменты нужно напрочь забывать и отдаваться естественным желаниям. Не дождавшись ничего иного, девушка хитро мне улыбнулась и сказала, что тоже пойдёт мыться с дороги, а завтра я могу спать долго и не обращать внимания на них с отцом, поскольку они привыкли вставать с рассветом. Вероятно, она продолжала держать меня за городского. Я лёг с мыслью, что проснусь раньше всех и сумею показать снисходительным северянам, как сильно они во мне ошибаются. Засыпал я под журчание воды за стеной, и мне казалось, что

я вижу Василику, стоящую ванной и медленно поливающую своё блестящее тело из душевого шланга. Полночи я не мог сомкнуть глаз, таращась в невидимый потолок и ворочаясь, зато под утро усталость взяла своё, и проснулся я только от шума посуды на кухне. Я проспал! Меня опередили! Забравшись в высохшие штаны и накинув тёплую рубашу прямо с печи, я поспешил на кухню и обнаружил там одну Василику.

– Отец ещё спит. Ты доить умеешь?

Вопрос застал меня врасплох. Оказалось, что у них тут есть соседка, у которой есть корова, у которой есть вечно раздутое вымя, а в вымени всегда есть молоко. Своего скота они с отцом не держат, но купить корову соседям помогли и теперь по утрам на правах частичных хозяев ходят на дойку. Видя мою растерянность, Василика правильно меня поняла, рассмеялась и сказала, что сходит сама. Тут я впервые не растерялся и вызвался её проводить, точнее, сам подхватил ведро с крышкой и распахнул перед ней дверь.

Утро выдалось, прямо скажем, морозным, зато солнечным и ясным. Кто бы мог подумать, что давеча мы мокли под проливным дождём! Я впервые сумел как следует рассмотреть деревню, которую в первый раз увидел в спешке, а второй – в кромешной тьме. Дома здесь стояли ближе друг к дружке, чем у нас, и многие были обнесены невысокими заборами. Я поинтересовался, как их деревня называется. Она ответила, что Варга, и утвердительно кивнула, когда я уточнил, соответствует ли это название их здешнему роду. Раньше у нас все деревни строились вокруг главенствующей семьи, и если ты знал фамилию своего собеседника, то одновременно знал и где его искать. Сегодня общая традиция осталась, но жизнь заметно усложнилась, и потому в некоторых случаях можно было даже найти людей с разными фамилиями живущими под одной крышей. На мой слух сочетание Бьярки Варга звучало лучше Василики Варги. Моей спутнице куда больше подошло бы зваться Василикой Руvido, но тогда это была лишь скромная мечта, и я промолчал. Соседский двор оказался действительно соседским: нам даже не пришлось выходить на улицу. Василика просто открыла калитку в заборе, мы протиснулись между пожелтевшими, но ещё не опавшими кустами черёмухи и вот он – сарай с заветной коровой. Вы меня спросите, как это я тогда сумел рассмотреть деревню, если никуда не выходил. Ответ прост: изба моих хозяев стояла на пригорке, и прямо с участка распахивался прекрасный вид на все окрестности. К берегу она выходила фасадом, но мы шли через зады, и я увидел долгий склон, спускающийся террасами крыш к далёкому лесу.

Ворота сарая стояли незапертыми. Корова, серая, в белых яблоках, при виде нас только повела умной мордой и даже не замычала. Пока Василика подставляла ведро и садилась на крохотную табуретку, я оседлал порожек ворот и начал развлекать её непринуждёнными рассказами о своих странствиях по Фрисландии. Я уже знал, что ей нравится слушать, как живут другие люди.

– А на континенте ты бывал? – поинтересовалась она, подхватывая табуретку и подсаживаясь к корове с противоположного бока. Я забыл упомянуть, что корова была большая, ширококостная, поэтому достать до всего вымени с одного места не представлялось возможным.

– Дед бывал, – признался я. – Я раньше, как ты, всё больше с отцом, а он у меня домосед. Ну, в том смысле, что для него дом – весь наш остров, но не дальше.

– А я бывала, – не оглядываясь, сказала Василика. – Когда маленькая была. Мы с мамой ездили.

– Здравсьте, здравсьте! – послышался за моей спиной звонкий голос, прервавший наш разговор на самом интересном месте. – Это кто это к нам в гости пришёл?

Рядом со мной стояла невысокого роста женщина с пустым бидоном в руках. Синий с белой оторочкой зипунок, из-под которого выглядывает подол простенького домашнего платья. Платок на голове. Внимательный, но добродушный взгляд под длинной чёлкой. Потрескавшиеся губы. Начинающая морщиться кожа.

– Да мы...

– Марта, это я, – крикнула Василика. – Стоило мне вчера отлучиться, смотрю, Брыкуху нашу совсем раздуло.

Я встал. Марта осмотрела меня с головы до ног, кивнула и зашла в сарай.

– Я тоже давеча прихворнула и не выходила. Как отец? Нашла?

– Нашла.

– Лодку смыло?

– Смыло.

– Значит, опять сон в руку был?

– А когда я ошибалась? – Василика выпрямилась и легко поднялась с табуретки, уступая место хозяйке коровы. – Тим, ведро.

Я понял намёк, нырнул под тёплое брюхо и подхватил приятно тяжёлую парную ношу.

– Похоже, ты там не только отца нашла, – хохотнула Марта, пропуская меня к выходу. – Надолго к нам, молодой человек? Ты ведь, кажись, с Окибара?

– Почти. Рад познакомиться. Нет, не надолго, к сожалению.

– А чего сожалеть. Оставался бы. У нас тут, сам видишь, поинтереснее, чем у вас там, на юге. – Она красноречиво перевела взгляд на Василику. – У вас там разве таких невест найдёшь?

– Марта, чем всякие глупости говорить, – вмешалась девушка, – ты бы лучше посоветовала, где нам в Рару Уитни отыскать.

– Уитни? С какого перепугу она тебе понадобилась, дорогая моя? Давно проблем не было? Ты же знаешь...

– Знаю, но не уверена. Отец считает, что всё это слухи да поклёп. Нам её понадобилось увидеть, чтобы кое о чём спросить. Ну так ты можешь сказать, как её там найти, или нет?

– Могу. Только смотри, чтобы она тебя между делом не охмурила. У неё глаз намётанный, не успеешь рыпнуться, как от своего Тима голову потеряешь. Это ещё хорошо бы, а то рассказывали, как она одну нашу дурочку заставила в дерево влюбиться. Представляешь?

– Марта, перестань! Тим – не дерево, а я – не дурочка. Где она живёт?

– Ну, где живёт не знаю, но у неё на рынке место имеется. Каждый день она там бывает или нет, не скажу, но если жизнь спокойная не дорога, сверни от главного входа направо, отсчитай третий поворот налево, дойди до мыловаров, сразу за ними направо, и увидишь её рядом с большим прилавком, где два близнеца топорами да ножами торгуют. Запомнила?

– Я запомнил, – сказал я.

– Молодец, мальчик. Заблудиться сложно. Только если зазноба твоя меня не слушает, ты хоть поверь мне и поберегись этой Уитни. Старайся не встречаться с ней взглядом, а слушай так, как будто это море шумит или птицы пересвистываются – звук слышен, а толку никакого. Она одними словами кого хочешь ухайдокает.

– А чем эта Уитни торгует? – спохватился я, не столько из интереса, сколько из желания перевести разговор на более толковую тему. – Микстурами и приворотами?

– Носки вяжет.

– Носки?

– А что тут такого? Не знаю, как у вас, а у нас тут хорошие носки в почёте. Носки и варежки. Говорит, правда, конечно, что они у неё непростые, с секретом и всякое такое, за что лишнюю денюгу и дерёт с тех, кто уши готов развешивать по поводу и без. Носки как носки. Её, кстати, моя мать в своё время этому научила. Вон, глянь. – Марта приподняла подол юбки и показала верх толстого шерстяного носка с действительно красивой радужной кромкой. – Ни одна зима не берёт!

Василика озорно продемонстрировала свой, почти такой же, только попроще, без кромки.

– Не переживай, мы носки у неё брать не будем. Исключительно у тебя. Ну, всё, ладно, мы пошли, дел ещё много. Брыкуха, не скучай, подруга! Ты чего улыбаешься? – спросила она, когда я зашел к ним во двор и подождал, пока она закроет калитку.

– Хорошо тут у вас, уютно, народ забавный.

– Кому нравится, тот остаётся, – вырвалось у неё и сразу же: – Ведро на кухню отнеси. Я ещё на огород схожу за салатом.

На кухне уже хозяйничал проснувшийся и умытый Бьярки. Про молоко вопросов задавать не стал, всё сразу смекнул, усадил за стол и поставил передо мной тарелку наваристой перловки с вареньем, стакан дымящегося травяного чая и подтолкнул блюдо с душистыми пряниками. Это сейчас я невольно делаю на всём этом акцент и перечисляю, а тогда подобные угощения казались мне вещью совершенной естественной. Я не представлял себе, как жители большой земли могут есть еду, изготовленную под копирку машинами и купленную в чужих безликих магазинах. Настоящая еда может быть только своя и уж тем более домашняя. Когда вернулась Василика, я уже передал Бьярки основные тезисы нашего разговора с Мартой, так что оставшееся время завтрака мы провели за разговором об Уитни. Как я уже догадывался, она когда-то жила здесь, в деревне, и приходилась Василике далёкой-далёкой бабушкой. При этом сама она ни разу не вышла за муж и не имела детей. Эта её странность заставляла соседей думать о ней не бог весть что. Василика сказала, что хорошо это понимает, потому что её тоже иногда посещают откровения, которым до поры никто не верит, чему я сам был недавно свидетелем. Держалась Уитни не то, чтобы особняком, но всегда предпочитала встречать гостей, нежели навещаться к соседям сама. И к ней ходили: кто за советом, кто за лекарством, кто неизвестно зачем. Ни в каком фольклоре она, разумеется, никакого участия не принимала, хотя к её мнению почти всегда прислушивались. Сколько ей было лет, никто толком не знал. Когда случилась беда с Шинейд, матерью Василики, в деревне все почему-то дружно решили, что это дело рук Уитни. Зачинщицей этих слухов была мать несчастной жертвы, бабушка Василики. Моя прекрасная собеседница помнила, как они после генусбринга (обряда сжигания трупа покойного, если вы вдруг забыли) вместе ходили по деревне, и бабушка говорила всем и каждому, что именно от Уитни её бедная дочь принесла накануне своей безвременной гибели отравленных грибов. Прямых доказательств у неё не водилось, но многие люди ей верили, и на «злую колдунью» начались гонения, сперва в мягкой форме всяческих бойкотов, а когда вскоре скоростижно умерла сама бабушка, умерла тихо, во сне, однако будучи до тех пор вполне здоровой и бойкой, все дружно решили, что без чёрного колдовства и сглаза тут не обошлось, собрался совет, и Уитни, как у нас говорится, «отрезали от рода», то есть изгнали. В отличие от бабушки, ни Бьярки, ни Василика, которая лишь накануне вспомнила о существовании Уитни, не имели веских причин верить в виновность полоумной старухи. Бьярки, правда, сомневался в том, что если та узнает его дочь, ей захочется с нами говорить и отвечать на наши вопросы, но попытка не пытка, он нас благословил на поездку и даже сунул дочери на дорогу немного денег. Тут только до меня дошло, что мы с Василикой должны до Рару на чём-то добраться. Сюда я примчал на своих на двоих, но вообще-то для прогулки путь был неблизкий, тем более что к моей поклаже добавился тяжёлый свёрток с опасным артефактом. Каково же было моё приятное изумление, когда Бьярки подтолкнул ножом ставню окна и помаhal рукой... Лукасу, который с гордым видом сидел на козлах высокой повозки, запряжённой двумя понурыми лошадьми. Оказывается, они договорились об этом заранее, причём Бьярки сразу предупредил, что я никому ничего не должен.

– Обратно ждать? – отечески спросил он меня, когда мы втроем вышли из дома.

– Боюсь, не сегодня. Домой надо.

– К туристам?

– Ну, да.

– Всё равно не прощаемся. – Он кивнул на свёрток, который Лукас взял из моих рук и осторожно переложил на дно повозки. – Будешь в наших краях – заглядывай. Ты мне чем-то приглянулся, парень.

Мы обнялись, Василика чмокнула отца в щёку, лошади зафыркали, чувствуя, что передышка кончилась и начинается путешествие. Если бы я знал, каким долгим, тяжёлым и горьким оно окажется.

Дорогу, что я прошёл пешком за час, мы преодолели, по моим ощущениям, за какие-то минут пятнадцать. Говорил главным образом Лукас, так что мы с Василикой только перелгдывались да иногда пересмеивались. Лукас был в прекрасном настроении, шутил, зачем-то подробно рассказывал, как провёл вчерашний вечер, и даже делился мыслями о том, что нам может поведать «эта чокнутая карга». У него, видать, были свои счёты с Уитни, но какие именно, он не уточнял. За ночь на него снизошло откровение, мол, найденные нами артефакты – никакие не артефакты вовсе, а специально забытое кем-то электрооборудование, причём скорее всего виноваты исландцы, которые тайком пробрались на Ибини и собирались нагородить там что-то типа электростанции или радиовышки да бросили почему-то. Он даже выразил надежду, что ими полакомились медведи. Я спорить, разумеется, не стал, но обратил его внимание на то, что всякие гальванические штуковины, способные вырабатывать электричество, находили и раньше, не то на территории бывшего Вавилона, не то в Латинской Америке. Правда, я не был уверен, работали ли они на воде, но, похоже, силу тока, до сих пор не понимая его природы, люди знали с незапамятных времён, и исландцы вряд ли при чём. Лукас принялся было спорить, но тут выяснилось, что мы приехали. Если вы бывали в Рару, то не можете не помнить навсегда врезающийся в память ломаный рельеф его крепостной стены с главной дозорной башней, словно откушенной гигантским драконом. Причина подобного урона в народе сегодня оспаривается. Некоторые считают, что это – следы спора Рару с соседним Кампа за главенство на севере. Другие – что причиной разрушений стали не то всё те же исландцы, не то англичане, приплывавшие к нам, как я уже рассказывал, насаждать свою религию. Лукас на мой вопрос выдал неожиданную третью версию:

– Строили хреново, вот и развалилась.

Договорились мы таким образом, что он с повозкой подождёт нас перед входом на рынок среди таких же извозчиков, готовых везти кого угодно и куда угодно. Заодно он обещал сговориться с кем-нибудь, чтобы подбросили меня до Кампы: отсюда вряд ли кто согласится переться на юг, а там всё-таки как-никак местный центр, движуха не чета здешней, всегда что-нибудь попутное подвернётся. Я согласился да и выбирать мне особо не приходилось. Свёрток мы решили пока оставить у него.

Рынок есть рынок, вы наверняка бывали не на одном, поэтому легко представите себе, в какую атмосферу мы с Василикой погрузились, пробираясь между тесными прилавками по маршруту, описанному Мартой. Пожалуй, единственной отличительной особенностью рынка в Рару было численное превосходство продавцов над покупателями. Возможно, мы просто застали такое время, но мне показалось, что продавцы тут торгуются преимущественно друг с другом. Самым оживлённым был угол перед мыловарами. Приглядевшись, я понял, почему. На прилавке лежали не просто куски мыла, не просто пахучие куски мыла, не просто ароматно пахучие куски мыла, а куски мыла, которые не хотелось называть ни «кусками», ни даже «мылом» – настоящие произведения художественного искусства: лошадки, домики, рыбки, человечки, цветы, фрукты, сказочные персонажи. Продавала всё это одна-единственная девушка, пышная и румяная, которая всем улыбалась и на которую без ответной улыбки тоже смотреть было невозможно. Определённо люди приходили сюда не только за средством для душа и ванны, но и за настроением. Заметив мой восторг, Василика подсказала сделать необычный подарок домашним. Я с радостью её послушался и накупил мыла всем нашим.

– У тебя столько подружек? – невинно поинтересовалась девушка.

– О, не то слово! Вот этого рыбака в лодке я подарю отцу. А эту клубничину с фруктовым запахом – моей главной подружке, маме. А вот этот теремок – тебе.

Непривычно было видеть, как Василика зарделась и в первый момент будто даже не знала, что сказать. Потом спохватилась и отблагодарила поцелуем, как и раньше, в щеку. Мы пошли дальше, и я всё думал, каким образом мне следует поступить. Я слишком хорошо сознавал, что провожу рядом с ней, возможно, последние минуты своей жизни. Она мне нравилась. Не то слово – я был влюблён. Настолько, что боялся в этом себе признаться, чтобы не спугнуть очарование. Это было совсем не то чувство, которое я питал к Ингрид. Где-то мне попало определение любви у древних эпикурейцев, которые называли её «дружбой, вдохновляемой красотой». Лучше не скажешь. Только беда в том, что красота Василики настолько бросалась мне в глаза, что я считал совершенно невозможной нашу с ней дружбу. Находясь рядом, я откровенно терялся, и вы даже не представляете, каких трудов мне стоило сохранять внешнее спокойствие, граничащее с наигранным равнодушием. Это вовсе не означало, что я себя недооценивал и стеснялся своей неказистой внешности. Я уже знал, что настоящим девушкам она почти не важна, что им престало видеть в спутнике жизни его суть, его стержень, его душу, в конце концов. За это я как раз был спокоен. Стержня и души во мне хоть отбавляй. Как и скромности, разумеется. А если серьёзно, то я сейчас впервые подумал о том, что от того, как я себя поведу, какое решение приму, зависит, да, зависит всё моё будущее существование. И это не игра, если только игрой не является вся наша жизнь. Я должен был на что-то решаться. Смолчу – и такая возможность не представится мне уже никогда. Никогда? Слово-то какое безнадёжное, непонятное юности, знающей только устремления и чаяния.

– Василика...

– Смотри! Вон она!

Сначала я увидел двух однолицых продавцов в одинаковых меховых шапках и схожего покроя кафтанах, помахивавших в ожидании покупателей: один – топориком на длинной рукоятке, другой – ножиком, похожим скорее на короткую пилу. Близнецы переглядывались и переговаривались, отчего со стороны казалось, что один продавец смотрится в зеркало, вот только непонятно, левый или правый. Уитни я увидел уже после. Я себе такой её и представлял: сторбленная, с большим птичьим носом, одета во всё чёрное, она не то сидела, не то стояла за прилавком, на котором сиротливо лежало несколько плетёных амулетов и ещё каких-то украшений. Когда мы приблизились, она на нас даже не взглянула, продолжая разминать в скрюченных пальцах какую-то тесёмку. Не зная, хорошо она слышит или плохо, я начал с того, что просто поздоровался. Уитни в ответ только кивнула. Тогда я назвал её по имени. Тот же равнодушный кивок, никакого удивления или интереса. Да, с таким отношением покупателей не заманишь.

– Мне посоветовали к вам обратиться как к знатоку местных сказов, – без обиняков выпалил я.

Старуха только сейчас подняла глаза, и мне показалась, что она смеётся.

– Меня зовут Тимом, и я приехал из Окибара. Собираю легенды и поверья. Вожу туристов.

– Гид что ли?

– Гид. – Откуда только ей было знать подобные слова?

– А ты, Василика, чего тут забыла?

– Я...

– Думаешь, я совсем ослепла и никого не вижу, а кого вижу, того не узнаю? Я вас всех вижу и помню. – Она отложила тесёмку на прилавок и соединила пальцы в морщинистый ком. – Ладно, детишки, не пугайтесь. Рассказывайте, что затеяли. Если бы не затеяли, я бы вам не понадобилась. Путешествовать решили? Да, знаю, знаю, – остановила она по полуслову мою спутницу, – раз твой отец со мной тогда счёты не свёл, ты его теперь вряд ли ослушаешься. Можешь говорить прямо. Я своё отбоялась.

– Тим интересуется захоронением на Ибини. Мы оттуда вчера приплыли. Видели пещеру и странные знаки.

– Понятно, понятно. – Старуха снова посмотрела на меня. – А пруд видели?

Я удивился, почему она спросила про пруд, а не про саркофаг, и утвердительно кивнул.

– Ну, вот в нём-то всё и дело.

– Вы там тоже бывали?! – Я был готов не поверить своим ушам.

– Бывала. Однажды. Давно, правда. Твой дед меня, кстати, туда и возил, красавица. Бабка твоя тогда ещё между нами не встряла.

Последняя фраза прозвучала излишне грубо и родила в моём воображении целую законченную картину произошедшего много лет назад и продолжавшего тяготеть над Варга и поныне. Обвинение Уитни в колдовстве и сглазе предъявляла женщина, с которой та когда-то не поделила мужчину. Снова ревность. Лишнее доказательство того, что к добру это чувство не приводит. Василика, думаю, тоже всё разом осознала, однако быстро совладала с эмоциями. Она изначально старалась убедить себя в том, что не держит на старуху зла, а в ранней кончине матери виноваты ядовитые грибы и трагическая ошибка. Чтобы дать это понять и собеседнице, она снова взяла на себя инициативу в разговоре:

– Что вы знаете о том месте? Расскажите, пожалуйста.

Уитни снова подобрала тесёмку с прилавка и стала её задумчиво перебирать.

– А тебе зачем, дочка?

– Мне интересно, а ему нужно. – Василика кивнула на меня и сделала большие глаза, призывая мою поддержку.

– Как я уже сказал... точнее, как вы уже сами догадались, я занимаюсь тем, что нахожу на нашем острове самые необычные места и показываю их людям. Часто бываю с группами во всех крепостях, рассказываю о достопримечательностях. В Рару, к сожалению, пока не заезжали, но теперь есть повод. Среди моих туристов как наши местные, так и приезжие, с большой земли, с континента. Кстати, мы обычно останавливаемся во всех наших больших городах, и часто ходим по рынкам, покупаем сувениры. Всем выгодно. Вот вы чем торгуете?

– А не видно?

– Амулетами, украшениями. Всё это очень красиво и людям должно нравиться...

– А тебе нравится?

– Конечно.

– Чего ж не покупаешь? Разве некому дома подарить? Или ей вот.

Понятно. Старуха готова была заговорить, но требовала скрытую взятку. Я выложил на прилавок несколько монет. Она не притронулась к ним, но провела над поделками костлявой рукой в широком жесте:

– Выбирай.

– Сколько?

– Две. Ей, – кивнула она на мою спутницу, – и Ингрид. Матери твоей уже не надо.

Меня аж в холодный пот бросило. Откуда она узнала про Ингрид? Что значит «матери уже не надо»? Василика стояла рядом, и я не мог спросить прямо. Вспомнил наставления Марты. Но можно ли верить Марте, если она ошиблась в главном: никаких носков на прилавке не было. Путаница, полнейшая путаница...

– А от чего этот вот? – Я ткнул пальцем в амулет, наиболее похожий на тот, который лежал сейчас в повозке Лукаса. Мне захотелось спровоцировать Уитни.

– Этот не от чего, а для чего. Не оберег, а талисман. – Она подняла вышивку за длинные концы точно так же, как мы намеренно тащили наше «ожерелье» через лесную чащу. – Называется «Пламя Тора». Придаёт энергию тому, кто его носит. У меня есть и женский вариант, и мужской.

– А разве у Тора было пламя, а не молот? – задумалась вслух Василика.

– А пламя было у Прометея. Или у Люцифера, – показал и я свою просвещенность.

– Послушайте, дети мои, зачем вы припёрлись в такую даль меня беспокоить, если сами всё прекрасно знаете? Не хотите ничего покупать, скатертью дорога. – Она демонстративно отвернулась и стала смотреть на близнецов, которые до сих пор прислушивались к нашей беседе и по очереди улыбались соседке.

– Расскажите про «Пламя Тора», – спохватился я. – Беру для себя и для неё. Вот. – Я поспешно положил на прилавок ещё монету.

Старуха небрежно сгребла все деньги, глянула на меня, на Василику, порылась в сумке на поясе и вынула два одинаковых талисмана, отличных друг от друга только цветом: синий и красный.

– Кому какой? – поинтересовалась девушка.

– А это уж от вас самих зависит.

Монеты переключались к ней в кошель, и больше ни мы, ни проданные поделки её как будто не интересовали. Со стороны это, должно быть, напоминало детскую игру, когда процесс увлекает больше, чем результат. К моему удивлению Василика выбрала талисман синего цвета. Я забрал оставшийся и, понятия не имея, что с ним делать, стал нарочито разглядывать. Старуха, как прирождённая актриса, долго держала паузу, наконец, первой не выдержав воцарившегося молчания, бросила:

– Так что вы хотели знать?

– Откуда на острове та пещера? И что могут означать знаки на стенах?

– Есть одно старое-престарое предание, – начала Уитни неожиданно напевно, в самом деле, как актриса, выступающая на концерте перед внимательной публикой с хорошо отрепетированным монологом. – Когда Фрисландия ещё была пустыня и безжизненна, Создатели Миров решили, что она лучше остального земного пространства приспособлена для возведения Переходных Врат. Они взяли земляного червя по имени Ибини, и тот занялся тем, что только и умел – вгрызаться в землю, проделывая круглый проход. Сначала он зарывался отвесно вниз, пока ни достиг Великой Пучины. Испугавшись воды, он пополз вбок, пока ни достиг одного из земных столпов, с которым не смог справиться и был вынужден ползти вверх. Так он полз и полз, пока ни добрался до соседнего с нашим миром, где уже жили люди. Один из них, самый храбрый и отважный, завидев червя, схватился за меч и хотел зарубить гада, но Создатели Миров успели шепнуть его жене, чтобы он этого не делал. Не то он их разозлит. Муж послушался жену и позволил червю выползти из земли, развернуться и залезть обратно в ту же нору. Когда остался только кончик, муж решил испытать судьбу и ухватился за него. Жена, видя, что муж её покидает, ухватила за мужа, и они оба оказались в Переходных Вратах. Червь увлёк их сперва в пропасть, потом свернул по своему же следу перед Великой Пучиной и добрался до коридора, который поднимался сюда, во Фрисландию, откуда он начал. Муж с женой держались за него из последних сил, но страх остаться одним в крошечной темноте подземелья был сильнее. Наконец Ибини выбрался на поверхность в той самой пещере, прогрыз дыру в скалах и уполз в море. А люди остались жить на острове, названном в его честь, и скоро их уже стала целая семья.

– Это были гномы или великаны? – уточнила Василика.

– Я же сказала – люди. Как ты да он. Мужчину звали Свартом, потому что вылез он из под земли весь чёрный, а жену его – Локой, потому что натура у неё была закрытой и неподатливой. Родились у них сперва два сына – Первун и Кум, а позже природилась дочь – Хель. Хель была очень любопытной и однажды ослушалась запрета отца, привязала себя длинной верёвкой к камню и спустилась в Переходные Врата. Когда Сварт узнал об этом, он закричал от отчаяния и послал сыновей вернуть её оттуда. Но испугались сыновья, ослушались его и вместо того, чтобы спасти сестру, разъехались, кто куда: Первун сел в лодку и отправился на восток, в Скандию, а Кум погрузил свои пожитки в ступу и полетел на юг, в Этрурию. Между тем Хель

продолжала спускаться в пропасть. Камень же, к которому она себя привязала, оказался ничем иным как большой черепахой, заснувшей в пещере ещё до появления там Сварта с женой. Верёвка стала натирать черепахе шею, и она перекусила её. Хель полетела вниз с такой огромной высоты, что когда достигла дна, пробила его своим телом и тем самым впустила в проделанный червём проход воды Великой Пучины. Когда увидел Сварт, как ударил в самое небо фонтан над тем местом, где была пещера, понял он, что его дочь погибла, и нарёк подземный мир её именем – Хель.

Уитни замолчала.

– А дальше? – не столько спросила, сколько попросила Василика.

– А дальше Сварт с Локой родили ещё детей, и они населили всю нашу Фрисландию.

– А как же Первун и Кум? Они так и исчезли?

– Отчего же? Только эту историю вы уже и сами знаете. Потомки Первуна через много лет вернулись викингами и застали на своей прародине потомков Кума, римских завоевателей. Твой Тим тебе многое об этом сам рассказать может, раз по крепостям народ водит. Ну, ладно, хватит болтать, детишки, ступайте своей дорогой, не распугивайте моих покупателей!

– Погодите, погодите! – спохватился я. – А знаки на стенах?

– Их оставил нож Сварта как предупреждение для тех, кто захочет повторить путь его дочери.

Я вспомнил рисунок, похожий на толстый нос с двумя глазами, и подумал, что он может примитивно изображать тоннель, проеденный червём между мирами. Тогда надломленные линии справа и слева от него – просто стрелки, указывающие спуск и подъём. Всё как будто сходилось.

– А саркофаг чей тогда? Вы ничего не сказали про саркофаг.

Уитни подняла на нас взгляд своих глубоко сидящих недобрых глаз, и мне показалось, что я впервые вижу в них нечто вроде растерянности.

– Какой саркофаг?

– Большой каменный гроб, – пустилась в объяснения Василика, не осознав, что происходит. – Нам удалось поднять на нём крышку. Мы там нашли свёрток, в котором...

– Вы не знали про саркофаг? – прервал я её. – Когда вы там были последний раз?

– Я была там всего однажды, – призналась старуха, собираясь с мыслями. – Пожалуй... пожалуй что никак не меньше лет пятидесяти назад. Давненько, да, страшно вспомнить.

– И вы видели пруд в центре, видели знаки на стенах, но саркофага не помните?

– Не помню.

– Он там в нише стоит. Большой, не заметить трудно.

– Нет, ничего не могу сказать, – вздохнула Уитни, и на лице её промелькнула виноватая улыбка. – А что вы в нём нашли?

– Старую шкуру какого-то животного, – опередил я мою спутницу. – С вышивкой. Больше ничего. Всё это довольно странно.

– Причём саркофаг был больше по размеру, чем все отверстия, которые вели в ту пещеру, – не сдержалась Василика. – Его либо прямо там выточили из камня, либо... – Она посмотрела на меня. – Либо подняли из пруда.

Тут мы увидели, как старуха смеётся. Она откинулась назад, задрала нос, судорожно схватилась за живот и начала беззвучно вздрагивать, надувая худые щёки. Мы терпеливо ждали. Я, признаться, чувствовал себя полнейшим идиотом, не знающим, как выпутаться из глупой ситуации, в которую по собственному почину угодил, а тем более как выпутаться из неё вместе с разделившей мою кампанию девушкой. Закончив смеяться, Уитни вытерла кулаками глаза, выпрямилась, насколько могла, и спросила:

– Неужели вы поверили моим сказкам?

– Сказка ложь, во лжи – намёк, – нашлась Василика.

– Это уж точно. Сплошные намёки. Ладно, будет. Я вам рассказала, что знала, а что я не знаю, то ко мне не относится. Надеюсь, теперь от твоих туристов на рынке отбоя не будет, да, Тим?

– Постараюсь.

– Уж постарайся! Приводи их ко мне, и я, глядишь, с тобой ещё чем поделюсь.

– Что она имела в виду под «поделюсь»? – обратился я за возможным разъяснением к Василике, когда мы шли обратно, разыскивая Лукаса с его повозкой. – Выручкой или сказками?

– Наверное, и тем, и другим. – Василика улыбнулась, и мне снова стало по себе. – Странная бабка. И разговор получился странным. Ты заметил, что никаких носков она не продавала?

– Сразу же. Но сейчас, когда я анализирую то, что мы услышали, по горячим следам, слушай... мне показалось или она, действительно, поначалу не обратила внимания на то, как ты её спросила?

– А как я её спросила?

– Ты сказала «Тим интересуется захоронением на Ибини». Захоронением! Она тогда даже бровью не повела и сразу смекнула, о чём речь. А потом взяла и зачем-то сделала вид, будто ничего про саркофаг не знает. Это как понимать?

– Она тебе понравилась?

– Издеваешься?

– Вот и я думаю, что Марта вообще-то была права, и ни на что путное мы и не должны были рассчитывать.

– Кое-что мы всё-таки раздобыли. – Я показал свой талисман, которым обвязал правое запястье. – «Пламя Тора», вот оно что, оказывается. Замечаешь подвох?

– В чём?

– Она говорит, будто понятия не имеет о саркофаге и о том, что в нём находилось, но при этом преспокойно изготавливает штукорины, в точности повторяющие то, что там лежало. Не кажется ли это тебе довольно странным совпадением?

– А ты прав! То-то я подумала, почему ты перестал её про эту штукорины расспрашивать. – Василика разжала кулачок. Сейчас сомканная синяя полоска материи не производила впечатления чего-то стоящего. – Выбросим?

Мне внезапно стало так жаль ни в чём не повинную ленточку, что я машинально остановил её руку. От неожиданности Василика замерла. Я осёкся. Она посмотрела на меня. Наши глаза были сейчас близко-близко. Мне показалось, я чувствую её лёгкое дыхание. Взгляд девушки стал внимательным. Я не видел губ, но знал, что они рядом. Достаточно лишь...

– Боишься? – достиг моих ушей едва слышимый вопрос.

Вместо ответа я, не закрывая глаз, нежно-нежно поцеловал её. Тёплые губы чуть отпрянули, но тут же вернулись, и мы замерли, не знаю, на секунду, на минуту или на час, упиваясь мгновением вечности и друг другом, забыв обо всём на свете и даже не пытаясь понять, что происходит. Наверное, так бывает перед смертью: предыдущая жизнь разом пролетает вереницей образов, и ты успеваешь осознать всё, что было в ней важного и осмысленного. Я увидел бабушку, увидел, как Кроули ведёт меня за руку к матери, увидел смеющегося отца, заплаканную сестру, Ингрид, лихо орудующую веслом в стремнине потока, увидел залитую таинственным светом пещеру с прудом посередине и очнулся.

– Боюсь, но не очень.

Василика тихо рассмеялась. Заглянула мне в глаза. Не знаю, что ей там удалось обнаружить, но теперь она сама нашла мои губы, и мгновение продолжилось, сменяясь ощутимым головокружением. Откуда-то пришло понимание того, что так теперь может быть всегда, если я того пожелаю. И что это вовсе никакая не игра, всё это серьёзно, очень, серьёзнее и быть не может.

– Хочу тебя спросить, – сказал я.

– Спроси.

– Ты согласна?

– Согласна. – Она прищурилась. – А на что?

– Ты поедешь со мной?

– Если пригласишь.

– Приглашаю.

– Поеду.

– Правда?

– Правда.

– А отец?

– Он уже всё понял.

– Что?..

– Что поеду. Что согласна.

– Но...

– Говорю же, не бойся. Уитни с её талисманами и амулетами тут не при чём. Я же тоже кое-что умею и кое-что вижу.

– Так ты меня околдовала? А я-то думал... – Я поцеловал её улыбающийся рот и рассмеялся. – Это нечестно!

– Надо ещё будет разобраться, кто кого околдовал. – Василика взяла меня за руку, и мы пошли дальше. – Одно могу сказать наверняка: старуха не виновата. Я чувствовала всё время, как она нас изучает, но пробиться ей так и не удалось.

– Куда пробиться?

– Неважно. Думаю, у нас ещё будет повод ей заняться. Она явно непростая и что-то знает, о чём не стала говорить. Но она не опасна. Во всяком случае, мне так кажется.

Пробежавшая мимо ватага ребятни подняла нас на смех. Прохожие понимающе улыбались, кто-то даже кивал. Вероятно, мы сейчас лучились всякими заразными флюидами вроде радости и счастья. За Василику говорить не буду, но сам не помню, чтобы когда-нибудь чувствовал себя настолько легко и приподнято. Как будто камень с плеч свалился. Только что был преодолён невидимый рубеж, за которым ни я, ни мир вокруг уже не будем прежними. Да здравствует Рару, Ибини и Кроули! Дожидавшийся нас перед повозкой Лукас и тот всё сразу сообразил без слов и неопределённо почесал затылок:

– Домой или как?

Девушка посмотрела на меня, словно хотела лишний раз убедиться в том, что произошедшее между нами – реальность, не сон. Вот бы мне кто объяснил! Я ответил ей, как мог, подбадривающей – её или себя? – улыбкой. Она повернулась к Лукасу:

– Или как.

Лукас шутливо выругался.

– Что я теперь Бьярки скажу? Он меня на порог не пустит. Придётся мне ему с лодкой новой помогать, чтобы не навредить окончательно. Да, кстати, – спохватился он. – Я тут вам попутчиков присмотрел. Едут в Окибар напрямик. Завтра к вечеру, глядишь, будете на месте. Отправляются через полчаса от Большой башни. Садитесь, подвезу. Глядишь, может, по дороге кого уговорю остаться.

И действительно, отныне он молот языком без умолку, но в итоге явно перестарался, так что даже если у Василики на тот момент и были хоть какие-то сомнения в правильности своего решения, когда впереди вырос покосившийся каменный столб Большой башни, последние из них рассеялись. Что касается меня, то болтовня нашего извозчика помешала мне сосредоточиться, а потому всю тяжесть взваленных на себя обязательств я ощутил лишь много позже...

Я уже знал, что Большая башня называется так не в силу своей высоты, которая у неё, надо сказать, вполне средняя. Просто раньше поблизости от неё стояла вторая башня, возможно, недостроенная и отличавшаяся совершенно несерьёзными размерами. Малую башню пришлось снести, так как она загромождала проезд, а Большую оставили вместе с потерявшим смысл названием. Теперь в первом её этаже располагался уютный трактир, а перед окнами – площадка, отведённая специально для стоянки повозок и подвод. Пользуясь случаем, хочу пояснить, что да, действительно, у нас на острове до сих пор в почёте гужевой транспорт. Про автомобили мы, разумеется, знаем, однако в силу неудобства и по причине причиняемого ими вреда не пользуемся. Кстати, это одна из чуть ли не самых важных наших достопримечательностей для людей с континента. Когда мы следуем по обычному маршруту, я всегда предлагаю им сделать небольшой крюк между Доффайсом и Годмером с тем, чтобы посетить ферму семейства Хакола, как видно по их фамилии, выходцев из Финляндии, на поле которых вот уж который год стоит единственная во всей Фрисландии машина – двухдверный Проше 914, купленный импульсивным старшим сыном на исторической родине и доставленный по морю ради того, чтобы проехать несколько миль по нашим дорогам и безславно заглохнуть в ожидании ремонта и бензина. Став посмешищем всей округи, горе-автомобилист навсегда дезертировал в Финляндию, а бедная железяка осталась гнить под открытым небом и напоминать своим ветшающим с каждой весной видом о недолговечности даров искусственной цивилизации.

Дилижанс до Окибара стоял уже, как говорится, под парами, запряжённый двумя парами могучих лошадей, по боевому виду которых можно было предположить, что частых остановок в пути для отдыха или перезапряжки не понадобится. Вообще-то про «дилижанс» я упомянул лишь для того, чтобы читатель сразу представил себе, о чём я говорю, поскольку мы подобного типа повозки называем по-своему – зилотами. Ничего общего с религиозными фанатиками они не имеют, разве что намекают на сопряжённый с поездками в них определённый аскетизм. Образовано это название от известного в европейских языках корня «зил», который передаёт значение «усердный, ревностный». Что напрямую связано с исходным французским «дилижанс». В отличие от старинных дилижансов наши зилоты сделаны не для того, чтобы их терпели, а для того, чтобы пассажиры добирались до пункта назначения с наименьшим уроном: хорошие рессоры, удобные сидения, лёгкая, но плотная обшивка, возможность быстро переоснастить колёса на санные полозья, обогрев кабины при морозах через торфяную печку, которая подаёт приятное тепло под всю поверхность пола. Вместимость у зилотов, как и у континентальных дилижансов, разная и во многом зависит от расстояний. Мы с Кроули пока обходились одним, причём до сих пор не собственным, а нанимаемым, вмещавшим до десяти человек со скромной поклажей. Зилот под Большой башней мог бы, наверное, принять и дюжину, но, судя по пустым окошкам, большого количества желающих отправиться в это время года через весь остров на юг не наблюдалось.

На облучке уже сидел неказистый дядька, привлекавший к себе внимание разве что распахнутой на голой груди шубой, которую мы, а тем более северяне, обычно не вынимаем из сундуков до первого не стаявшего за день снега. Я перевёл с него взгляд на мою новую спутницу и только сейчас обратил внимание на то, что оделась она тоже «с запасом», то есть, заранее рассчитывая явно не на одну лишь поездку от дома до рынка. Едва ли её отец был таким же глупым и невнимательным, как я, а потому они наверняка имели утреннюю беседу, и Василика поделилась с ним своими планами, а он, даже если и был против, вынужденно их принял. Интересно, что она ему такого сказала и как вообще объяснила свои планы? Мол, посмотрим, что получится, а если Тим меня поцелует, то и я в долгу не останусь? Или что-нибудь типа: я устала жить в деревне, хочу мир посмотреть, а у него там целая для этого контора имеется?... Откуда мне было знать? Я крайне слаб в женской философии, и никогда не умею взять в толк источник того или иного их желания. А ещё, как вы поняли, склонен к дурацкому самокопанию и часто умудряюсь найти в безобидном действии кучу подвохов, портя жизнь не столько

окружающим, сколько себе. Не знаю, до чего бы я в тот момент додумался, если бы ни увидел в одном из окошек зилота – кого бы вы думали! – свою родную сестрёнку, Тандри. Она заметила меня и радостно распахнула глазищи. Я махнул ей рукой. Она отвернулась от окна, вероятно, для того, чтобы поделиться с кем-то своим открытием. В следующее мгновение в окошке появилась знакомая рыжая борода, и Гордиан удостоверился в том, что жена говорит ему правду. Путешествие домой обещало быть интересным.

Я спрыгнул с повозки, Лукас передал мне мой загадочный свёрток, который я всё никак не мог однозначно отнести то ли к разряду драгоценных, то ли к разряду опасных, я пожал его честную руку, пожелал счастливого обратного пути, выразив надежду на не последнюю встречу, и вразвалочку направился к зилоту, делая вид, будто ничего необычного не происходит. Не знаю, заметила ли Василика резкую перемену в моём настроении, однако она не могла не заметить, как симпатичная взрослая женщина – а я признаюсь, что с некоторых пор Тандри даже мной перестала восприниматься как молоденькая девушка – откровенно смотрит на меня с отеческой улыбкой и одновременно старается взять в толк, кто это со мной.

– Это я вас жду? – вместо приветствия поинтересовался кучер, кивая над нашими головами кому-то, очевидно Лукасу. – Говорили, вроде, про одного.

– А разве все места заняты? – ответил я его же тоном.

– Покамест нет. Забирайтесь, мальчишки-девочки.

– Куда мне вот это определить? – показал я свёрток, который, признаться, держал обеими руками уже из последних сил.

– Да куда хочешь, туда и определи. Если он у тебя погоды не боится, лучше сунь в багажное отделение сзади.

Похоже, он успел пригреться на своём облучке, чтобы вставать и оказывать пассажирам посильную помощь. Наши кучера всегда сами помогают с поклажей туристам, для многих из которых поездка на зилоте – отдельное приключение. Они привыкли к автомобилям да автобусами, а тут такая экзотика! Совершенно нас не обижая, они признаются, что для них это всё равно что путешествие в прошлое. Кучера, разумеется, не делают разницы между приезжими и местными, так что равнодушие теперешнего нашего возницы я целиком и полностью оставил на его совести, а сам направился в обход тарантаса. Навстречу мне с подножки уже спрыгивал Гордиан. Он подхватил одной рукой конец свёртка, а другой открыл створку здорового сундука, который и служил багажным отделением и который на счастье оказался почти пустым.

– Какими судьбами, братец? – поинтересовался он, заталкивая свёрток поглубже и ожидая, что я буду делать со своей заплечной сумкой. – Похоже, ты неплохо прибархлился. Её туда же? Давай, место есть.

При этом он подмигнул мне, и я осознал, что Гордиан по обыкновению беззлобно издевается надо мной, имея в виду не то сумку, не то мою попутчицу. Я машинально оглянулся. Василика как ни в чём не бывало уже юркнула внутрь зилота и оттуда до нашего слуха почти сразу же донёсся женский смех.

– Не, у меня тут фотоаппарат, я уж лучше с собой, если не возражаешь.

– Что снимал? Красивых селянок?

Ох уж эти благородные римские крови! Все у него «селяне», кто не в городе. Можно подумать, что моя Тандри из городских.

– Кое-что поинтереснее. – Я не люблю просто так из ничего делать тайны. – Про захоронение на Ибини слышал?

– Краем уха. – Он закрыл сундук и жестом предложил мне идти первым. – Что-то ценное?

– Пока не понял, если честно. Но выглядит впечатляюще. По дороге времени будет много, расскажем.

– А кто с тобой, если не секрет?

– Познакомились. Василикой зовут.

– Главная находка?

Я распахнул дверцу и галантно пропустил посмеивающегося Гордиана вперёд. «Главная находка» сидела рядом с Тандри, и обе встретили наше появление дружными аплодисментами.

– Мы уж решили, что поедем без вас, мальчики, – сказала моя сестра, подбирая ноги и заставляя Василику сделать то же. – Вы не возражаете, если мы вас подвинем и посадим вместе, а сами останемся тут? Так будет всем удобнее. Правда ведь, Горди?

Гордиан промолчал, но послушно сел на свободное место лицом к Василике. Я примостился напротив Тандри. Кроме нас, в зилоте сидела пожилая дама, не обращавшая на нашу кампанию ни малейшего внимания и занятая рассматриванием через маленькое окошко спины кучера. Ещё четыре сидения по-прежнему пустовали. Едва ли надолго, поскольку редкий зилот отправится в такую даль полупорожняком.

– Какими судьбами, сестрёнка? – начал я, озвучив фразу моего рыжего зятя. – Вот уж кого не чаял увидеть в этих краях!

– У Горди тут была работа, – охотно отозвалась Тандри и посмотрела на свою новую соседку. – Ты тоже из Рару?

– Почти, – уклончиво согласилась Василика. Она переводила смеющийся взгляд с меня на Гордиана и в конце концов пришла к выводу: – А вы тоже чем-то похожи.

– Почему «тоже»? – подыграл он с делано равнодушным видом. – Разве Тим похож на Тандри?

Таковыми или примерно таковыми ни к чему не обязывающими подколками мы обменивались первые несколько коротких минут нашего ожидания, которое закончилось, когда дама у меня за спиной заверещала: «Вот они! Вот они!», и в следующее мгновение к нам в тепло зилота пожаловали двое одинаково хмурых мужчин, судя по всему, её муж и взрослый сын. Буркнув невнятные извинения, они протиснулись вперёд и затихли там, слушая выразительную отповедь о том, почему в самый неподходящий момент они должны теряться, а она – ждать их, как последняя селянка. Слово «селянка», прозвучавшее на моей памяти уже дважды за последнее время, навело меня на мысль о том, что в крайнем случае всегда можно будет натравить на эту даму Горди – дети города, они наверняка найдут общий язык. Пообвыкнув и поняв, что наши вынужденные попутчики в достаточной степени заняты собой, мы возобновили разговор, на сей раз более предметный.

– Тим успел мне сказать, что вы плавали на Ибини и что-то там интересное исследовали, – начал Гордиан, обращаясь к Василике. – Ты уже слышала, Тан? Твой брат скоро ни одного белого пятна на карте Фрисландии не оставит.

– С каких это пор ты стал любителем белых пятен? – поддержала меня сестра и всем телом развернулась к новой соседке. – И ты тоже там была?

– Мой отец... он охотник и недавно нашёл это место. Нашим с Тимом делом было только уговорить его нас туда сводить.

– Вы так и познакомились?

– Ну, да. В лодке, под дождём.

– А теперь?

– Что теперь?

Возникла пауза, снять которую по всем правилам приличия мог только я. Что я и сделал, сказав поелику возможно спокойным и уверенным тоном:

– ...а теперь я пригласил Василику познакомиться с родителями.

Этим ответом я снимал разом всякие двусмысленности и недопонимания. Поскольку по тем же правилам приличия, негласным, но строгим, первым избраннику должен привести в свой дом мужчина (слово «жених» не люблю, тем более, применительно к себе не воспринимаю). Если родители выбор сына одобряют, тогда он отправляется к родителям своей будущей

невесты и просит её руки. Надо сказать, что после первого этапа далеко не всегда наступает второй, однако обратного порядка не бывает вовсе. И уж если переходить на личности, то хотя с той же Ингрид мы дружили у всех на виду, и она не раз бывала у меня дома, где мои мать с отцом вполне тепло её встречали, что-то удерживало меня от серьёзного разговора с её родителями. Так что если не морально, то формально, переключаясь с неё на Василику, я никого не обманывал и никому не изменял. Признаться, это единственное, что меня во всей нынешней запутанной истории радовало. Наши собеседники понимающе кивнули, а Тандри даже наклонилась к Василике, чтобы что-то ей по-женски шепнуть, но вовремя спохватилась, что в тесной кампании это неприлично и заменила шепот дружеским шлепком по плечу соседки.

– Не волнуйся, дорогая, ты не можешь не понравиться!

Что-то я раньше не замечал за сестрой склонности говорить людям правду в лицо, а тем более льстить. Судя по внимательному взгляду Гордиана, он тоже не ожидал от неё подобной прыти в расширении общепринятых границ. Одна Василика оставалась самой собой, принимая всё за чистую монету.

– Я волнуюсь, только когда накануне выпила слишком много воды, а вокруг слишком много людей и ни одного кустика.

Тандри прыснула. Гордиан мгновение размышлял над услышанным и в итоге последовал примеру жены. Я же подумал, что подобное откровение из уст кого угодно, кроме Василики, могло бы меня смутить настолько, что я расхотел бы продолжать общение с этим человеком. Девушка же осталась довольна реакцией и в свою очередь встретила со мной глазами. Она каким-то образом знала, что её слова могут меня покорибить, и хотела удостовериться, правильно ли я понял этот ответный выпад. Я понял.

– А я волнуюсь, когда мне предстоит почти два дня путешествовать в обществе таких красивых и острых на язык попутчиц.

– Согласен, – поддержал меня Гордиан. – До нашей встречи я считал, что моя жена в этом смысле вообще не имеет во всей Фрисландии себе равных. Но Тим, прав: вы приятное исключение, Василика.

– Вы тоже очень приятный молодой человек, – без раздумий, ответила она, одаривая собеседника обворожительной улыбкой. – Со мной редко кто бывает на «вы». Кстати, вам тоже пора завязывать это дело. Предлагаю впредь друг друга «тыкать».

– А у тебя есть какое-нибудь домашнее имя? – поинтересовалась через некоторое время Тандри. – Меня, как видишь, этот приятный молодой человек зовёт Тан, я его – Горди, а Тимоти для всех нас всегда Тим. А ты?

– Зависит от обстоятельств... Послушайте, давайте всё-таки пересядем. – Василика встала, Тандри сдвинулась к мужу, и я оказался напротив моей ненаглядной во всех отношениях избранницы. Она села, вытянула длинные ноги и я оказался сжимающим её икры своими. Окружающие сделали вид, будто не заметили. – Когда отцу чего-нибудь от меня надо по хозяйству, я делаюсь для него Силикой. Когда мы с ним вместе рыбачим, то я обычно слышу либо Дурьнда, либо Маладца. Когда была маленькая, он звал меня Василь. Сына хотел.

Тандри стала искренне умиляться услышанному, а я заметил, что мы наконец тронулись и сразу довольно прытко покатали по улицам, выложенным брусчаткой, мимо остатков крепостной стены, мимо лавок безпризорных ремесленников, которым было накладно становиться в рыночные ряды, мимо острокрыших домов и низеньких палисадов. В детстве я мог ездить только лицом к движению, потому что иначе меня начинало сильно укачивать на мягких рессорах, однако опыт, полученный благодаря частым путешествиям с туристами, научил меня забывать о прежнем недуге, так что теперь я мог спокойно позволить себе ехать спиной вперёд. Разговор сам собой затих, и мы некоторое время молча смотрели по сторонам, поскольку вид за окнами для всех нас был, можно сказать, в диковинку. Бурчала о чём-то только соседка сзади.

– Вон, гляди! – Василика тронула меня за руку. – Это они?

Я попытался понять, на что она указывает, и мне показалось, будто я и вправду вижу сгорбленную фигурку чёрной старухи, скрывающуюся в высокой арке внутренних городских ворот. Следом за ней шли двое похожих друг на друга крепышей в меховых шапках и одинаковых кафтанах. Торговый день ещё не кончился, шли они налегке, из чего я сделал вывод о том, что кто-то остался охранять их прилавки. При всей своей строгости фолькерул отнюдь не гарантировал защиты от воришек.

– Да, точно Уитни, – согласился я. – И близнецы при ней.

– О ком это вы? – живо заинтересовалась Тандри. С возрастом она разучилась подавлять своё любопытство, от которого, как мне казалось, я успел её отучить. – Как вы сказали? Уитни? Уж не та ли Уитни...

– Вы её тоже знаете? – удивилась Василика.

– Смотря какую? – вмешался Гордиан, останавливая жену точно так же, как совсем недавно я останавливал мою любовь, когда она чуть не проговорила на рынке про нашу главную находку. – Вот у нас в Окибаре, к примеру, живёт одна Уитни, так она недавно захотела, чтобы ей интернет домой провели. Тётушке уже лет прилично, а она молодец, от жизни не отстаёт.

Было очевидно, что он умышленно уводит разговор в сторону. Тандри это тоже заметила и прикусила язык. Я им подыграл, а сам посмотрел на Василику и, когда перехватил её слегка растерянный взгляд, кивнул. Она, кажется, поняла, во всяком случае, продолжать расспросы не стала. Я же, слегка понизив голос, начал рассказывать легенду, которую мы с ней узнали про пещеру и про Переходные Врата. Ребята слушали внимательно, не перебивали, а когда я закончил, Тандри наморщила лоб и призналась, что никогда ничего подобного ей слышать не приходилось. Гордиан как человек сугубо технический, обдумал эту историю и заявил, что не понял одного: откуда пришёл этот Сварт с женой.

– Из земных недр что ли?

– Из другого мира, – поправила Тандри.

– Это где такой? Мне вообще-то казалось, что все уголки земного шара уже изучены, так что если прокопать отсюда шахту вниз, потом вбок, а потом вверх, то можно оказаться в лучшем случае в Скандинавии или в Канаде.

– Горди, ну почему ты у меня такой... умный? – рассмеялась сестра, призывая нас в свидетели, на что мы дружно откликнулись улыбками. – Это же легенда!

– У каждой легенды есть основа. Когда те же христиане изобретали свою сказку про Иисуса, они её вообще-то не изобретали, а брали из предыдущих религий, основанных на движении Солнца по небу. Поэтому про героев, рождённых от непорочного зачатия 25 декабря, погибших на кресте и восставших через три дня так много схожих историй по всему миру, от викингов до Индии и дальше. – Заметив удивление на наших лицах, он пояснил: – Когда я жил в Штатах, меня интересовал этот вопрос, так что я кое-что почитал и до сих пор помню.

– Каждый день узнаю о тебе что-то новенькое! – подняла брови Тандри. Было непонятно, чего в её восклицании больше: восхищения или лёгкого раздражения.

– Кто такой Иисус? – спросила Василика.

Все разом замолчали. Вопрос прозвучал вполне естественно, чтобы заподозрить в нём розыгрыш. Похоже, она и в самом деле не знала. Для Гордиана это, несомненно, было позором, для Тандри – пикантной неожиданностью, ну а для меня – поводом, не откладывая, взяться за дело вольных каменщиков по заделыванию культурных брешей.

– На большой земле есть несколько религий...

– ... придуманных с одной и той же целью, – не поленился вставить Гордиан.

– ... одной из которых является культ некоего Иисуса Христа. До сих пор ведутся споры, жил ли такой человек на самом деле или это только очередной миф...

– ... хотя, похоже, что человек такой примерно тысячу лет назад всё-таки жил. Во Франции...

Вот уж не подозревал, что для Гордиана эта тема – любимый конёк.

– Я, кажется, слышала, – посветлела взором Василика. – Это у них там называется христианством. Теперь ясно. Просто я как-то не думала, что Христос и этот Иисус – один и тот же товарищ. Буду знать. А что ты делал в Штатах? В американских?

– В самых что ни на есть, – поудобнее устроился на сидении наш компьютерный гуру. – Учился. Про интернет ты ведь в курсе?

– Да. – Прозвучало не слишком уверенно. – Тим рассказывал.

– Ну вот этим я сейчас и занимаюсь. Помогаю нашим островитянам налаживать связь с большим миром.

– Зачем?

Вопрос из уст Василики был логичен и никого уже не удивил. Гордиан набрал в лёгкие воздуха, чтобы разразиться тирадой, замер, задумался, посмотрел на нас, выдохнул и рассмеялся.

– Денег заработать, наверное.

Я так подробно передаю наш разговор потому, что очень отчётливо его запомнил. Тогда я смотрел на расслабленно покачивавшуюся из стороны в сторону Василику, на её точёный профиль, и думал, что узнаю в её простоте себя прежнего, когда многие вещи, с которыми я сегодня свыкся, вызвали у меня такие же наивные вопросы, скрывавшие гораздо больше глубины и житейской мудрости, нежели ответы на них.

Пожилую даму стало укачивать. Сначала я понял это по наступившей за моей спиной тишине, а потом кто-то из её мужчин приоткрыл окошко и попросил кучера остановиться. К тому моменту мы отъехали от города мили на три, не больше. Муж с сыном вывели беднягу на улицу, к кустам, и её там, кажется, стошнило. Странно, подумал я, что с возрастом у некоторых людей не проходят детские недуги. Когда они вернулись, она была бледна, но выглядела повеселевшей. Извинилась за причинённые неудобства. Призналась, что всего второй раз в жизни пользуется зилотом. Я сообразил, что дело тут вовсе не в возрасте, а в отсутствии опыта. Поскольку у меня опыта в подобных делах было предостаточно, я взял на себя смелость помочь нашим соседям провести остаток пути в относительно покое и предложил мужчинам вдвоём пересесть на пустующее заднее сидение, поскольку хвост повозки обычно кидало из стороны в сторону сильнее всего, а даме посоветовал просто-напросто прилечь на освободившееся место впереди, положив под голову что-нибудь поудобнее, и попытаться заснуть. Я уверил её, что таким образом она нисколько не мешает нам, зато самой ей будет гораздо приятнее переносить неизбежную качку. Вероятно, речь моя была убедительна, поскольку все трое меня безпрекословно послушались, а дама после нескольких минут поездки окликнула меня и поблагодарила: ей действительно стало значительно лучше. Наблюдавшая за всем этим Василика взяла меня за руку и пожала. Тандри, разумеется, не сдержалась и поведала всей честной кампании, откуда у меня такие глубокие познания. Гордиан перевёл всё в научный план и согласился с тем, что превращение бортовой качки в килевую путём принятия горизонтального положения – мысль интересная. Что касается нашего возницы, то он в этот момент думал не столько о своих пассажирах, сколько о том, чтобы не отбиться от графика и ощутимо подгонял упряжку. Брусчатка давно закончилась и началась обычная щебёнка, укреплённая природным битумом, который у нас добывают шахтным способом из битуминозных песков на восточном побережье. Это мне рассказывал Льюв, который два лета подрабатывал на одной такой шахте. При нашем нежарком климате битум со щебёнкой – отличное покрытие, изнашивающееся только в стужу, но зимой снег засыпает дороги, и, вместо того, чтобы его убирать, мы пересаживаемся на сани.

Вероятно, соседство недомогающей женщины всё же сказалось на нашем общем настроении, потому что довольно долгое время после остановки мы ехали вообще молча. Воспользовавшись паузой, я мог в своё удовольствие рассматривать наших соседей, раскачивавшихся плечом к плечу за спиной у Василики. Парню я дал бы не больше двадцати. Он был неплохо одет, розовощёк, вихраст и вполне широк в плечах, чем являл полную противоположность своему отцу, человеку явно лет за сорок, сутулому и я бы даже сказал несколько измождённому. Их по-прежнему объединяла хмурость во взгляде, хотя когда отец смотрел на меня, лицо его слегка оживало, и мне самонадеянно казалось, будто он мне кивает. Я пытался представить себе, чем они занимаются в Рару и с какой такой целью едут в Окибар, но тщетно: лицо Василики приятно мешало мне сосредоточиться. Между собой они не разговаривали, разве что изредка сын показывал отцу что-нибудь за окнами, тот подслеповато присматривался и кивал. Меня же окружающие нас пейзажи не интересовали почти нисколько. Я успел наглядеться на них за предыдущие несколько лет предостаточно, а лес – он всюду лес. Гораздо живописнее, на мой вкус, выглядят дороги по окраинам Фрисландии, где опушка тянется с одной стороны, а по другую руку у вас всегда водная гладь и отделяющая её широкая полоса бурой тундры. За неимением прибрежных болот тундра у нас бывает либо торфянистая, либо каменистая. Особенно красиво смотрятся восточные берега, где полным-полно полярных маков. Так что если бы я выбирал маршрут и хотел показать Василике то, чего она, возможно, никогда не видела, то попросил бы нашего возницу свернуть сейчас восточнее и проехать через Доффайс и Годмер. Этот крюк обошёлся бы нам в лишний день пути, но стоил бы того. Разумеется, я не стал валять дурака, поскольку в тот момент мне было не до жиру, лишь бы побыстрее добраться с моими двумя драгоценными находками домой. Зато потом, когда всё уладится и утрясётся, я мог бы брать Василику с собой во все поездки и помогать ей развиваться во многих отношениях. Через годик она бы уже знала всё то, что знаю я, и не задавала бы смешных вопросов про того же Иисуса. Хотя, почему «смешных»? Ещё неизвестно, на пользу ли нам даются многие знания. Быть может, чем проще наша жизнь, тем она лучше. Не думаю, что Василика что-то упустила в ней, ничего не слыша про христианство или тот же интернет. Правда, мне бы, конечно, хотелось рядом иметь не только красавицу, но и умницу, с которой интересно было бы поговорить. Но ведь это вполне исправимо и даже занимательно, поскольку именно я смогу её научить тому, чего она пока не знает, и именно мне она впоследствии скажет за это спасибо. Ведь сообразительности и тяги к новому ей явно не занимать. Правильно, во всём нужно видеть положительные стороны. Я молодец!

Пока я таким или примерно таким образом размышлял, моих добрых спутников, как водится, слегка разморило. Тандри откинулась на спинку сидения и закрыла глаза. Гордиан умудрился вынуть откуда-то книжку и скрашивал время чтением, точнее, разглядыванием сложных схем и формул. Как мне показалось, делал он это весьма демонстративно, пресекая ненужные вопросы и показывая всем видом, что жутко занят. Нам с Василикой оставалось только переглядываться да перемигиваться. То, о чём бы мы хотели поговорить, для посторонних ушей не предназначалось, а потому мы предпочитали тоже помалкивать. Тандри, видимо, заснула по-настоящему, потому что через какое-то время поза её стала ещё более расслабленной, она склонила голову на плечо и разметала руки, так что левая оказалась у Василике на коленях. Девушка осторожно её подняла и положила рядом. При этом я почувствовал, как она призывно тыкает в мою ногу своей, привлекая внимание. Оказывается, она хотела показать мне левое запястье Тандри, которое обвивал точно такой же талисман, как у нас, правда не синий и не красный, а самый что ни на есть зелёный с подозрительной чёрной полоской. Означать это могло только одно: они знали Уитни, причём не какую-то вымышленную Гордианом на ходу, а нашу, с рынка. И почему-то не хотели в этом признаваться. Почему? Что их с ней связывает? Что Тандри скрывает от родного брата? Я должен был это выяснить, пока не стало слишком поздно. Подумав, я легонько толкнул Гордиана плечом.

- Что случилось? – Он прикрыл книжку, заложив пальцем.
- Ничего. Вот, посмотри. – И я продемонстрировал ему своё запястье. – Ничего не напоминает?
- А должно?
- Я молча указал на зелёную змейку его жены.
- А теперь, пока она спит, расскажи мне поподробнее, какими судьбами вы знакомы с той же Уитни, что и мы, и зачем вы к ней ездили. Думаю, зная мою историю, ты понимаешь, почему мне это кажется важным, не правда ли?
- Думаю, тон моего голоса сказал ему больше, чем слова. Уловив в нём праведный гнев, Гордиан неожиданно легко сдался.
- Мы не хотели раньше времени никому об этом сообщать, но если всё пройдет по плану, через несколько месяцев ты станешь дядей.
- Я покосился на спящую сестру.
- И вы из-за этого поехали через весь остров за советом к какой-то ведьме?!
- Нет, у меня действительно был клиент в Рару. Так что получилось заодно.
- А зачем ты сначала нас обманул?
- Ни словом. – Палец предательски выскользнул из книжки. – В Окибаре тоже есть Уитни. А про эту я просто не хотел слишком распространяться, потому что Тандри пока скрывает своё положение, чтобы никого не волновать.
- Замечательно!
- Ну уж прости великодушно.
- Не вопрос. Только теперь всё-таки расскажи мне свою часть истории. Что ты про эту Уитни знаешь, и о чём вы с ней говорили.
- Да ничего особенного. – Гордиан говорил пониженным колосом, чтобы не разбудить жену, так что Василика, желавшая тоже послушать, наклонилась вперёд и довольно больно упёрлась локтями в мои колени. – Мы приехали три дня назад. Пока я работал, Тандри пыталась с ней связаться, но та два вечера нас не принимала. Не знаю почему. Согласилась лишь вчера, ближе к ночи. Мы пошли вместе. Она живёт у башни, неподалёку от рынка, где вы её встретили. Я ещё слегка удивился, что она там совсем одна – ни мужчин, ни друзей, ни приживалок. Сама нам дверь открыла, самапустила. Это меня даже к ней расположило, потому что свидетельствовало о её уверенности в себе. Как я могу судить, боятся те, кто не честен на руку. Мы посидели, поговорили. Твою сестру больше всего интересовало, как у неё всё пройдет и что можно сказать о будущем ребёнка.
- Нехорошо, – заметила Василика.
- Что?
- Есть вещи, которые лучше не знать заранее.
- Это не ко мне. – Он посмотрел на Тандри, как мне показалось, сочувственно. – Её кто-то из подруг в своё время напелтал, что Уитни эта чуть не чудеса творит и с ней обязательно стоит пообщаться, чтобы впоследствии ничего плохого не случилось. Она и от сглаза может уберечь, и...
- ... сама сглаз навести, – хмыкнул я.
- Надеюсь, ты ошибаешься. – Уверенности в голосе Гордиана не было. – Мне, честно говоря, даже понравилось, как мы давеча пообщались. Она явно тётка непростая и многое про нас сказала сама, чего мы за собой даже не замечали. Ну и наперёд, разумеется, кое-какие указания дала. Подробности, уж извини, опушу.
- А этот талисман?
- Подарила. Денег не взяла.
- В каком смысле? – удивилась Василика. – Вообще?

– Нет, вообще, конечно, взяла, но талисман подарила и сказала, что за такие вещи деньги не берутся.

Мы разом показали ему свои сувениры и заверили, что очень даже берутся. Хотя, если разобраться, я ей монеты тоже просто так отсыпал, а она, получается, дала нам это «Пламя Тора» как бы за красивые глаза. В любом случае в накладе бабка не осталась.

– Будем надеяться, что всё обойдётся, – подытожил я. – Теперь-то родителям признаетесь? Мои точно будут рады. Кстати, кого она там вам наколдовала?

– Парня, вестимо.

– Здорово!

– Что здорово? – восторгалась Тандри, которую наши радостные охи всё-таки разбудили.

Пришлось Гордиану признаваться в том, что он всё нам разболтал. Василика наконец-то оставила в покое мои затёкшие колени и выпрямилась. Глядя на неё, я невольно подумал, неужели вот передо мной сидит та, которой суждено стать матерью моих детей. Признаться, некогда я так же смотрел и на Ингрид. Кому-то из читающих эти строки серьёзность моих намерений может показаться странной или даже забавной, однако воспитание есть воспитание. Наверное, существуют на свете языки, в которых понятие «любовь» передаётся разными словами в зависимости от того, что под ним подразумевается: любовь к детям, любовь к родителям, к родине, к красивой соблазнительнице, к чтению, к природе, к еде, в конце концов. Потому что, согласитесь, если призадуматься, то всё это, называемое нами по недоразумению одним-единственным словом, вовсе не одно и то же чувство. Если же остановиться на моём примере, который вполне можно считать типичным, то любой мужчина знает, что переживает, когда видит перед собой просто притягательную женскую внешность, а что – когда откуда ни возмись возникающая интуиция нащёптывает, мол, это она, та самая, с которой под венец и до гроба... Я почти шучу. Что до меня, то в обоих случаях интуиция моя то ли молчала, то ли лживо соглашалась. Появившаяся сейчас мысль вызвала улыбку: а что если, наоборот, внутренний голос не соврал, и у меня будут наследники от обеих? Василика никак не могла знать, о чём я думаю, но я заметил, что и она улыбается. Как же она мне нравилась!

Отчитав мужа, Тандри поинтересовалась, скоро ли мы до чего-нибудь доедем. Ей приснился нехороший сон, который она долго не соглашалась пересказать и уступила лишь тогда, когда Василика её слегка припугнула, напомнив, что, не выплеснув кошмар в реальность, ты рискуешь позволить ему воплотиться самостоятельно. Я про подобную примету никогда раньше не слышал, однако Тандри поверила и призналась, что ей снилась Уитни из Рару, которая вместе с двумя какими-то поделчиками преследует наш зилот до самого Окибара, требуя вернуть нечто, что мы у них как будто украл.

– Ну, ребёнка ты у неё никак украсть не могла, так что успокойся, – наставительно заметил Гордиан. – Остались вы, друзья мои. Признавайтесь, что вы у старухи, кроме талисманов, взяли?

Он шутил, но мне сделалось слегка не по себе. Как вы уже поняли, я сразу же подумал про свёрток. Уитни была с ним связана. Подозрительная неосведомлённость о саркофаге, узнаваемый образ «ожерелья» в её талисманах – из нас четверых они были у троих, – появление её вне рынка в непосредственной близости от нашего зилота да ещё, действительно, в сопровождении обоих – двух – близнецов. Это ли не повод для беспокойства! Я посмотрел на Василику. Не знаю, читала ли она мои мысли, но выглядела девушка явно озабоченной, отчего улыбка, подаренная Гордиану, вышла вымученной:

– Ничего, кроме молодости.

Память моя всё-таки выборочна, поэтому в ней не сохранилось подробностей последующих нескольких часов той примечательной поездки. Тандри больше не засыпала, что не позволяло Гордиану заняться любимым чтением, и потому, если не ошибаюсь, именно он и стал

на всё это время главным рассказчиком. Я иногда ему только помогал, давая короткую возможность передохнуть, поскольку Василика разошлась не на шутку, интересуясь то жизнью в Америке, то возможностями интернета, то его непосредственной работой, то жизнью в Окибаре. Вопросы она задавала впопам, а слушала с таким вниманием, что не ответить ей было просто невозможно. Дама на переднем сидении притихла, подавая признаки жизни редкими вздохами, отец с сыном то молча покачивались, делая вид, будто наш разговор их не интересует, однако выдавая обратное улыбками на гордиановы или василикины шутки, то тихо обменивались впечатлениями о видах за окнами. Во всяком случае, так мне казалось, потому что они при этом поворачивались друг к другу, и губы их шевелились. А зилот всё катил себе и катил. Я знал, что пока мы в нём, наша судьба и время целиком и полностью в руках и кнуте кучера. Они у нас тут такие. Если их хорошенько не попросить, они будут гнать лошадей, пока им самим ни приспичит остановиться. Оно в общем-то и понятно: какой смысл просто так останавливаться посреди леса, если можно чуток потерпеть и добраться до перевалочной станции, где и ноги разомнёшь, и перекусишь, и даже вздремнёшь. Подуставшей сестре я объяснил, что до ночёвки у нас будет обязательная остановка после полудня на обед и перекур. Василика всё поняла по-своему, открыла сумку и угостила нас замечательными свежими ватрушкам с яблочной начинкой. Оглянувшись, она предложила подкрепиться и нашим попутчикам, но те с благодарностью отказались, сославшись на плотный завтрак. Ватрушки нас приятно взбодрили. У Тандри ко всему прочему оказалась большая фляга холодного чая и два походных стаканчика. Я наслаждался, разделив один из них с Василикой. Мне казалось, я и пью, и одновременно целую её да ещё у всех на глазах, хотя наши друзья, разумеется, делали вид, будто всё в порядке вещей, как оно вообще-то и было, если не принимать в расчёт моих юношеских переживаний. Постепенно я списал свои прежние страхи на волнение и голод, день начался и проходил чудесно, солнце на ясном небе забралось в самый зенит и пыталось делать вид, что греет, зилот катил споро, а за дружескими беседами время и лошади бежали почти незаметно. Когда же нас в последний раз качнуло, и кучер крикнул «Приехали!», я уже знал, что у Гордиана в Штатах была кличка Фризер, что его любимое блюдо – настоящее итальянское спагетти с грибами под соусом «Бешамель», что он хотел бы назвать сына в честь своего деда Силоном, и что сейчас он плотно работает с американцами для получения нашим островом собственного домена верхнего уровня, что-то типа *fz* или *fs* после точки в адресе интернет-сайтов. Я, правда, так же плохо, как и Василика, понял, зачем это нам нужно, но Гордиан этим явно какую-то корыстную цель преследовал, вероятно, желая стать своего рода «монополистом на перспективу», как он сам честно выразился. Поскольку от него зависела безбедная жизнь моей сестры и будущего племянника, я не стал учинять допроса с пристрастием и только искренне пожелал удачи. Почему в таком деле нужно было сотрудничать именно с Америкой, а не с Европой, я не знал и не стал уточнять. Если честно, оба направления, как западное, так и восточное, интересовали меня крайне мало. Посмотреть большой мир, конечно, хотелось, но примерно так же, как слетать на Луну: занятно и бессмысленно. Да и зачем куда-то уезжать, когда у нас самих до сих пор можно отыскать заповедные места вроде пещеры на Ибини?

Станция, точнее, постоялый двор, на котором наш возница решил бросить якорь, был мне отчасти знаком. Раз или два я останавливался здесь со своими туристами, кажется, даже на ночёвку, правда, было это давно, и я запамятовал имя хозяина, крепкого старичка с копной белых, как снег, волос, который сам принимал гостей, сам всех кормил и даже постельное бельё раздавал сам. Сегодня я его не увидел, а встретившие нас две пожилые женщины на мой вопрос со вздохом ответили, что их отец вот уже несколько месяцев как упокоился. Видимо, моё лицо в этот момент было красноречивее возникшей паузы, потому что одна из женщин поблагодарила меня за сочувствие и сказала, что на тот момент ему было девяносто три – возраст, когда человек может себе позволить либо засахариться и пережить всех, либо решить, что пожил достаточно, и тихо отправиться в новый путь. Теперь постоялым двором владели

они на пару с сестрой, ну и, конечно, очень рады, что мы к ним решили наведаться. Родом они были из соседней деревушки, куда я при случае заглядывал с группами, предлагая в буквальном смысле отведать местной достопримечательности: воды из источника, считавшегося священным. Вода эта была у нас на всём острове чуть ли не самой чистой, а заодно обладала по-настоящему удивительными целебными свойствами. Ключ бил из темечка невысокого холма на лесной поляне и стекал по глинистому склону в маленькое углубление в земле, которое сельчане старательно обложили камнями, чтобы терять как можно меньше драгоценной влаги. Для питья воду брали прямо из этого углубления специальным черпачком. Один из краёв был сделан ниже остальных, и оттуда вода перетекала в углубление побольше, почти ванную, куда можно было мокнуть руку, ногу, а то и забраться целиком. Зачем? После этого вопроса я обычно брал свой поясной ножик, на глазах удивлённых слушателей одним движением рассек себе палец так, что все сразу видели красную змейку крови, опускал палец в воду, считал до пяти и снова показывал палец, на котором уже не было ни крови, ни ранки. Все сразу же бросались набирать воду кто во что, однако я их предупреждал о том, что вне этого источника, вне «купели», как мы говорили, вода свои целебные свойства теряла. Если набрать её в кружку и сунуть порезанный палец, ранка срастётся скорее, но не так быстро. Проверяли глину, проверяли камни, проверяли грунт, но причину до сих пор не выяснили. По моему мнению, залог успеха был как раз в сочетании всех компонентов. Однако я отвлёкся.

Возница громко сообщил сёстрам, что в нашем распоряжении не больше трёх половинок часа, поскольку нам нужно засветло успеть добраться до ночлега. Наперегонки с солнцем он ещё готов потягаться, а вот с луной – увольте. Старушки засуетились, а мы, чтобы никому не мешать, остались все вчетвером стоять на открытой веранде, разминая затёкшие чресла и вдыхая ароматы обступившего нас леса. В зилоте никто окон не открывал, поэтому разница воздуха в замкнутом пространстве с семьёю дышащими пассажирами и снаружи была разительна. Я рассказал моим друзьям о покойном старичке и обратил внимание на замечание одной из его дочерей насчёт возраста, мол, можно, умереть от усталости, а можно, как она выразилась, «засахариться» и жить дальше.

– Ну вообще-то, если быть совсем точным, она сказала не «жить дальше», а «пережить всех», – уточнил Гордиан.

– Ты считаешь, это существенная разница? – сразу пришла мне на выручку Василика.

– Безспорно. Сама посуди: то ли ты живёшь дольше остальных, кто тебя окружает, то ли неопределённо долго.

– Вовсе не так. – Я отвлёкся, следя, куда наш возница ставит зилот с моим свёртком. – Если старику уже очень много лет, а рядом подрастает малыш, то чтобы его пережить, сам понимаешь, сколько придётся ждать. А если ещё старика по ходу дела будут «окружать» потомки того малыша, старик будет жить не просто дальше, а вечно. – Зилот въехал задом под специальный навес и там остался. Кучер, размахивая лапами шубы, широкими шагами прошёл мимо нас внутрь. – Кто-нибудь знает, почему он такой хмурый?

– А почему ты на меня смотришь? – рассмеялась Тандри. – Разве я должна это знать?

– Потому что ты видела его дольше нас. Вы приехали первыми.

– Ну, вообще-то первой приехала спящая дама, – заступился за жену Гордиан. – Спроси её. К тому же, она твоя должница.

– За что?

– За совет, как преодолеть укачивание в дороге.

Перешучиваясь в таком духе, мы уже собирались последовать за кучером в ароматное тепло дома, когда послышалось приближающееся шуршание щебёнки, и скоро по дороге мимо постоянного двора прокатился зилот-коляска – двухколёсный и двухместный экипаж, запряжённый двойкой фыркающих от возбуждения лошадей с красивыми длинными гривами. Мне

даже показалось, что кучер в зелёном плаще собрался их пожалеть и начал притормаживать, однако в последний момент передумал и хлётко подстегнул кнутом.

– Оживлённое движение, – отметил Гордиан, провожая коляску взглядом, пока та ни скрылась за деревьями.

Он галантно пропустил Василику вперёд. Тандри же, напротив, замешкалась, повернулась ко мне и тихо-тихо сказала:

– Позвони родителям. Предупреди, что не один. Ты знаешь, как отец не любит сюрпризов.

Она была права. Насчёт сюрпризов, не уверен, едва ли появление девушки могло вызвать в нём приступ ревности, скорее, наоборот, чего не скажешь о матери, которая на людях всегда сохраняла лицо, а с глазу на глаз могла дать волю эмоциям и высказать всё, что думает. Она, кстати, была единственная, кто до сих пор окончательно не приняла Ингрид, и сейчас это поддерживало во мне надежду на то, что с Василикой их знакомство пройдет удачнее, и я смогу заручиться её поддержкой в непростой борьбе с собственной совестью. Войдя следом за сестрой в большую гостиную с уже накрытым столом, я осторожно поинтересовался у одной из сестёр, откуда у них можно позвонить. Та охотно проводила меня в комнату за кухней, смахивающую на обычную кладовку, и показала старенький настенный телефон с громоздкой трубкой вроде сдвоенного рупора и крутящимся диском набирателя. У нас дома никаких телефонов и в помине не было, зато телефон был, у Кроули в конторе, и его-то номер я помнил наизусть, поскольку частенько названивал с дороги. Кроули, правда, не всегда подходил, но сейчас было обеденное время, так что я мог вполне рассчитывать его застать. Мне повезло: после третьего гудка трубку сняли, и я услышал знакомое покашливание. По привычке он просто ждал, что ему скажут.

– Дядя Дилан, это Тим. Как дела?

– А, привет, сынок! Ты где?

– Возвращаюсь.

– Удачно?

– Более чем. Куча фотографий, поразительная история и кое-что ещё.

– Молодец, жду. – Кроули телефоны терпеть не мог и собирался повесить трубку.

– Погодите! У меня к вам просьба...

– Что-то случилось? – Голос его в момент посерьёзшел.

– Мы будем завтра к вечеру, и я хотел вас попросить, чтобы вы...

– «Мы»?

– Ну, в том-то всё и дело. Я не один возвращаюсь. Её зовут Василика. Я хотел вас попросить...

– Понял, можешь не продолжать. Предупрежу твоих, так и быть. Девка-то хоть стоящая? – Он явно улыбался в бороду.

– Не то слово!

– Тогда не волнуйся. Всё передам. А ты там давай поаккуратнее, не балуй.

Он всё-таки повесил трубку, не дожидаясь моего «спасибо». Таков он был во всём: последнее слово всегда должно было оставаться за ним, а если вы ещё в чём-то сомневаетесь, то вы ему не интересны, поскольку сам он уже всё давно понял.

Подстраховавшись таким вот проверенным образом, я вернулся в зал и застал нашу кампанию уже сидящей на двух лавках за большим деревянным столом, вокруг которого суетилась моя недавняя собеседница. Её сестра обслуживала семейство утомлённой дорогой дамы, а также кучера, который по обыкновению людей его профессии устроился в стороне от остальных, за отдельным столиком, рядом с окошком, выходящим во двор, то есть с видом на припаркованный зилот. Я готов был поспорить, что он следит, как местные работники потчуют сеном его лошадей, которым предстояло протащить нас до вечера ещё столько же, если

не больше. Моё появление Гордиан встретил взметнувшейся кружкой шипучей суры, Василика – милой улыбкой, а Тандри – вопросительным взглядом, сменившимся одобрительным кивком. Дождавшись меня, обе девушки упорхнули мыть руки, а я быстренько сделал заказ и, неожиданно для самого себя, поинтересовался у Гордиана его мнением.

– Относительно чего? – удивился тот.

– Не чего, а кого. Что ты думаешь по поводу Василики?

Он чуть ни подавился, но сделал серьёзное лицо и уточнил:

– Как мужчина или как муж твоей сестры?

– Вообще.

– Так не бывает, дружище. – Он брякнул кружку об стол и хищно оскалился. Зубы у него были на зависть ровные и белые. – Скажи лучше сразу, что ты хочешь от меня услышать? Что я тебе завидую? Безспорно. Что желаю вам долгих лет счастья и так далее? Разумеется.

– Что я не сошёл с ума.

– А, понятно! Тебя гложут сомнения. Гони. Гони их резко и смело, потому что когда на бранном поле твоей жизни, извини за красивые слова, сходятся твой сердце и разум, ты всегда должен становиться на сторону сердца. Даже если твой разум пока Голиаф, а сердце, как его...

– ... Давид.

– Именно. Одна беда: сторонних советчиков в этом вопросе у тебя быть не может. Любой из них включит логику и приведёт кучу доводов в пользу того, почему вы с ней никогда не должны быть вместе, а другой – почему просто обязаны. Правоту своего выбора ты можешь почувствовать только сам. И если кто-то скажет, что раз сомнения появились – это верный признак ошибки, не верь. Сомнения – работа ума. А он любит перестраховываться. Он думает, что отвечает за твоё благоденствие. Отчасти это так, но лишь отчасти. Ощущения даны нам для того, чтобы его контролировать. Сам-то ты как считаешь?

– Если честно, со мной такое впервые...

– Видать, всё серьёзно. Мой тебе совет: расслабься и не переживай. И не думай о том, что будет и что скажут какие-нибудь окружающие. Пора, старик, принимать собственные решения и нести за них ответ.

Едва он договорил, как в очередной раз выглянувший в окно кучер вскочил, уронив при этом стул, и с громкой бранью ломанулся на улицу. Опомнившись только в дверях, где его шуба зацепилась за ручку и издала жалобный треск, он повернулся к залу и крикнул:

– Грабят!

Мы все переглянулись. Отец с сыном оказались проворнее остальных. Не выпуская из рук ножей и вилок, они устремились следом за кучером, который уже что-то орал на улице. Я сидел ближе к двери, так что Гордиану пришлось догонять меня. Во дворе стоял мат-перемат, бегали какие-то люди, ржали перепугавшиеся лошади, а сбочку, поближе к дороге, нервно подпрыгивал на козлах знакомой двухколёсной коляски зелёный возница. Её дверца только что захлопнулась за кем-то, и длинные хлыст с визгом огрел лоснящиеся под солнцем крупы гривастой двойки.

– Уходят! Уходят!

Это кричал муж нашей дамы. Его розовощёкий сын тем временем проявил недюжинную прыть и во мгновение ока оказался верхом на непонятно откуда появившемся скакуне, которого легко пришпорил и погнал догонять уносящуюся прочь коляску. Бедный отец машинально рванулся следом, но не успел достичь ворот, как выдохся и остановился. Я растерялся, не зная, как помочь исчезнувшему за деревьями смельчаку. Чуть не сбив меня с ног, мимо промчались ещё две лошади, неся в сёдлах молодцеватых всадников с вилами наперевес. Оба почему-то были босиком. Зато положительно сказались на состоянии моей совести, позволив отвлечься от погони и переключиться на предполагаемый урон. Я поспешил к нашему зилоту,

который по-прежнему благополучно стоял под навесом, причём все четыре животные как ни в чём не бывало переминали челюстями остатки сена. Он лишь чуть выкатился вперёд, что позволяло подобраться к багажному отделению. Сундук был на месте. Приоткрыв крышку, я заглянул внутрь. Мой свёрток лежал прикрытый сумками, которых раньше здесь не было. Вероятно, не стоило поднимать панику, подумал я, вспомнив, что отец с сыном пришли последними, а значит, это их вещи, целые и невредимые. У страха глаза велики. Лишь бы парень не попал в историю. Надо им сказать. На всякий случай я ощупал свёрток и попробовал поднимать. Прежняя твёрдая тяжесть успокоила меня окончательно. Подавшись назад, я натолкнулся на Гордиана.

– Кажется, всё на месте. Зря переживали.

– Посторонись-ка.

Мы поменялись местами. Пока он обследовал сундук, я выбрался из-под навеса. Навстречу спешил наш кучер. Я сказал, что вещи как будто на месте. Он вытер кулаком вспотевший лоб и успокаивающе похлопал по морде ближайшую лошадь.

– Я спугнул этих тварей, – вздохнул он, и было непонятно, расстроен он таким открытием или горд. – Надо было чуток выждать, тогда бы точно их поймали.

– Вы догадываетесь, чья это была коляска?

– Если бы! Определённо не из Рару и не из Окибара. Там я всех в лицо и по именам знаю. Надеюсь, ребята их сейчас догонят и приволокут. Такие вещи спускать нельзя. Чёрт!

Последнее относилось к раздавшимся издали звукам выстрелов. Ситуация отнюдь себя не исчерпала, а стремительно менялась с плохой на очень плохую. Как вы прекрасно понимаете, если дочитали досюда, оружие у нас на острове в порядке вещей. В каждой семье есть что-нибудь, что режет или стреляет. А поскольку все в равном положении, никто никогда в дурных целях этим не пользуется. Станете ли вы нападать на человека с ружьём, зная, что он может запросто ответить вам такой же пулей, только быстрее и точнее? Вот и я о том же. Правда, не только это удерживает моих соплеменников от использования ружей и луков с арбалетами вне рамок промысловой охоты. По уже неоднократно упоминавшемуся мной фолькерулу, если кто в результате разбирательства или по факту будет признан виновным в безпричинном применении оружия против другого человека, его ждёт неминуемая кара, тяжесть которой напрямую зависит от тяжести деяния. Если произошло убийство, виновный будет неминуемо казнён, и никому даже в голову не придёт его пожалеть или за него заступиться. Если жертва пострадала, но выжила, виновного изгонят из рода и лишат всего имущества в пользу жертвы. Вы, вероятно, подумали: куда можно «изгнать» с такого относительно небольшого острова, каким является наша Фрисландия? Ну, во-первых, подобных приговоров, скажем, в мою бытность, выносилось всего раза два. О каких-то я, конечно, могу не знать, но вообще эта мера является чрезвычайной, поэтому изгнанники не питают особых надежд на то, что их куда-нибудь пустят, и, как правило, вынуждены доживать свои дни в лесу. Последнее время они, я думаю, имеют возможность погрузиться на зазевавшийся в порту корабль и тихонько отплыть на новую родину, зная, что здесь вряд ли кто их хватится. В силу всего этого услышать выстрелы среди бела дня вблизи жилья да ещё при описанных выше обстоятельствах было вещью, простите за каламбур, неслыханной.

Реакция кучера делала ему честь: он, не раздумывая, сунул руку в неприметную щель облучка и с криком «Погнали!» выхватил оттуда короткоствольное ружьё. Следующее, что я запомнил – мы с Гордианом пытаемся догнать резко взявший с места в карьер зилот, я запрыгиваю на подножку и подтягиваю Гордиана к себе за руку, мы проносимся мимо крыльца, на котором в ужасе стоят Василика с Тандри, и Гордиан взывает к их благоразумию, умоляя быть вместе и не выходить из дома, пока мы ни вернёмся. Дальше – мелькание деревьев, хлесткий ветер в лицо, я понимаю, что мы оба безоружные, кучер взмахивает хлыстом так рьяно, что чуть не задевает меня, в кулаке Гордиана я вижу зажатый нож – откуда? – и обещаю себе никогда

больше не покидать дом с пустыми руками. Зилот кидает из стороны в сторону, и я невольно представляю себе ещё более неудобную для погони и неустойчивую коляску. Только сумасшедшие историки могли придумать, будто древние воины использовали колесницы в бою: более ненадёжного средства передвижения по любой маломальской неровности придумать трудно. Ещё гонки по кругу песчаной арены – куда ни шло, но в битве, как скажет любой опытный вояка, конница и колесницы – самые бесполезные и уязвимые части. Колесницы до врага просто не доедут, а всадники могут нанести разве что один атакующий удар по врагу и промчатся дальше, потому что если их что-то остановит, они будут безжалостно порублены и пересилены гораздо более маневренной пехотой. Очевидно, что в древности конница использовала лошадей преимущественно как средство передвижения до поля брани. Не знаю, конечно, как было на самом деле, но я бы на месте кавалеристов в нужный момент спешил и тем ставил себя хотя бы в равное положение с противником. Отвлёкся я на это к тому, что разыгравшаяся на наших глазах трагедия имела предсказуемое продолжение. Как я потом понял, первым беглецов нагнал отчаянный сын, появление которого заставило их открыть пальбу, что возымело два последствия: пуля попала в коня, который рухнул прямо посреди дороги, юноша перелетел через него и потерял сознание, зато коляска была вынуждена свернуть в лес, где, само собой, очень скоро перевернулась, и двум другим преследователям не составило труда настичь её. Правда, беглецы при аварии пострадали не сильно, и теперь активно отстреливались, не подпуская к себе смельчаков, вооружённых, как вы помните, одними вилами. Таким образом, наше появление оказалось как нельзя кстати. Пока мы с Гордианом приводили в чувство парня, у которого, к счастью, ничего не было поломано, но было сильное сотрясение да содрванная на руках и лице кожа, кучер, как заправский охотник, бросился со своим ружьишком не напрямую на выстрелы, а чуть в обход, и в итоге зашёл противнику в тыл, откуда, как мы позже узнали, первым же выстрелом положил одного из них, вторым ранил в ногу коллегу по профессии, третьим разнёс в щепы дверцу коляски над головой уцелевшего, после чего четвёртый не понадобился вовсе, ибо дело было сделано: бросив винтовку с хорошей, но теперь никчёмной оптикой, и подняв руки над головой, струсивший воришка сдался на милость победителей. Которые еле сдержались, чтобы не нанизать его сразу же на вилы, однако вместо этого лишь слегка поколотили, связали и сунули обратно в коляску. Они бы предпочли зилот, но там лежал пришедший в себя и тихо стонущий юноша. Мы уже знали, что зовут его странноватым именем Кукро. Ребята с вилами оказались взрослыми внуками хозяек постоялого двора, помогавшими бабушкам по хозяйству. Притом, что один был внуком одной, а другой – другой, внешне они походили на родных братьев. Мы взвалили единственный труп на освободившуюся лошадь, раненого кучера бросили поперёк второй, его место на козлах коляски занял старший из внуков, Грисар; младший, Мевит, подвязал обоих к зилоту и сам пристроился сзади на сундуке следить да наблюдать, чтобы никто по дороге не свалился. Вскоре вся эта живописная процессия торжественно въехала обратно во двор перед трактиром. Не находившие себя места от волнения женщины и старик подняли радостные крики, победителей обласкали, побеждённых предварительно заперли в амбаре и стали разбираться.

Оказалось, что кое-что похищено всё же было, а именно – лежавшие в багажном отделении последними сумки наших спутников. Отец и мать Кукро смущенно признались, что вынуждены были перевозить весьма крупную сумму денег, поскольку собирались приобрести в Окибаре жильё для сына, пожелавшего там учиться в единственном на всём острове университете. О том, кто ещё мог знать об этом, они догадывались слабо, а последовавший за этим допрос уцелевшего бандита ничего толком не дал: тот уже оправился после шока, сориентировался, кто мы и что мы, и решил держать рот на замке. Обшарив его, мы обнаружили документы на имя Тригви Свейнссона, что однозначно выдавало в нём «засланца из исландцев», как мы любим говорить в подобных случаях. Подстреленный кучер оказался родом из Кампы (кто бы сомневался, поскольку именно туда по исторически сложившейся

традиции в первую очередь наведываются редкие гастролеры из Исландии) и вообще ничего вразумительного сообщить не мог, упорно твердя, что его просто наняли, посулив хорошую оплату и, разумеется, не предупредив о том, насколько серьёзны их планы. Пока мы пытались выяснить, кто же всё-таки был заказчиком столь вопиющего нападения, сестры воспользовались телефоном и вызвали подкрепление из соседней деревни. Подобные события не могли и не должны были оставаться незамеченными, поэтому требовалось вмешательство фолькерула со всей последующей процедурой дознания и вынесения приговора. По неписанному уговору отвечали за это ближайшие к произошедшему населённые пункты. Они проводили первоначальную проверку и дальше могли передать вопрос на рассмотрение, что называется, выше по инстанции. Могли и не передавать. В нашем случае уже было понятно, что судьба кучера будет решаться в Кампе, да и документы исландцев (а убитый тоже оказался приезжим оттуда), точнее, разрешение на их пребывание у нас выдавалось тамошним руководством, которому теперь придётся отвечать за свою косвенную вину.

Из деревни вскорости прикатили сразу две подводы с дружинниками. Старший снял показания, заставив нас всех по очереди повторить рассказ о том, чему каждый явился свидетелем. Мы были вынуждены безпрекословно подчиниться, поскольку никому не хотелось лично присутствовать на последующих собраниях септусов. Зато теперь мы были вольны продолжать свой путь, в котором задержались почти до вечера. Другое дело, стоило ли? Световой день был на исходе. Засветло до ночлега мы теперь уже точно не поспевали. Кукро крепился, но выглядел не таким свежим и розовощёким, как до падения с лошади. Родители его, совестливо полагая, что проволочка произошла из-за них, не хотели никого задерживать, но если отец предлагал ехать дальше, то мать, напротив, настаивала на том, что её сыну нужен покой, и потому они должны остаться и отпустить нас, а сами потом доберутся «как-нибудь». Наш кучер внезапно проявил не свойственную ему нерешительность, и в итоге победную точку в споре поставила Тандри, которая сказала, что остаться должны все и что утро вечера мудренее. Василика её поддержала, и мы с Гордианом ничего не нашли лучше, чем согласиться. Хозяйки по понятным причинам были такому решению только рады. Налётчиков на подводах увезли в деревню. Пока я размышлял, стоит ли мне снова позвонить Кроули и предупредить о том, что мы прилично задерживаемся, подошла Василика и, словно прочтя мои мысли, спросила, где тут телефон. Я проводил её в кладовку и хотел ретироваться, чтобы не мешать, но она ухватила меня за рукав, привлекла и сладко-сладко поцеловала, признавшись, что очень боялась, когда мы бросились в погоню. Наобнимавшись вдосталь в уютном уединении кладовки и вспомнив о цели нашего сюда прихода, я поинтересовался, кому она собралась звонить. Оказалось, что отцу. Я удивился, поскольку никакого телефона, когда гостил у них прошлой ночью, не заметил, а если бы заметил, то удивился бы ещё больше. Пожалев меня очередным поцелуем за отсутствие сообщительности, Василика пояснила, что собирается застать отца в здании их тамошней рыбацкой гильдии, где телефон очень даже есть. Она набрала номер, а я остался, потому что не мог её покинуть ни морально, ни физически. Когда на том конце сняли трубку, она на мгновение задумалась, потом представилась и осведомилась, далеко ли Бьярки. Я услышал, как кто-то громко крикнул в сторону:

– Бьярки, иди сюда! Тебя дочка кличет.

Я смотрел на Василику, она – на меня. Мы улыбались друг другу.

– Ты в порядке? – первое, что донеслось до моего слуха.

– Да, пап, всё хорошо. Мы тут уже на полдороге. Тим тебе привет передаёт.

– Что случилось?

Вот уж точно: родную душу не обмануть.

– С нами – ничего. Но я звоню, чтобы ты там поаккуратнее был. Лукас тебе, думаю, рассказал, что мы с Уитни встретились, она нам интересную легенду про то место рассказала. Говорит, сама там была много лет назад. Причём, слышишь, никакого гроба не знает. Но это

очень подозрительно, потому что она делает амулеты точь-в-точь как то, что мы там нашли. Ты понял? Мы про подробности умолчали, конечно, вот только она бабка ушлая, могла сама догадаться. Короче, вот что, пап, наш зилот тут на постоялом дворе кто-то обокрасть хотел, их спугнули, они схватили сумки наших попутчиков, но их поймали, и теперь будут допрашивать. Только я чувю, что тут что-то не так, что они вовсе не их хотели обворовать, а умыкнуть то, что везём мы. На всякий случай, будь аккуратен. Имей в виду, что при этой Уитни состоят двое здоровенных близнецов. И постарайся никому лишний раз про Тима не рассказывать, чтобы они не знали, где нас искать. Лукаса предупреди. И Марту.

– Не волнуйся. Когда думаешь обратно?

– Это не только от меня зависит. – Она хитро покосилась на меня. – Ладно, мне надо бежать. Целую.

– Будь умницей, Василь. Молодец, что позвонила.

Признаться, я не разделял опасений девушки. Вернее, внушал себе, что не разделяю. История с деньгами за будущее жильё, о которых кто-то случайно проведал, звучала вполне правдоподобно. Я по жизни не люблю всякие детективы. Ты либо с первых страниц знаешь, кто преступник, как у хвалёной Агаты Кристи (достаточно через десяток-другой страниц оглянуться и подумать, кого авторша хочет, чтобы читатель меньше всего заподозрил), либо он появляется в самом конце неоткуда, притянутый за уши. А читать детективы только ради чтения можно разве что Конан Дойла. Писательских талантов в этом жанре с тех пор не рождалось. Поэтому, вероятно, и не нравится мне, когда со страниц дешёвых романов в нашу и без того непростую реальность привносятся какие-то никому не нужные тайны и сюжетные перипетии. Почему нельзя жить просто? Василике я так и сказал. Она призналась, что про детективы только слышала, что тоже предпочитает простоту и покой, но, к несчастью, обладает неуёмным, а главное, самостоятельным воображением, которое частенько рисует перед ней, как правило, трагические картины, и игнорировать их она не имеет право. Я воспользовался случаем смелить тему и поинтересовался, в каком свете она видит наши с ней дальнейшие отношения.

– Вокруг всё белое и очень холодно, – огорошила она меня ответом, над которым даже не успела задуматься.

– То есть?!

– Не знаю. Ты спросил, я сказала.

При этом – ни тени улыбки, скорее, грусть.

– Я не понял...

Василика осторожно взяла меня за руку.

– Я не могу всего этого объяснить, пойми же! Я о чём-то думаю, у меня перед глазами возникает картинка, я могу её описать, но если начинаю над ней размышлять, она просто исчезает. Так я, например, увидела, что у отца уплыла лодка, и он в беде. Так и сейчас, когда думаю о нас с тобой, мне становится холодно, и я не вижу никаких других цветов, кроме белого.

– Почему белого? – озадаченно спросил я. – И что именно ты видишь белого цвета? Может, это снег?

– Возможно. – Она посмотрела мимо меня, будто вглядываясь во что-то. – Обычно я вижу картинку, а тут картинки нет, только цвет.

– Вот вы где! – В кладовку вошла одна из хозяек. – Идёмте, я покажу вам вашу комнату, молодые люди. Остальные уже разошлись.

Меня эта новость привела в ещё больший ужас, нежели невольное признание Василики, о котором я сразу же до поры до времени позабыл. Ночевать в одной комнате с той, кого я считал самой красивой и самой лучшей на свете, было моей мечтой, более того, мы уже ночевали вместе, но тогда с нами был её отец. Хозяйки могли не знать, что мы не муж с женой, а могли и специально сделать вид, что не знают. Это не меняло главного – мне предстояло сильнейшее искушение, какое я только испытывал в жизни. Потому что если вы вдруг решили,

что мечта для того и служит, чтобы её поскорее воплотить в жизнь, то вы глубоко заблуждаетесь. До женитьбы я не имел права притронуться к Василике. Поцелуи и объятия – так и быть, но ничего больше. Поступить иначе считалось у нас равносильным запятнать честь избранницы. На континенте, как я уже тогда слышал, многие над подобными традициями давно надругались, да только не у нас. Мы ещё сохраняем верность заповедям, и потому нам по-прежнему есть, что чтить и беречь. Но как же это трудно! Что до Василики, то она ничем своего смущения не выказала, поблагодарила так и не сознавшую свою невольную ошибку женщину, а по поводу предоставленной комнаты вообще рассыпалась в благодарностях, которые даже мне показались вполне искренними. И это при том, что именно на неё столь щекотливая ситуация накладывала наиболее весомый груз ответственности. Если бы подобное происходило в её или моей деревне, и в итоге мы бы так и не поженились, у неё возникли бы весьма серьёзные проблемы с дальнейшим благоустройством счастливой семейной жизни: мало кто захотел бы связываться с девицей, однажды позволившей себе столь лёгкое поведение с мужчиной. Между тем комната, отданная в наше распоряжение, и в самом деле выглядела замечательно: чистенькая, опрятная, просторная, а главное – тёплая. Две длинные кровати, накрытые вышитыми покрывалами, стояли таким образом, что при желании их можно было сдвинуть. Удобства в комнате отсутствовали, будучи общими – в сенях. Когда хозяйка ушла, и мы остались одни, Василика повалилась спиной на ту ковать, что стояла ближе к предусмотрительно зашторенному окну, заломила руки под голову, закрыла глаза и продолжила с того самого места, на котором нас прервали:

– ... и цвет этот даже не белый, а слепящий. До черноты. – Поскольку я оторопело молчал, она добавила: – Но ты не бойся. Мои картинки не всегда сбываются. Я много раз, особенно в детстве, отчётливо видела то, чего потом так и не происходило. Что-то может поменяться. Выбор предначертан, но делаем его мы сами.

– Если хочешь, я пойду спать в сени, – брякнул я то, что вертелось у меня на языке.

Она открыла глаза, и от её взгляда мне стало жарко и душно. Она всё прекрасно понимала и знала, что сейчас со мной происходит. Гибко села, поправив волосы.

– Ещё рано. Пойдём вместе. Погуляем.

Мы вышли на улицу. Было как раз то пограничное время, когда солнце уже укатило за горизонт, а ночь ещё не наступила. Небо над соснами казалось нависшим над нами бездонным морем, а редкие облака, словно от смущения, зарумянились и стали нежно-розовыми.

– Куда пойдём? – спросил я, прекрасно понимая, как глупо это звучит. Но я действительно не знал, потому что для меня лес – это место не для прогулок, а для охоты, а гулять просто так можно разве что вдоль воды.

– Догоняй! – вместо ответа бросила Василика и со смехом побежала от меня прочь, причём не к дороге, а в самую гущу зарослей.

Вечер удался. Во всяком случае, когда мы возбуждённые, обессиленные и весёлые вернулись в дом, у меня не было ни малейшего желания вновь предаваться прежним размышлениям, жизнь опять казалась простой и понятной, а моя запыхавшаяся спутница – близкой и не страшной. Она призналась, что дома частенько устраивает подобные пробежки перед сном. Надо отдать ей должное, бегала она и правда хорошо, во всяком случае, легко и без видимого напряжения. Зрением, похоже, родители её тоже не обидели, поскольку в лесной темноте она прекрасно ориентировалась, ни разу не споткнулась и даже не поцарапалась, хотя бежала всю дорогу первой, а я, едва за ней поспевавший, чуть не подвихнул на корнях ногу и больно ударился обо что-то плечом.

Так как наш постоянный двор находился не в деревне, где в этот час все наверняка уже спали, по возвращении мы застали свет в окнах трактира и решили заглянуть. Нас сразу же позвали за общий стол чаёвничать. Оказалось, что внуки наших хозяек успели наведаться в деревню и теперь делились последними новостями. Кроме них, за столом сидел отец Кукро,

кучер, одна из хозяек и незнакомый нам мужчина, представившийся как Кагрин. Он был здешним сепсусом и приехал вместе с внуками из деревни с целью, о которой посчитал уместным умолчать, хотя было понятно, что его визит связан с произошедшим. Из последующего разговора мы узнали, что раненый продолжал стоически хранить молчание даже под первыми пытками (а надо бы вам знать, что у нас подобных методов вовсе не чураются, особенно в удалённых деревнях, где время дорого), зато кучер, осознав, что с ним не шутят, разговорился и даже вспомнил, что, хотя нанимали его непосредственно «исландцы», перед самым отъездом из города к их коляске подходила странная тройца, которую он запомнил потому, что двое были как две капли воды похожи друг на друга. С ними была молодая женщина приятной наружности, которая, собственно, с «исландцами» о чём-то тихо и разговаривала, пока близнецы стояли в сторонке. Можете представить моё состояние, когда я всё это услышал да ещё из уст людей, совершенно незнакомых с нашей частью истории. Хорошо, что Тандри и Гордиана не было рядом, а то вполне могла бы начаться настоящая паника. Про «молодую женщину», как я понял, кучер умышленно приврал, выгораживая Уитни. Неужели он так её боялся? Почему? Когда я уже готов был открыть рот и спросить какую-нибудь глупость, отец Кукро тоже встрепенулся и сказал, что близнецов этих, возможно, знает. Их зовут Рихард и Рухард, они торгуют на рынке всякими инструментами и некоторое время назад наведывались к ним с женой домой в числе тех покупателей, кто приценивался к вынужденно продававшимся двум норийским тяжеловозам²⁴ и целому комплекту для вспашки с плугом. Сын продолжать заниматься земледелием не хотел, они с женой устали, а деньги, вырученные за такое в общем-то богатство, были очень даже кстати для их планов на покупку жилья. Кагрин разгладил бороду и поинтересовался, почему он не слышал об этом раньше. Отец Кукро (а я вынужден его по-прежнему так величать, поскольку он не удосужился представиться ни до, ни после) признался, что в пылу предыдущих дознаний совсем про ту сделку запамятовал, да и произошла она не накануне, а вот уж с месяц как. В этом месте Василика встала из-за стола, поблагодарила всех за гостеприимство и пожелала спокойной ночи. Я был вынужден сделать то же самое, хотя мне, если честно, хотелось посидеть подольше и послушать соображения посторонних на тему, столь непосредственно касавшуюся меня. Мы вернулись в нашу комнату, и наутро я очень не хотел открывать глаза, тем более что сквозь дремоту слышал, как по окну барабанит дождь. После плотного завтрака он почти прошёл, я расплатился за постой, на всякий случай ещё раз проверил, на месте ли моя тяжёлая находка, и наш зилот торопливо покатил дальше на юг.

Мать Кукро предупредила всех, что накупила нам в дорогу разной снеди, так что можно до самого вечера нигде не останавливаться и не задерживаться – она будет нас кормить по пути в благодарность за спасение её сына и денег. Интересно, как каждый понимает одни и те же вещи и события по-своему. Мы с Василикой были уверены, что воры преследовали именно нас, а кубышки с деньгами подвернулись им случайно, просто потому, что лежали ближе остального. Семейство Кукро имело полное право думать иначе и брать вину за случившееся на себя. Гордиан с Тандри явно вынашивали на этот счёт свою собственную теорию, которой ни с кем не делились, да мы и не настаивали.

Дорожная беседа нет-нет да и скатывалась к обсуждению изменения нравов не в лучшую сторону. Наши пожилые попутчики сетовали, мол, в пору их молодости подобная наглость была просто немыслима. Воровство, конечно, существовало, но совсем мелкое и безопасное, на уровне карманных краж где-нибудь на рынке дерзкими подростками причём не столько ради обогащения, сколько из желания себя проявить хотя бы таким дурацким способом. Взрослым бы даже в голову не пришло вооружаться и ехать за кем-то через пол-острова, причём не для себя, а по чьему-то наущению. Я слушал и понимал, что на самом деле ничего так трагически не изменилось: охотиться за сумками с деньгами не для себя выглядело, действительно,

²⁴ Имеется в виду порода лошадей

глупо, зато, если истинной целью были вовсе не сбережения стариков, а странная древняя реликвия, то всё выглядело вполне логично как сегодня, так и много лет назад. Переглядываясь с Василикой, я думал о том, что теперь с этой находкой делать. Изначально мне мыслилось превратить её в живую достопримечательность и центр нашей конторской коллекции, показывая туристам, чтобы им тем сильнее хотелось отправиться на Рару посмотреть пещеру, а фотографии срочно разместить на сайте в обрамлении истории про подземного червя и появление Сварта с Локой. Теперь эти планы выглядели смехотворными. Если близнецам и Уитни тот же Кагрин сотоварищи в результате дознания не придавят хвосты, они того и гляди наведаются к нам в деревню и учинят погром со смертоубийством. Виновником же этого буду я. Потому что утаил правду и никого не предупредил. А не предупредил потому, что побоялся упрёков матери с отцом и насмешек окружающих. Носится, понимаешь, с какой-то железкой, которую невесть где взял, и рассказывает, что она чуть ли не волшебная. Нет, молчать, молчать, только молчать и не терять бдительность! Реликвию надо для начала припрятать от посторонних глаз, а историю в картинках на сайте представить так, будто крышка на саркофаге была сдвинута кем-то до нас, а сам саркофаг – пуст. Нужно только подговорить Лукаса и отца Василики придерживаться той же версии. Не было там ничего. Что было, то сплыло, мы ничего такого не знаем, не видели, не трогали. И лишь когда станет доподлинно известно о приговоре, вынесенном близнецам и их вдохновительнице (в его жёсткости я не сомневался), только тогда можно будет подумать о том, чтобы досказать оставшуюся часть истории. Обстановка в зилоте не позволяла обсудить это с Василикой, отчего я вынужден был напрягаться и вести себя слегка рассеянно, заставив сестру поинтересоваться, уж ни укачивает ли меня. Я отшутился, а вот наша дама явно снова переоценила свои силы и большую часть пути продолжала лежать, извините за выражение, бревном, позабыв свои благородные поползновения нас кормить. К счастью, об этом не забыл её муж, который с хозяйским видом то и дело угощал нас чем-нибудь из их общей котомки. Их сын после ночи выглядел вполне пришедшим в себя, что не могло ни радовать.

Мне это семейство со временем нравилось всё больше и больше, так что я мысленно желал смелому парню скорейшего выздоровления. Слово за слово, они разговорились, и после очередного вопроса моей сестры выяснилось, что Кукро собирается поступать в университет на механический. У него, оказывается, с детства задатки технического гения (по словам родителей), благодаря которым он сначала ломал подряд все игрушки, которые ему дарили, а потом стал собирать такие замечательные штуки, что быстро прославился в Рару, и вот уже почти два года, как нет отбоя от желающих что-нибудь починить или сконструировать. Кстати, в университет его тоже «позвали», иначе говоря, он даже никаких экзаменов сдавать не будет, потому что тамошние профессора уже видели его в деле: одному из них, который летом приезжал в Рару к родственникам, он так модернизировал велосипед (а надо сказать, после лошадей и зилотов велосипед – излюбленное средство передвижения у нас на острове, причём особенно распространённое в среде «очкариков»), что тот, сам будучи механиком-практиком, пришёл в восторг от дополнительных скоростей и нового выноса седла, изменявшего посадку настолько, что долгое кручение педалей превращалось в «расслабляющее сидение на диване». А когда Кукро продемонстрировал разомлевшему профессору велосипед, который смастерил из металлолома для себя, тот пришёл в такой восторг, что обещал посодействовать приёму парня на факультет без лишних проволочек.

Едва ли мне стоит пояснять, что наш университет и фрисландское образование в целом направлены на сугубо практическое применение знаний. Поэтому у нас там нет никаких философских или исторических факультетов, не говоря уж о филологии и какой-нибудь юриспруденции, зато превосходно развиты биология, химия, геология и инженерия, которую мы и называем «механикой». Сопутствующие дисциплины вроде чтения и математики проходятся за три года в школе, и этого вполне достаточно, чтобы желающие могли развиваться дальше,

а не желающие – посвящать жизнь охоте, рыболовству и прочим не менее важным в нашей островной жизни профессиям. Если вам показалось, что я забыл такой предмет как физику, то практические аспекты применения некоторых её законов – температура, давление, плотность – рассматриваются в рамках инженерии, а остальное в силу излишности опускается. Мне самому трёх лет в школе вполне хватило, чтобы осознать любовь к книгам и продолжить обучение самостоятельно, о чём я уже рассказывал выше. Думаю, Кукро тоже мог бы совершенствоваться в своих навыках без помощи профессоров, но его тянуло именно в университет, и родители, конечно, не могли отказать любимому и единственному отпрыску, который тоже решительно пошёл на необходимые жертвы и частично поучаствовал в позвякивающей сейчас в сумках сумме: он через силу, но всё же продал свой безподобный велосипед, пообещав себе, что со временем сделает ещё лучше. Гордиан университетскую жизнь знал неплохо, парень ему тоже явно нравился, поэтому в итоге он запанибратски предложил Кукро любую необходимую помощь. Тандри мужа охотно поддержала и даже сказала, что до покупки собственного жилья они всем семейством могут остановиться у них дома, что было по-настоящему широким жестом с её стороны, поскольку моя сестра известна определённой щепетильностью в вопросах дружбы. Я, например, после свадьбы бывал в их огромном доме всего раз или два. Не потому, естественно, что меня кто-то не пускал, я был занят и находился в постоянных разъездах, однако, думаю, и наши родители не слишком часто её там навещали. Всё-таки хошь не хошь, а фамилия Нарди предполагала определённую дистанцию. Я мог лишь предполагать, что теперь, когда у них появится долгожданный внук, они станут навещаться к дочери и зятю значительно чаще. Размышления о семье вернули меня к нашим отношениям с Василикой.

Сейчас, слушая разговоры окружающих, она улыбалась и хитро поглядывала на меня, а я вспоминал её совсем другой, какой увидел этой ночью, когда проснулся оттого, что почувствовал: по нашей спальне кто-то ходит. Открыв глаза, я увидел её силуэт напротив не зашторенного окна и понял, что она, как говорится, в чём мать родила. Широкие плечи, большая грудь, узкая талия, покатые бёдра – всё такое, каким я себе воображал. Сперва я решил, что она идёт ко мне, чтобы забраться под одеяло и спровоцировать непоправимые последствия, однако шла она не крадучись, с прямой спиной, да и шла не к кровати, а мимо. От неожиданности я привстал на локте и некоторое время наблюдал, как она, едва слышно шаркая босыми ногами по доскам пола, медленно разворачивается по кругу и идёт в обратном направлении. Догадавшись, что передо мной сомнамбула, я очень осторожно соскользнул с кровати и приблизился к ней. Приблизился настолько непозволительно, что ощутил исходящее от её тела тепло и уловил приятный травяной аромат похожий на тот, какой поднимается над цветочным лугом сразу после сильного дождя. Глаза её, как я и подозревал, были закрыты: ресницы чуть подрагивали, но веки не поднимались. Я назвал Василику по имени. Она не откликнулась и не проснулась, продолжая совершать своё монотонное хождение вокруг комнаты. Я отступил, снова сел на свою кровать и некоторое время просто любовался совершенством её линий. В конце концов, она сама остановилась, повернулась, легла, с глубоким вздохом накрылась одеялом и преспокойно заснула до утра. Я же долго ворочался, силясь понять, чему стал свидетелем. Вообще-то хождение во сне никогда не было для меня чем-то невероятным. Мать со слов бабушки рассказывала, что я в два или три года тоже бывало вставал ночью, и если бы на моём пути ни оказывалась закрытая дверь, выходил бы на улицу. Я ничего такого за собой не замечал, но верил, что это могло быть. Сон вообще штука загадочная и никогда никем до конца не объяснённая. Признаться, в случае с Василикой я до самого завтрака тешил себя предположением, что она сделала это специально, чтобы лишний раз покрасоваться передо мной, коль скоро в яви я упорно демонстрировал приверженность мужским принципам и стойкость. За завтраком я не стерпел и всё ей рассказал. В том смысле, что видел, как она ходит во сне. Про свои догадки – ни слова. Хотел пронаблюдать за её реакцией. Василика в ответ спросила, не испугала ли меня, а когда я заверил её, мол, никоим образом, поскольку считаю

сомнамбулизм вполне естественным поведением у людей творческих, призналась, что такое с ней иногда случается после падения. Речь шла о её падении с дерева в детстве. Она даже позволила мне протянуть руку через стол и потрогать маленькую шишку, сохранившуюся у неё с тех пор за левым ухом на уровне виска. Ей тогда было лет семь, она полезла на дерево после дождя, не рассчитала, мокрая кора выскользнула из-под ноги, и в результате она какое-то время пролежала под деревом без сознания. Всё обошлось, её обнаружила мать и выходила на пару с бабушкой, однако именно с тех пор Василику время от времени посещали видения не то будущего, не то прошлого, а по ночам, да, увы, она иногда встаёт и ходит, не просыпаясь. Я снова постарался дать понять, что не вижу в лунатизме недуга, и сослался на собственный опыт. По глазам Василики я понял, что она не слишком мне поверила. С другой стороны, она наверняка не могла не отметить того обычно располагающего женщин факта, что я даже в столь щепетильном вопросе остался с ней до конца честен и пошёл на откровенный разговор, рискуя подпортить ещё не окрепшие отношения. Вообще же я всё чаще замечал, что веду себя с ней совсем не так, как обычно позволял себе вести с понравившейся мне девушкой. Я будто проверял её, а заодно и себя. Раньше даже с Ингрид мне бы такое и в голову не пришло, а если бы пришло, я бы струхнул, чтобы не спугнуть надежду на взаимность. С Василикой всё было совершенно иначе, причём я не понимал, хорошо это или плохо, правильно или ошибочно. Так просто должно было быть.

После нескольких часов безостановочной езды мы порядком подустали, разговоры сами собой сошли на нет, кое-кто задремал. Кучер предупредил, что если мы не имеем ничего против, то он готов попробовать наверстать упущенное время и берётся доставить нас в Окибар до темноты. Как я скоро понял, он собирался выполнить своё обещание, довольно ощутимо прибавив в скорости. В зилоте это почти не чувствовалось: дорога тянулась прямая, завалиться набок при повороте мы не могли, рессоры работали исправно, и над всеми камушками и рытвинами мы, наоборот, проносились почти незаметно. Единственную короткую остановку сделали хорошо после полудня – ноги размять да перекусить. Мы с Василикой воспользовались случаем и под предлогом того, что у нас с собой много всякого вкусного, попросились к нашему кучеру на козлы. Вообще-то там места для двоих, но когда он подобрал шубу, выяснилось, что мы вполне умещаемся. Единственным его условием было, что сидеть он останется посередине. Я втиснулся слева, Василика – справа. Поначалу мы оба пожалели о содеянном, потому что после тёплого, пусть и душноватого салона зилота сидение на открытых козлах, обдуваемых встречным ветром, показалось нам забавой не из приятных. Холодный воздух душил и заставлял захлёбываться. Не сговариваясь, мы посмотрели на нашего соседа, которого, как скоро выяснилось, звали просто Джоном, и увидели, что он наклоняет голову и прячет нижнюю часть лица под высокий ворот. Последовав его примеру, мы убедились в том, что опыт – вещь надёжная. Теперь осталось привыкнуть к ветру глазами и почаще смаргивать наворачивающиеся сами собой слёзы.

– А что, специальных кабинок для кучеров не предусмотрено из принципа? – поинтересовался я.

– Как ты это себе представляешь? – Джон ко всем в нашей кампании обращался на ты.

– Ну, не знаю, сделать из прозрачного пластика лобовое стекло, в нём прорези, через прорези пропустить вожжи...

– Здорово! – Джон хохотнул. – А кнут приладить к педальному управлению, чтобы ногой нажимать.

– Вроде того. – Я понял, что сморозил глупость, однако неудобство открытого сидения гнало мою мысль дальше. – Неужели никто ни из конюхов, ни из кузнецов никогда ничего подобного не предлагал? Сейчас ещё ладно, а зимой?..

– Хорошо зимой, – оскалился мой собеседник, не стесняясь отсутствия, по меньшей мере, двух зубов. – Укутался потеплее, прикрикнул на жопастых, и давай себе вскользь

по снежку да на саночках. Я зиму больше даже люблю. Летом, правда, тоже хорошо: жарко не бывает, ветерок приятный. Когда точно плохо, так это в дождь.

– Вот и я об этом! Нужна же какая-то крыша над головой.

– Крыша есть, – сказал Джон, показывая кнутом у себя над головой на гармошку из брезента. – Только при быстрой езде не помогает, паскуда.

– А почему вы стали кучером? – вмешалась с довольно неожиданным вопросом Василика.

Я бы сам такого никогда не спросил, поскольку привык воспринимать то, чем занимаются люди, как данность: если кучер, значит, кучер, если охотник – охотник. Но ведь, действительно, каждый приходит к тому, чем занимается по жизни, не просто так, а в результате каких-то событий, будь то по умыслу или в силу совпадений. Мне, правда, трудно себе представить, кем бы я был, если бы не занимался тем, чем занимаюсь, хотя, если разобраться, виной тому – соседство Кроули. Не будь его, я бы и не подумал о том, чтобы изучать историю и географию нашего острова и водить по нему группы заинтересованных людей, которые готовы за это платить. Промышлял бы, как отец Василики, рыбной ловлей, охотился с отцом, глядишь, уже бы семьёй давно обзавёлся...

– Вообще-то я недавно этим делом занимаюсь, – ещё более неожиданно признался Джон. – Просто лошадей люблю. Да и куда мне ещё с такой физиономией податься?

– А что с физиономией? – искренне не поняла Василика.

И тут наш Харон²⁵ ни с того ни с сего расчувствовался и поведал нам свою непростую историю жизни. Сейчас, когда я это вспоминаю, мне по-прежнему непонятно, как так получилось. Видимо, сама необычность обстановки и наше внимательное молчание произвели на него должное впечатление и заставили разоткровенничаться. Говорил он довольно сбивчиво, поэтому воспроизвести здесь его речь я при всём желании не смогу, но суть помню достаточно хорошо, чтобы в нескольких предложениях суммировать почти час нашего тогдашнего разговора. Родился Джон на западе, в Санестоле, откуда уже через несколько лет был увезён матерью на большую землю, в Англию, поскольку родители его устали от постоянных домашних скандалов и решили расстаться. Собственно, в Англии он и получил своё имя. При рождении его назвали Бронни, однако поскольку такова была воля отца, матери оно быстро разонравилось, и когда они вдвоём обосновались на новой родине, она заставила сына стать обычным Джоном. Вообще-то обосновались они втроём, так как мать недолго проходила «в девицах»: к ней посватался хозяин того питейного заведения, куда она опрометчиво устроилась подрабатывать официанткой, а поскольку на горизонте других предложений не было, она быстро согласилась. Джон отчима невзлюбил. Тот казался ему слишком старым и слишком наглым. Мать, когда он пытался ей на это указать, только цыкала, злилась и говорила, что он ничего не понимает и что ему вообще лучше заниматься уроками, а не лезть не в свои дела. Чем-чем, а уроками Джон хотел заниматься меньше всего. В школу он ходил исключительно потому, что там можно было подраться. Повод не имел значения. В младших классах это была его щуплость и небольшой рост. В классах постарше – девочки. Сперва лупили его, но довольно скоро роли поменялись. Район, где они жили, был не слишком благополучный, и ему не составило большого труда найти ребят, которые, промышляя мелким воровством, в свободное время ходили в подвальный зальчик, где старый боксёр по кличке Хук за бутылку чего-нибудь покрепче учил их всяким разным бойцовским приёмчикам. Жили они тогда в городке Честер, что почти на границе с Уэльсом, одном из немногих, до сих пор обнесённом крепостной стеной. На этой самой стене произошла та злосчастная драка, в которой по злосчастному недоразумению погиб один из его приятелей, оступившийся и сорвавшийся на булыжники мостовой. Виновных вычислить не смогли, однако парень оказался племянником начальника местной полиции, так

²⁵ Мифологический перевозчик через Стикс – реку мёртвых.

что досталось всем без разбора. Джона и его подельников упекли в нечто вроде исправительной колонии для малолетних. В этом месте мне пришлось его прервать и пояснить Василике, что на континенте с преступниками борются тем, что сажают их в тюрьмы, откуда они не могут выйти в течение разных сроков, пока всё государство оплачивает их тамошнее пребывание, кормит и поит. Если же преступники там трудятся, то им ещё и деньги какие-то платят. Василика удивилась, но Джон подтвердил правоту моих слов и продолжил свой рассказ. Там, где он провёл почти два года, считалось не тюрьмой в буквальном смысле, однако приятного для подростка в жизни по правилам зверинца было мало. Учёбу он, понятное дело, забросил, зато среди его дружков по несчастью оказалось несколько азиатов, один из которых до посадки тренировался в клубе восточных боевых искусств и неплохо работал ногами. Свободного времени было довольно много, ребята его не теряли и постоянно занимались, оттачивая друг на друге кто что умел. За весь срок мать ни разу Джона не навестила. Когда же он в конце концов вышел на свободу, проведя за решёткой меньше, чем полагалось, поскольку выяснились какие-то смягчающие обстоятельства, то поехал не домой в Честер, а последовал совету своего азиатского приятеля и отправился напрямик в Лондон, где отыскал клуб, передал кому надо привет, и был зачислен в команду. Понимать это надо было так, что клуб оказался не шарашкиной конторой, а вполне серьёзной организацией, где проявившие себя перспективными бойцами ребята получали поддержку, включая финансовую, тренировались, даже жили и столовались, но за это должны были участвовать в различных турнирах, как легальных так и полулегальных, отрабатывая постой синяками, потом и кровью. Это было всё-таки лучше тюрьмы и уж тем более лучше «отчего» дома. Кроме того, дела у Джона пошли на удивление хорошо, он открыл в себе новые стороны, увлечённо занимался и постепенно стал уверенно побеждать многочисленных противников. Его заметили, в клубе появились важные дядечки в костюмах, и в итоге он оказался проданным новым хозяевам, как позже выяснилось, американцам, которые увезли его к себе.

– Вы были в Америке?! – восхитилась Василика, памятуя о так захвативших её рассказах Гордиана.

– Я не только был в Америке, детка, я отымел Америку, – не слишком галантно ответил Джон, и я впервые увидел, как он улыбается. Улыбка заставила меня поверить в то, что он не шутит.

Высказывание его означало, что на протяжении пяти с лишним последующих лет он постоянно дрался на ринге и в октагоне по разным правилам так называемых смешанных единоборств и, по его словам, всякий раз выходил победителем. Я прикинул то, что знал по этому поводу, и пришёл к выводу, что он должен был неплохо зарабатывать. Поинтересовался, так ли это. Он сказал, что не просто так, а очень даже так. Он мог позволить себе жить в роскошном доме, имел в гараже машины на каждый день недели, поддерживал тесные отношения с призёрами конкурсов красоты и ни в чём себе не отказывал. У него даже было своё небольшое ранчо в Калифорнии, где он в качестве любимого хобби разводил лошадей. Его настолько увлекли воспоминания, что мне стало казаться, будто шуба рядом с нами пуста и что её обладатель сейчас там, в Америке, среди своих богатств, лежит в шезлонге на краю голубого тёплого бассейна, попивает через жёлтую соломинку коктейли и разглядывает поверх солнечных очков лоснящиеся формы загорелых русалок.

– Что же произошло? – уронила его с небес на землю Василика.

– А произошло то, что рано или поздно должно было произойти...

Джон получил травму. Причём не в схватке, а на тренировке. Потом ещё одну. И ещё. Потом проиграл бой, второй, третий. Внезапно выяснилось, что за всё нужно платить, а платить нечем. Закончились рекламные контракты. Его никто больше не спонсировал. О нем в одночасье взяли и забыли. Это было страшно. Он хотел начать распродавать имущество, но тут выяснилось, что по каким-то так ихним законам оно ему и так больше не принадлежит, а пере-

ходит в собственность банка, где у него был зачем-то открыт счёт. В итоге его ободрали, как липку. Дошло до того, что Джон обнаружил себя в не шезлонге у бассейна, а не пойми в чём и не пойми где лежащим на земле под открытым небом и сжимающим в руке недопитую бутылку с пахучей гадостью. Так он лежал, таращился на равнодушные облака, и ему пришёл на ум странный вопрос: «Почему я до сих пор жив?». Почему не последовал примеру многих себе подобных и не свёл счёты с жизнью? Что удержало? И тогда он вспомнил про родной остров, где не был с самого детства. Не Англию, не мать, а именно Фрисландию. Он понял, что от последнего поступка его крепко удерживало то, что один американский писатель называл «зовом предков». А когда он это понял, пути назад уже не было. Вернее, не было ничего, кроме пути назад. Чтобы наскрести на билет в один конец, он пошёл на преступление и ограбил дом управляющего того самого банка, который лишил его всего. С чувством выполненного долга он, не теряя времени, погрузился на самолёт и через несколько часов приземлился в аэропорту Рейкьявика. Уже там, в Исландии, он почувствовал себя гораздо лучше. А когда на исходе следующих суток сошёл с корабля на родную землю, разрыдался от счастья и поклялся никогда больше её не покидать. Блудный сын отыскал постаревшего отца, который так и не женился повторно, зато, вы не поверите, занялся разведением лошадей. Он принял сына, помог снова встать на ноги, и вот теперь, когда отца уже нет в живых, Джон по-своему продолжает их семейное начинание, занимаясь извозом на собственном зилоте, запряжённым собственными кобылами. Не ахти как прибыльно, но вольному воля, да и добрым людям помощь.

Пока Джон всё это нам рассказывал, я вспоминал, как он недавно прыгал между деревьями с ружьишком, без малейшего зазрения совести и без страха паля по стрелявшим во все стороны врагам. Обычный наш мужик, который живёт по совести и никого не трогает до тех самых пор, пока ни тронут его или при нём. Я ни секунды не сомневался, что история его жизни – полнейшая правда. Вот только интересно понять: он там поначалу резко выделился, а потом так же резко не прижился. Из-за чего? Я чувствовал, что виноваты фрисландские корни, вот только в чём: в первом или во втором? Меня этот вопрос раньше никогда не волновал, но в дорожных разговорах сперва с Гордианом, а теперь с кучером я начал невольно примерять на себя их судьбу, точнее, ту её часть, которая была связана с жизнью в других странах. Смог бы я так же? Стану ли уезжать, если представится такая возможность? Достаточно ли мне того, что я имею здесь? За Джона выбор сделала его мать. Гордиан мотанул в Штаты по собственному почину, за специальным образованием. В итоге оба вернулись с багажом, вероятно, весьма ценных знаний, однако вернулись, как и мой родной дед. Стоит ли мне как-нибудь попробовать нечто подобное? Или никуда не рвущиеся отец с матерью – более достойный пример? Я не знал. Я только чувствовал, если так можно выразиться, две вещи: что меня тянет в странствия и что долго быть оторванным от нашего острова я не смогу.

Хорошая погода в тот день продержалась до самого вечера. Как я уже, кажется, говорил, притом, что Фрисландия вообще-то маленькая, разница в климате между её севером и югом довольно ощутимая. Когда после короткой стоянки мы с Василикой, поблагодарив Джона за приятно проведённое в его кампании время, пересели к нашим спутникам, я завёл разговор на эту тему, и все на удивление охотно её подхватили. Мы, конечно, не англичане, однако за неимением ничего лучшего, всегда готовы с удовольствием порассуждать о погоде и при этом проявляем завидное единство взглядов, поскольку ни один северянин не станет спорить с южанином о том, что погода на севере лучше погоды на юге. Это само собой. Интерес в, казалось бы, столь односторонней беседе возникает из-за того, что северяне, в отличие от южан, соглашаясь в целом, умеют указать на отдельные детали, которые показывают выгоды именно северного климата. Правда, в нашем случае никакого серьёзного разногласия не возникло, так как Кукро уже мыслил себя почти южанином, а его родители (кстати, его мать настолько свыклась с ездой, что то и дело оживала и принимала участие в нашем разговоре) из солидарности с ним чаще соглашались с нами, нежели находили поводы перечить. Стоит ли говорить, что

мы мило коротали время, каждый по-своему стараясь забыть пережитые неприятности, когда Джон по собственному почину, а не по нашей просьбе остановил зилот и сообщил, что готов выслушать пожелания. Речь шла о выборе, который нам предстояло сделать и сделать незамедлительно: либо мы делаем привал ещё на одну ночь на постоялом дворе, который ждёт нас через милю, либо полагаемся на его, Джона, сноровку и нестибаемую выносливость лошадок, и смело едем в ночь, чтобы попытаться добраться до Окибара ещё сегодня. Мужчины дружно замолчали, предоставив выбор нашим спутницам. Василика сказала, что нужно ехать. Тандри её поддержала. Мать Кукро была явно не в восторге, поскольку Джон предсказывал ещё часа три с лишним постоянной езды, однако вслух возражать не стала, и мы самоотверженно тронулись дальше. На месте Василики я бы не стал так рваться в Окибар. Вероятно, она не представляла себе, что нам ещё предстоит поездка до моей деревни, а среди ночи, даже южной, не так-то просто найти попутку. И тут неожиданно-негаданно сказал своё слово Гордиан. А слово его заключалось в том, что сегодня все ночуют у них. Я понял, что гостеприимство Тандри, пригласившей всё семейство наших попутчиков остановиться у них на неопределённый срок, не давало ему покоя, а после дилеммы, озвученной Джоном, как раз подвернулся случай доказать жене, что он тоже не лыком шит и думает о ближних. Тандри, конечно, мужа поддержала и обняла Василику как лучшую подругу. Я смотрел на них, улыбался и в душе очень надеялся на то, что всё это искренне.

Чтобы скоротать оставшееся время, расскажу-ка я вам пока о том, что собой представляют наши города и в особенности Окибар. Ясное дело, если вы приехали к нам из Парижа либо Лондона, то города как такового можете вообще не заметить. Мне даже приходилось слышать от наших туристов с континента фразы типа «крепостишка с домишками». Говорили они это тихо, чтобы никого не обидеть, но я бы и не обиделся, потому что они, конечно, правы. Городами мы называем поселение, центром которого, действительно, выступает крепость. Или хотя бы её остатки. Как в Окибаре, где каменная кладка стены в почти не тронутым виде сохранилась на протяжении двухсот шагов, а остальное скрыто и разобрано. Поскольку до нас дошли именно каменные крепости, меня давно точило подозрение, что они не такие древние, как я рассказывал нашим гостям. Древние были бы деревянными, но таких не осталось вовсе. Исчезновение деревянных построек во всём мире принято списывать на пожары. Трудно не согласиться. Правда, у нас каждый пожар на счету, и, кроме событий «войны Кнут-Кнута», никаких рассказов о существенных потерях зданий в пламени лично мне не попадалось. Это я всё к тому, что доподлинной даты постройки крепостей вы от меня не ждите. Вера в изустную традицию и отсутствие летописей датировку только усложняют. Поэтому для себя и своих слушателей я придумал хитрую систему, позволяющую мне не привязываться к столетиям и годам: о становлении каждого города я рассказываю, основываясь на существующих мифах и легендах. Можно им верить, можно подсмеиваться, но с меня взятки гладки. Что касается непосредственно Окибара, то из многих сказов и сказок я выбрал один миф и одну легенду. Разница, как вы, должно быть, понимаете, в том, что миф – это сказка о том, во что хочется верить, но чего явно не происходило, во всяком случае, в том виде, в каком она до нас дошла, а легенда – это сказание, в котором действуют вполне реальные персонажи, правда, тоже не всегда доказуемые исторически. Так вот, почти все наши немногочисленные города овеяны легендами, однако не про все сложены мифы. Окибар – занятное исключение. В основе его зарождения лежит и миф, и легенда. Если рассматривать миф, то дело было так. Всё тот же знакомый нам по рассказу Уитни земляной червь Ибини повадился нападать на обитателей Фрисландии, особенно на тех, кто жили на побережье. Теперь, вспоминая эту легенду, я думаю, что речь идёт о том времени, когда он вернулся из океана на заселённый потомками Сварта и Локи остров, хотя раньше я как-то не придавал большого значения датировкам, поскольку вообще-то о заселении Фрисландии у нас бытует несколько легенд, причём разных. Что и понятно, если принимать во внимание многочисленность этапов этого самого заселения силами совер-

шенно чуждых народов, каждый из которых принёс свою «правду» и географически занял относительно удалённые друг от друга места, прежде чем объединиться и стать тем единым сообществом, которое мы являем собой сегодня. Но вернёмся к мифу. Окибаром звали доблестного богатыря, который решил победить прожорливого червя. Как-то раз, когда Ибини по своему обыкновению подплыл к берегам Фрисландии, он с удивлением увидел сидящего на камнях у самой воды безоружного человека, который не только не выказывал признаков страха, но даже не обращал на чудовище внимания. Поражённый Ибини не стал сразу набрасываться на жертву, как делал обычно, а поинтересовался, почему Окибар не бежит от него. «А что мне от тебя бежать?», отвечал ему богатырь, «Ты червяк и коротышка. Я тебя одним махом убить могу». «Это я то коротышка!», обиделся червяк, ударил хвостом по воде, и волна от этого удара дошла до берега только к вечеру. Тут я не готов спорить, если кто мне возразит, что едва ли и червь, и Окибар стали бы так долго ждать, но миф есть миф, слов не выкинешь. А богатырь наш ухом не повёл, только ухмыльнулся и показал пальцем в небо. «Вот», говорит, «ежели сможешь достать до купола и утащить из чертогов Создателей Миров какую-нибудь вещицу, которой у нас на земле нет, тогда, так и быть – поверю, что ты гигант, и сражусь». Ибини сильно разозлился, однако Окибар его не боялся, и пришлось червя доказывать, что он настоящее чудовище. А богатырь всё смотрел на то, как вытягивается из воды тело червя, тянувшегося к высокому небу, и посмеивался в бороду. И если поначалу Ибини был такой толщины, что мог бы запросто проглотить четверых коней, стоящих рядом, то постепенно он становился всё тоньше и тоньше, а когда до купола оставалось всего ничего, Окибар вынул из-за пояса охотничий нож и без труда перерезал червя, который стал к тому времени не толще сосновой иголки. Так хитрый Окибар победил глупого Ибини, спас Фрисландию, и в честь него назвали наш южный город. Причём у этого мифа есть коротенькое, но важное продолжение, поскольку оказалось, что червяк успел-таки дотянуться до покоев Создателей Миров, и когда Окибар его убил, он как раз тащил в зубах Неведомое, чего у нас отродясь не видавали. Ибини от боли распахнул пасть, и Неведомое провалилось через дырку в куполе, полетело вниз и врезалось метеоритом в землю. Именно на месте его падения благодарные потомки построили первую крепость и назвали её в честь Окибара. Когда туристы спрашивают меня, что это было, я заговорчески, почти как Окибар, улыбаюсь и веду их в Старый Замок, стоящий посреди бывшей крепости. Это довольно красивое сооружение с колоннами и арками, слегка напоминающее подобное ему в итальянской Флоренции, только выглядящее значительно старше. Возможно, потому, что флорентинцы свой Палаццо Веккьо иногда реставрируют, а мы нет. И вот там, посреди центральной залы, в полу, я показываю им отверстие, через которое, если лечь и заглянуть внутрь, можно увидеть при свете подвальных свечей здоровенный кусок оплавленного железа. Благодаря свечам и необходимости ложиться на пол кусок этот на всех производит довольно сильное впечатление. Для его усиления я вынимаю из кармана обыкновенный компас и показываю всем желающим, что северная стрелка на площади всей залы отказывается искать север и поворачивается исключительно к камню, точнее, к метеориту. Некоторые туристы спрашивают, почему мы продолжаем называть его Неведомым, если это обычное метеоритное железо, обладающее магнитными свойствами. У меня ответа нет. Просто нам так нравится. Хотя сегодня мы, разумеется, понимаем, что картина падающего с неба метеорита и тянувшегося за ним длинного огненного хоста, скорее всего, и подвигла наших предков к сочинению мифа о черве. До встречи с Уитни я, кстати, про него больше не слышал и даже не подозревал, что его звали Ибини. Таков был миф. Легенда же повествует о том, как в наших краях давным-давно сошли на берег со своих не то дромонах, не то килсов, не то холков, не то нейвов, одним словом, быстроходных деревянных кораблей ирландские вожди с дружинами и первым делом разбили лагерь, чтобы вторым делом отвоевать эту часть суши у любого, кто попытается указать им путь обратно. Если бы они высадились севернее, вряд ли в то время там нашёлся кто-нибудь, кто стал бы им перечить, но они облюбовали юг, и за него надо было ещё посра-

жаться. Не прошло и ночи, как пятеро дружинников, коротавших время в карауле у костров, были найдены со стрелами у кого в спине, у кого в груди, у кого в шее. Протрубили тревогу, однако нигде никого не нашли. Осмотр стрел ничего не дал: стрелы как стрелы, разве что наконечники не каменные, и не железные, а костяные. На вторую ночь расставили больше постов, однако под утро история повторилась с той лишь разницей, что тела ещё пятерых дружинников оказались подвешенными за шеи на суках. Вожди собрали совет и стали решать, как быть. Один сказал, что нужно срочно бежать из этих проклятых мест и вообще возвращаться домой. Другой согласился с тем, чтобы свернуть лагерь, однако лишь затем, чтобы пройти вглубь острова и там разбить новый. Третий вождь предложил разделить дружины поровну, оставить одну половину в лагере, а вторую отправить на поиски невидимого врага. Наконец, четвёртый вождь сказал, что ничего делать не надо, кроме как всем провести следующую ночь без сна и посмотреть, что из этого выйдет. Тут я обычно спрашивал своих слушателей, чьё предложение, как им кажется, было принято. Мнения всегда разделялись, а правыми оказывались те, кто соглашался с четвёртым вождём. Воины провели без сна всю ночь, и ничего не произошло: к утру все были целы и невредимы. Решили продержаться и вторую ночь. И снова никого не убили. Зато к концу третьего дня все были настолько обессилены вынужденной бессонницей и постоянной бдительностью, что многие, не дожидаясь темноты, легли, где стояли, и заснули. Наутро стало ясно, что план провалился: те, кто остались коротать третью ночь у костров, просто исчезли без следа. Вожди снова собрались на совет. Первый уже не говорил, а умолял своих братьев одуматься и бежать с острова. Второй настаивал на походе дальше. Третий по-прежнему предлагал разделиться. Четвёртый вождь не сказал ничего, потому что той ночью он тоже пропал. В этом месте я опять обращался к своей группе, и наиболее проникательные со смехом выдвигали предположение, что на сей раз ирландцы пошли по третьему пути. Так оно и было. Двое вождей, первый и третий, остались с дружинами сторожить лагерь, а второй, самый отважный, углубился в лес. Больше его никто не видел. И вовсе не потому, что он не вернулся, а потому, что когда он, напротив, вернулся несколькими днями позже с известием, что ему и его дружине удалось не только выжить в лесу, но и отбить там у врага добротную деревянную крепостишку, его встретили тишина и безлюдье: оставленный лагерь был пуст. Вождь сперва подумал, что товарищи его бросили и всё-таки сбежали от греха подальше, однако остовы сожжённых у берега кораблей красноречиво рассеивали эти подозрения. Тогда потрясённый до глубины души вождь вернулся в свою крепость и зарёкся рано или поздно разгадать тайну гибели товарищей. Крепость же, как вы, вероятно, уже поняли, и стала прообразом нашего Окибара, в названии которого безошибочно угадывается *oaky bar*, то есть «дубовая балка», хотя, насколько мне известно по разговорам с Кроули, на ирландском «дуб» вовсе не *oak*, а *dair*. Так что, возможно, уцелевшие колонисты были совсем даже не ирландцами, но выдававшими себя за них англичанами. Примечательно, что тайна так и осталась тайной, хотя ходили и ходят множество предположений. На мой взгляд, это лишний раз доказывает, что упомянутая легенда не выдумана, а основана, как говорится, на реальных событиях. Иначе разгадка была бы обязательно предложена. Звучали объяснения, конечно, и в этом случае, причём самые разные и противоречивые. Начиная с того, что всё было подстроено тем вождём, который исчез из лагеря первым, и заканчивая, само собой, предположением о вмешательстве потусторонних сил, не допустивших инородцев. Почему потусторонние силы использовали стрелы с костяными наконечниками и в итоге один из четырёх отрядов всё же допустили, сторонники этой теории предпочитали не уточнять. Я в подобных случаях стараюсь ничью сторону не занимать и излагаю всё с оговоркой, мол, говорю, как слышал. Туристам нашим такой подход может не нравиться, но, с другой стороны, я же вижу, насколько сильнее действует недоговорённость. Один учитель истории из Германии приезжал к нам целых три раза и всякий раз подробно рассказывал мне, что ему удалось узнать. Он, оказывается, разрабатывал направление, которое назвал «прецедентной историей» и которое, ясное дело, зиждилось на понимании

исторических процессов через их повторяемость. Какой из всего этого прок, не знаю, однако ему такой подход представлялся единственно правильным, более того, он давал определённые результаты. Выяснилось, например, что схожие легенды свойственны некоторым островным племенам Индонезии и Багам. Думаю, это и понятно: они там постоянно мигрируют с острова на остров, вот и случаются всякие пропажи. Однако немец делал иные выводы относительно причин описанных событий. Он дотошно наложил на карту мира сетку с энергетическими точками Земли, называемыми то «местами силы», то «чакрами», и пришёл к глубокомысленному заключению о том, что наш Окибар находится рядом с одной из них. По его словам, ирландским завоевателям не повезло оказаться там в период повышенной активности Луны, и в итоге пострадал их рассудок. Немец был даже уверен в том, что они не только поубивали друг друга, но и в приступе отчаяния сами сожгли свои корабли. Выжили лишь те, кто успел уйти с того проклятого места. Я был рад за него. И за себя. Туристы, которые посещают нас по три раза, птицы редкие и крайне выгодные. Впоследствии мы списывались с ним через интернет, и он хвастался, что написал-таки книжку по своей теории и упомянул в ней Фрисландию как пример исторической схожести, вызванной условиями жизни. Едва ли он когда-нибудь получит за неё Нобелевскую премию, но мне было приятно. Сегодня я обязательно упоминаю об этом, когда слушатели настаивают на продолжении разговора о неудачливых ирландцах.

Когда подъезжаешь к Окибару, особенно ясной ночью, сначала над макушками деревьев возникает золотистое зарево. Помню, когда увидел его впервые, наивно решил, что это закат, о чём сказал вслух и тут же попал впросак, поскольку если на юг Солнце когда-то и закатывалось, то очень давно, в допотопные времена. Теперь всё чаще на запад. А если кроме шуток, то Окибар по праву считается самым ярким городом на острове. Старожилы считают, что это объясняется нашим врождённым желанием помогать морякам ориентироваться в прибрежных водах, хотя более научное объяснение связано с тем, что течение Южной реки мощнее остальных, и оттого турбины нашей станции по выработке электричества крутятся быстрее.

Как я уже сказал, города у нас строились вокруг крепостей. В Окибаре, кроме двухсот метров стены, с древних времён сохранилась центральная башня, отдалённо похожая на те странные каменные минареты, которые можно встретить и сегодня по всей Ирландии, как, например, в знаменитом местечке Глендалох, о чём я разговаривал с Кроули выше, когда, если помните, рассматривал его альбом. Наша башня тоже круглая, только гораздо шире ирландских и потому производит впечатление не ракеты, а скорее гигантского колодца или кружки. Как раньше, так и теперь там заседает совет старейшин. Несколько раз мне удавалось договариваться и проводить в ней экскурсии, а однажды нас там даже встретил сам Альберт Нарди, один из наиболее уважаемых патернусов и по совместительству дед Гордиана. Встреча была разыграна как случайность, Альберт Нарди оказался приятно удивлён интересом гостей и к зданию, и к происходящему в нём, так что, несмотря на преклонный возраст, взял у меня бразды правления и сам провёл нас по залам и лестницам, рассказывая и показывая наиболее примечательные, на его взгляд, места. Мы увидели не только Главную Залу, где принимались и принимаются многие судьбоносные решения, но также Залу Даров, Оружейную и Залу Свитков. В Зале Даров хранится, например, чаша, много лет назад подаренная Окибару исландским ярлом Инги Магнуссоном, поскольку именно здесь, у нас, а не на севере, вопреки правилам фолькерула, разрешился опасный конфликт между Фрисландией и нашим беспокойным соседом. В Оружейной собрана интересная коллекция луков, мечей и топоров, которыми наши предки отстаивали свою свободу. Отец мне рассказывал, будто один из тамошних мечей выкован моим прапрапрадедом, причём не по материнской, а именно по его линии. Не знаю, Альберт Нарди ничего такого не сказал, а я спросить постеснялся. Что касается Зала Свитков, то существование его вовсе не умаляет того факта, что мы практически лишены литературы и литературного языка, уповая на устную традицию. Среди так называемых «свитков» преобладают не столько летописи, как можно было бы подумать, сколько послания, полученные

советом от правительств других стран. На видном месте – документ, выданный американским военным правительством моему деду Бору в связи с получением звания и ордена во Второй мировой. Пока дед был жив, сертификат хранился у нас дома, но потом мать решила, что так память об её отце сохранится лучше. Альберт Нарди не преминул сообщить о моей шапочной причастности к победе над нацизмом, и слушатели даже поаплодировали. Вообще же дед Гордиана сам накануне предложил мне через Тандри завести мою группу в башню совета, когда узнал, что среди туристов будут не только двое бывших дипломатов из Англии, но и его, если можно так выразиться, коллега из Санестола, решивший прокатиться в наши края вместе со всем большим и шумным семейством. Старику зачем-то нужно было произвести на гостей определённое впечатление. Я у Тандри потом поинтересовался подробностями, однако она тоже их не знала. Могу лишь догадываться, что Альберту Нарди предстояло осуществить что-то важное в Санестоле, и он хотел заручиться знакомством и поддержкой. Кстати, упомянув сейчас эту фамилию и размышляя о наших городах, я прихожу к заключению, что их становление напрямую зависело от силы и могущества того или иного рода. Действительно, если, скажем Василикины Варга или мои Руvido не слишком выпячивали себя, им в прямом смысле слова «на роду было написано» жить до скончания века в деревне, тогда как те же Нарди, проявлявшие себя на протяжении истории громче и наглее, возвышались над городами или – ещё короче и точнее – над родами. Честно говоря, родословную семейства Нарди я знаю разве что понаслышке, но, как я уже упоминал, связь с полулегендарными римлянами-завоевателями делала их особенными среди равных. Достаточно сказать, что кто-нибудь из Нарди обязательно был патернусом в Окибаре. Они всегда что-нибудь возглавляли, кем-нибудь руководили, всегда были в гуще событий, чем упрочили свой авторитет неимоверно. Никому не казалось странным, почему у Нарди всегда не один, а много домов, причём самых больших и лучших, почему все вопросы торговли в городе решаются исключительно через них, почему именно они выступают крупнейшими частными заёмщиками даже в тех случаях, когда совет отказал просителям в помощи, наконец, почему они так часто повадились покидать наш остров и месяц, год, а то и несколько проводить на чужбине, набираясь уму-разуму и налаживая невидимые мосты. Если бы кто-нибудь, кроме Гордиана, взял в свои руки развитие у нас интернета, я бы очень удивился. Конечно, это мог бы быть его брат, его дядя или племянник, но обязательно Нарди. Ещё примечательнее то обстоятельство, что уже на моём веку влияние Нарди стало выплёскиваться за границы Окибара и проявлять себя в других городах, например, в Бондендии, где при непосредственном участии отца Гордиана (и сына Альберта) открылась верфь для изготовления дорогих деревянных яхт, заказы на которые приходили исключительно с большой земли. Известно, что в Бондендии лучшие столяры и плотники, а также, пожалуй, лучший на острове лес для корабельных дел, но каким боком там оказались Нарди? Я даже, помнится, как-то поддел на эту тему Гордиана, который не повёлся, а лишь заметил, что фолькерул «ограничивает юрисдикцию советов исключительно по вопросам судопроизводства и никак не регламентирует географию коммерческой активности». Так и сказал! Я настолько поразился, что запомнил всю формулировку слово в слово. Хотя, по сути, он был прав. Разумеется, прав. Нарди не ошибаются.

Вторым примечательным местом в Окибаре считается порт. Если вы внимательно читали легенду об ирландцах, то не могли не задаться вопросом, каким образом крепость, построенная вдали от берега, в лесу, смогла стать центром портового города. Ответ прост: потомки первых поселенцев пролив Анефес прокопали. Остров Монако, собственно, и был тем местом, где ирландцы высадились. Вероятно, когда начались работы, из сентиментальных соображений его решили оставить. Гейзеры, опять же. Вообще-то я не знаю, как тогда выглядела береговая линия. Возможно, это была узенькая коса, заканчивающаяся тем, что сегодня известно как Монако, и таким образом титанических трудов её разрушить не составило. Возможно, я ошибаюсь, и работа была проделана поистине гигантская. В любом случае сегодня мы имеем

дело с проливом и бухтой, которых природа не создавала. Все остальные города строились изначально на берегу. Именно поэтому они лишь незначительно дотягиваются до соседних лесов, тогда как наш первозданным лесом окружён с трёх сторон. По меркам Фрисландии порт у нас большой: длина причального фронта составляет больше километра. Глубина зависит от высоты прилива, которая колеблется, как и повсюду в наших северных широтах, от двух до четырёх метров. В малую воду глубина у причалов показывает порядка семи метров. В принципе порт рассчитан на одновременный приём дюжины небольших сухогрузов и рыболовных судов, правда, я не помню, чтобы когда-нибудь видел его заполненным под завязку. Недавно там открылись две неплохие харчевни с морской кухней, причиной чему, как я скромно считаю, стали визиты моих групп. Раньше, когда их не было, никто из местных по этому поводу не переживал, поскольку у нас вообще-то принято столоваться дома. Но трактир Кроули и еда моей матери производили на наших гостей такое благоприятное впечатление, что они, не найдя ничего подобного в столь важном месте, каким является порт, удивились, причём, вслух, кто-то их услышал, кому-то рассказал, и за несколько месяцев спрос родил предложение. Кстати, Нарди не имеют к этим харчевням ни малейшего отношения. Ими владеют представители другого влиятельного рода – Поджи. Тоже, разумеется, с римскими корнями. Про них я при случае как-нибудь ещё расскажу поподробнее, а пока вернусь в зилот, потому что мы почти доехали.

К исходу нашей утомительной поездки, пришедшемуся на позднюю ночь, все пассажиры, за исключением меня и отца Кукро, спали, безвольно раскачиваясь на сидениях. Поскольку я ехал спиной, приближение Окибара стало для меня приятной неожиданностью. Отец Кукро оживился, наклонился к окну, перехватил мой вопросительный взгляд и бодро кивнул, мол, приехали. И сразу, как по мановению волшебной палочки, дорога слева и справа ожила, нас стали встречать и обгонять другие зилоты, крики кучеров переплетались со шлепками хлыстов, лошади, которые больше не могли бежать так прытко, как привыкли, возбуждённо фыркали, колёса сплошным морским прибоем мололи многострадальный гравий, и спящие стали один за другим просыпаться, жмурясь на мелькающие за окнами огни. Гордиан зевнул, потянулся и в итоге сориентировался раньше остальных. Он приоткрыл окошко за спиной кучера и поинтересовался, куда тот намеревается нас доставить.

– За ваши деньги – куда желаете, – ответил тот и добавил: – Но вообще-то мой маршрут заканчивается, как всегда, на рыночной площади.

Поскольку все мы были приглашены ночевать сегодня у моей сестры, а жили они нельзя сказать, чтобы в центре, Гордиан закутался потеплее и перебрался на козлы, чтобы показывать дорогу. Зилот почти сразу резко свернул вправо, потом влево, наша укаченная дама охнула, но не успела ни пожаловаться, ни прилечь, как всё разом остановилось. Дверцы распахнулись, впустив свежий лесной воздух и далёкие шумы с дороги. Мы были на месте.

Так вот, я не дорассказал. Города в нашем понимании – это не только сами крепости (или их руины) и непосредственно примыкающие к ним жилые постройки. В черту того, что зовётся «городом», попадают также близлежащие деревни, которые составляют естественные районы, в отличие от настоящих деревень специализирующиеся на каком-нибудь отдельном ремесле: в одной деревне-районе преобладают охотники, в другой – рыболовы, в третьей – технари (бывшие кузнецы и им подобные), в четвёртой живут мастерицы шить, прясть и вязать одежду, в пятой – животноводы и так далее. Кто что лучше умеет делать, иначе говоря. Жители же «настоящей», родовой деревни вроде моей или Василикиной, занимаются всем подряд, кто во что горазд. В итоге, как вы можете догадаться, между деревенскими и городскими постоянно ведутся споры о том, кто лучше. Споры, разумеется, бессмысленные, поскольку очевидно, что качество продуктов отдельно взятого ремесла, конечно, лучше там, где им занимаются все, но зато я ответственно заявляю, что в деревнях мы гораздо ловчее, смекалистее и... ладно, не буду тратить время на несущественные для моей истории детали. Скажу только, что городские почему-то всегда считают, будто мы им завидуем. Уж если кому завидовать,

то таким семействам, как Нарди или Поджи. Они, точнее, их дома, представляют собой третью составную часть городской застройки. Потому что это даже не дома, а целые многоэтажные имения со своим самодостаточным хозяйством, возвышающиеся над садами и огородами, причём исключительно собственными, а не соседскими за неимением таковых. Никаких заборов вокруг, конечно, однако добраться до них кроме как по одной-единственной подъездной дороге проблематично, а иногда и опасно, поскольку можно нарваться на бдительных сторожей и связанные с этим неприятности. У Нарди таких поместий было аж три: в одном жили Гордиан с Тандри, в другом – родители с его младшими братом и сестрой, в третьем – упомянутый патернус Альберт Нарди, с кем – не знаю. По расстояниям между ними получалось, будто одна семья живёт всё равно что в разных деревнях, однако они оказывались в черте города, и считалось, что правила фольклера не нарушаются.

Я почти уверен, что в Кампе и Рару есть свои «Нарди», только едва ли нашим спутникам они были знакомы, если судить по тому откровенному восторгу, который охватил их при виде высоченного терема, колоннами на крыльце и флигелями напоминающего зубастого хищника, упершегося мордой в землю и с вытянутыми подковой лапами. Всё это было сложено из массивных дубовых брёвен, идеально выстругано и ярко раскрашено, что не бросалось в глаза ночью, но обязательно произведёт впечатление на постояльцев утром при солнечном свете. Я чувствовал, как Василика сильно сжимает мне руку. Мать Кукро забыла о своём недуге и громко восхищалась размахом жилья. Её муж помалкивал, вероятно, подсчитывая в уме, чего и сколько им бы пришлось продать, чтобы попытаться приобрести для сына нечто подобное. Один только Джон с невозмутимым видом помогал Гордиану выгружать наш багаж. Помотавшись по Европам и Америкам, он, наверняка, видывал постройки и похлеще.

– Куда вы поедите в такую темень? – обратилась к нему Тандри. – Сена вашим лошадам мы найдём, а вы сами отдохнёте хоть как следует. Оставайтесь.

– Нет, хозяйшка, – ответил Джон, передавая мне мой драгоценный – или злополучный – свёрток. – За приглашение оно, конечно, спасибо, но у меня на сегодня в вашем городке намечены кое-какие планы. Поэтому не стану вас стеснять. Счастливо оставаться.

С этими словами он пожал всем мужчинам руки, шепнул что-то на ухо Кукро, пружинисто запрыгнул обратно на козлы, и ставший нам чуть ли не родным зилот быстро покатило прочь. Про него все скоро забыли, поскольку настало время располагаться в доме. Гостям отвели две спальни на первом этаже. Хозяйская опочивальня находилась на втором. Нас с Василикой родственному поселили в левом флигеле, предоставив две комнаты. Нарди блюли традиции: не женаты – ночуйте отдельно. Формальности были соблюдены. Остальное целиком и полностью зависело от нас, поскольку во флигеле мы до утра будем одни. Тандри сказала, что покажет дом завтра, а пока готова угостить желающих отваром из трав с мёдом и пожелать спокойной ночи. Возражать никто не стал, поскольку день, проведённый сидя, утомил всех. Признаться, я тоже в тот момент больше всего мечтал о том, чтобы прилечь. Поэтому, убедившись в том, что Василика устроена и ни в чём не нуждается, и проверив лишний раз сохранность свёртка, сиротливо сложенного в углу, поспешно разделся, повалился ухом на подушку, кажется, натянул повыше одеяло и... проснулся. Накануне я забыл не только закрыть ставни, но и зашторить окно, отчего лучи восточного солнца безжалостно вспороли мой глубокий сон и настойчиво потянули прочь из постели. Вероятно, с Василикой произошло то же самое, поскольку, когда я умылся и выходил из общей ванной комнаты, она со словами «Привет, соня!» прошмыгнула из коридора мне за спину и щелкнула замочком. Я даже ответить не успел. В следующий раз я уже увидел её в гостиной, где к моменту моего появления закончился завтрак. Действительно, оказалось, что хоть меня и разбудило солнце, оно было далеко не утреннее, а почти дневное. Кукро ушёл в университет с кем-то там пообщаться на тему поступления. Его родители тоже собрались и готовы были отправляться на поиски квартиры. Они ещё раньше подобрали несколько вариантов, а теперь, когда нашли необходимые деньги, пришло время

принимать окончательное решение. Тандри и тут в долгу не осталась. Она подняла трубку стоявшего здесь же, в гостиной, телефона, попросила соединить её с номером некой Лоры Линч, подмигнула мне, а когда услышала на том конце голос подруги, поинтересовалась, не знает ли она какого-нибудь симпатичного жилища в виде дома или квартиры поближе к университету. Невидимая Лора, вероятно, сверилась со своими записями и сообщила (как мы потом узнали из уст Тандри), что да, есть, и дом, и квартира: квартира буквально на университет смотрит и располагается на втором этаже общественной кирпичной постройки; дом – чуть подальше, деревянный, но в отличном состоянии и, разумеется, попросторнее квартиры да ещё с участком практически готовым под огород. Потом последовало самое интересное для меня и полезное – для наших гостей: когда Тандри напрямик спросила о цене, Лора уточнила, будут ли покупки делаться от имени Нарди или кого-то ещё. Похоже, моя шустрая сестрёнка расклад знала, потому что, не моргнув глазом, пояснила, что Нарди. Надо знать наши порядки. Это вам не континентальное безобразие, когда упоминание известной фамилии моментально подбрасывает сумму сделки на порядок, а её обладатели часто этим даже бахвалятся. У нас всё наоборот: если ты известен, значит, заслуживаешь всяческой поддержки. Циники, полагаю, скажут, мол, само собой, а то кто бы иначе лез в сепсусы, фортусы и прочие патернусы, однако хочу их заверить в том, что это не так. Не нужно думать, будто подобные должности предполагают нечто схожее с должностями президентов, премьеров, архиепископов или пап. Когда у нас появился интернет, я несколько раз понаблюдал, как в разных странах выбирают руководителей государств и, мягко говоря, удивился тому, что тамошние граждане в массе своей верят в то, что участвуют в выборах. Особенно удручила меня Америка, где избирательная система устроена таким образом, чтобы победу одерживал нужный кому-то кандидат вне зависимости от количества голосующих за него людей. У последних создаётся ощущение, будто они высказали свою волю, однако эта воля остаётся на дне бутылки, а через узкое горлышко просачиваются те, на кого оказывают влияние совершенно другие механизмы. Даже не смешно. Смешно, что американцы этого не видят и не понимают. У нас подобного просто невозможно хотя бы в силу того, что наш фолькерул признает только открытое голосование. Тут уж нельзя ни смухлевать, ни подговорить. Тех, кого не знают, причём исключительно с лучшей стороны, никогда никуда не выберут. Поэтому, если ты, скажем, Нарди, тебя все знают и уважают и, соответственно, идут навстречу, потому что упомянуть потом при случае, мол, а я тут дом Нарди помогла присмотреть, почётно и выгодно: раз тебе доверились такие люди, видать, с тобой и правда можно иметь дело. Та же Лора Линч шла навстречу моей сестре хоть и из корыстных побуждений, но с правильным посылом. Одним словом, когда Тандри повесила трубку и назвала предложенные цены, стоявшие в дверях старики переглянулись, отец тяжело опустился на стул, а мать бросилась обниматься да целоваться, называя мою улыбающуюся сестру красавицей, спасительницей, волшебницей и много чем ещё. Оказалось, что если варианты этой самой Линч им подойдут, они смогут сэкономить не меньше трети заготовленной суммы. Я же тем временем размышлял о странностях технологического прогресса, позволивших мне накануне позвонить Кроули напрямую, просто набрав номер конторы на телефоне, установленном где-то в глубинке, а моей сестре, живущей в городе да ещё в доме столь продвинутого в технических вопросах мужа, просить кого-то её соединить. Ответа я не знал и никаких выводов тогда не сделал, ибо спохватился, потому что если Кроули мою просьбу выполнил, в чём я не сомневался, то родители уже сильно переживают по поводу моего отсутствия. Я резко засобирился, что не ускользнуло от внимания Василики. Каково же было моё приятное изумление, когда она сообщила мне, что Тандри уже обо всём успела позаботиться: оказывается, Кроули сам позвонил ей ещё рано утром и выяснил, что с нами всё в порядке. Моя совесть была спасена. Тем не менее, я счёл непозволительным злоупотреблять родственным гостеприимством, обнял сестру, пожал руку заглянувшему в гостиную Гордиану и сказал, что мы с Василикой отчаливаем.

– Не лучший вариант, – заметил Гордиан, поняв меня буквально. – На лошадках быстрее будет.

Вероятно, он по-прежнему считал меня юношей не слишком далёким и предположил, будто я собираюсь нанять в порту лодку, чтобы доплыть до нашей деревни. Присутствовавшая при нашем разговоре Тандри подошла к вопросу с практической точки зрения и велела Гордиану проводить нас в конюшню, где у них специально для таких целей была удобная повозка и обученный человек, он же конюх, он же кучер. Самой ей предстояло закончить с квартирными делами, а посему мы снова обнялись, на сей раз окончательно, и Гордиан безропотно выполнил поручение. Конюх оказался молодым пареньком, который всё сразу понял и мигом запряг послушную огненно-гнедую конягу с красивой рыжей гривой в легкую двухместную коляску на четырёх тонких колёсах. В утлый багажник мой свёрток не поместился, поэтому пришлось класть его под ноги. Прощание получилось довольно скомканным. Как мне показалось, Гордиан слегка стеснялся Василики. Он буднично пожелал нам счастливого пути, велел Альдору (так звали конюха) нигде не задерживаться, поскольку у них с Тандри были планы на вечер, закрыл за нами ворота и махнул рукой, правда, как истый фрисландец, не как на континенте, то есть не из стороны в сторону, а нам вдогонку, символично посылая попутный ветер. Ветер, разумеется, оказался встречным, однако я к нему привык, а Василика, только что покинувшая промозглый север, и вовсе наслаждалась, откинувшись на удобную спинку сиденья, заложив руки за голову и улыбаясь на небо.

– Давно на конюшне? – поинтересовался я у Альдора, чтобы он не чувствовал себя лишним.

– С детства, – оглянулся тот через плечо. – А, вы про работу?.. С весны. Коняшек люблю. У вашей сестры они какие-то все удачные, аж любо-дорого. Вон Бегунью возьмите: неделя как ожеребилась, а уже хоть бы хны, сама в хомут просится.

Я не уточнил, имеет он в виду ту самую лошадь, что сейчас тянула нашу коляску, или ту, чьё желание хомута так пока желанием и остаётся, поскольку задал вопрос, который занимал меня с того момента, как Тандри упомянула о конюшне:

– А почему вы не повезли их в Рару сами?

– Так они в самую Рару ездили! – откровенно изумился Альдор. – Не, я не в курсах. Мне говорят, я делаю. Не говорят – своими делами занимаюсь. Да и на чём бы я их в такую даль повёз?

– Разве это единственная коляска?

– Бричка-то? Нет, конечно. Ещё парочка есть. Но только далеко на них кататься не стоит. Летом ещё куда ни шло, а нынче, как я слышал, там уже заморозки по ночам, так что радость невеликая. Лучше не рисковать. Я бы сам тоже зилотом поехал.

В принципе, он, конечно, был прав. Если у тебя есть транспорт, совершенно необязательно, что ты будешь им пользоваться во всех случаях жизни. Хотя косвенно наш кучер подтвердил, что свою поездку моя сестра держала от окружающих в тайне.

– Как зовут твоих родителей?

Василика поменяла позу и теперь сидела прямо и так же прямо смотрела на меня.

– Хэмиш и Эрлина...

Она воспользовалась тем, что сейчас никто на нас не смотрел, притянула меня к себе за рукав и сладко поцеловала. А я тем временем всё мучился одной мыслью, которая не давала мне покоя вот уже второй день: стоит ли рассказывать ей о существовании Ингрид или положиться на авось. Родители всегда учили говорить правду, мол, так и правильнее и проще – не нужно постоянно что-то придумывать и выкручиваться. При этом явно сами этого правила придерживались не всегда. Значит, опыт жизни научил их, что иногда стоит слукавить. Если я сейчас слукавлю, сможет ли наша связь с Ингрид остаться для Василики тайной? Только если мы сразу же уедем жить к ней в деревню, чего я делать совершенно не намеревался. Значит,

правда скоро откроется. И вот тут-то и окажется, что лучше было признаться сразу, нежели оставлять на неопределённое потом, потому что тогда Василика решит, что раз я такой, мне нельзя доверять. Уф, кто бы мне помог с этим разобраться! Как вы думаете, что я сделал? Правильно, положился на авось.

Какой бы ни была вчерашняя дорога до Окибара, по сравнению с нашей её можно было назвать идеальной. Кроули который год бился со старейшинами за то, чтобы сделать проезд туристов до нашей конторы комфортным, однако постоянно чего-то не хватало, и в итоге коляску – простите, бричку – нещадно трясло и качало на ухабах. Пока удалось добиться лишь того, что было завезено достаточное количество гравия, так что дорога сделалась более или менее проездной в дождь. Василику это забавляло, она хохотала, один раз чуть не прикусила язык, зато можно было не искать повода обниматься и всячески нежничать, помогая друг другу не вывалиться наружу. Мне пришлось даже сделать мягкое замечание Альдору, чтобы он не так гнал.

Первыми, кого мы встретили на подъезде к деревне, были Льюв с сестрой. Ингрид узнала меня издали, радостно вскинула руку да так и застыла, заметив ту, что сидела рядом со мной и обнимала за плечи. Проехать мимо и не остановиться было невозможно. Альдор неохотно натянул удила, когда я его об этом попросил.

– По грибы? – поинтересовался я у своих друзей как можно более буднично.

– Грибы уже собрали, – заметил Льюв, откровенно рассматривая мою спутницу. – Как съездил?

Они ведь оба прекрасно знали, куда и зачем я еду, а Ингрид даже хотела отправиться вместе. Как чувствовала! Родители не пустили. Пожалуй, в душе я им за это был даже признателен, хотя...

– Превосходно! – Я решил спрятать свою растерянность за приподнятым настроением. – Шеф будет доволен. Новый маршрут открыл. Кстати, вот, познакомьтесь, Василика.

Я не знал, как её представить. Моя новая знакомая? Моя главная находка? Моя будущая жена? Когда не знаешь, что сказать, лучше не говорить ничего.

– А это мои хорошие друзья, о которых я тебе рассказывал. – Не помню, чтобы что-то про них вообще ей говорил, но она могла забыть, а у меня вырвалось машинально и, кажется, очень удачно. – Льюв и Ингрид, его сестра. Ты бы видела, как они мчат по горным стремнинам на нашем каяке!

– Я тоже пробовала, – будто не ощущая неловкости, подхватила Василика. Она перегнулась через меня и протянула руку новым знакомым. – Айнара Нурдли знаете?

Айнара Нурдли у нас на острове почитают, как героя. Ещё бы, призёр олимпийских игр в Мюнхене по горному слалому! Не все точно знают, где находится Мюнхен, но Нурдли – это Нурдли!

– Он давнишний приятель моего отца. Одно время меня учил. Говорил, я способная. Как-нибудь посоревнуемся, хорошо?

Я следил за лицами слушателей. Удар был явно ниже пояса. И не только потому, что задевал их самолюбие, поскольку Нурдли, своего кумира, они видели только издали, но и потому, что давал понять: моя спутница – девушка не робкого десятка и приехала, чтобы остаться всерьёз и надолго.

– Ну что, ехать будем? – напомнил о себе Альдор.

Я готов был его обнять. Мы наскоро попрощались и покатались дальше, благо оставалось каких-то два поворота и вот она, отчая деревня, по которой я неожиданно соскучился и которой сейчас слегка опасался.

– Эта Ингрид твоя девушка? – будничным тоном поинтересовалась Василика.

– В смысле? – прикрылся я фиговым листком удивления.

– Пока мы разговаривали, она на тебя даже не взглянула. Обычные друзья так себя не ведут. И угадала?

В её голосе не было напряжения, не было волнения. Она уже знала ответ и просто хотела, чтобы я сам его выложил. Мне оставалось прикинуться скользким угрём, которого инстинкт самосохранения заставляет сопротивляться из принципа, хотя судьба предрешена, а разделочный нож занесён.

– Я знаю её с детства. Мы дружим, я же сказал...

– Хорошо. Я поняла. Кажется, мы приехали.

Альдор притормозил на том месте, где раньше не было ничего, а теперь перед трактиром и нашей конторой образовалась небольшая площадь, как в маленьком городе, уже одним своим существованием демонстрирующая, кто здесь главный. Некоторые наши соседи даже умудрялись в хорошие дни выставлять тут свои самодельные прилавки, создавая ощущение рыночной суеты. Сегодня был один из таких дней. Я поблагодарил Альдора, пригласил его зайти перекусить, он поначалу даже замялся, но потом уверенно сказал, что ему пора и укатил восвояси. Мне же первым делом предстояло избавиться от не то драгоценной, не то просто тяжёлой ноши. Взвалив свёрток на плечо, я побрёл к приоткрытым дверям конторы, над которой с недавних пор висела красивая деревянная табличка, а на ней моей не слишком умелой рукой было вырезано: «Кроули-тур». Надпись получилась слегка кривоватая и, хотя старику понравилась, он всё-таки распорядился залить все буквы краской, чтобы стало поярче. Василика послушно шла сзади. Мне не терпелось показать её Кроули, точнее, пронаблюдать за реакцией, когда он её увидит. Ждать пришлось недолго: при нашем приближении хозяин конторы сам вышел на крыльцо, попыхивая трубкой. Я даже оторопел, потому что так шикарно он не одевался даже при посещении нас самыми именитыми гостями или когда сам ездил производить впечатление на старейшин. Похоже, Тандри основательно описала ему мой выбор, стоявший сейчас за моей спиной, и Кроули решил принарядиться. Чтобы ему подыграть, я не стал этим обстоятельством восхищаться, а оглянулся и потянул Василику к себе. В итоге получилось, что я обнимаю её за талию.

– Ну что, блудный сын, заходить будешь или прямиком к родителям?

Кроули медленно и красиво выпустил изо рта тучку дыма. Зажатой в кулаке трубкой он при этом постукивал о перила, что по моему опыту выдавало некоторое волнение.

– Дядя Дилан, познакомьтесь... – начал я.

– Подойди ко мне, милое создание, – распахнул руки Кроули, и мне только оставалось тихонько подтолкнуть девушку вперёд. – Ты ведь и есть та самая Василика, которая завладела сердцем моего юного друга?

– Та самая, – ничуть не смутившись, кивнула она, хитро зыркнув на меня и безропотно входя в стариковские объятия.

А я ещё с дуру переживал всю дорогу, как её тут примут. Кроули между тем любовался вблизи лицом своей новой знакомой и укладкой показал мне из-за её спины большой палец, после чего взял девушку за руку и повёл в контору демонстрировать наше процветающее хозяйство. Усадив Василику за стол и налив в качестве угощения полный стакан морковного сока, он как бы невзначай заметил, обращаясь ко мне, что, мол, через пару дней с большой земли должна пожаловать очередная группа и что мне долго расслабляться не придётся. Только сейчас он обратил внимание на свёрток, который я, плотно закрыв за собой дверь, осторожно сгрузил с плеча на пол.

– Твоя вторая по важности находка? – поинтересовался он.

– Можно и так сказать. Из-за неё мы и задержались. Точное из-за тех, кто хотел у нас её украсть.

– Не нужно никого пугать раньше времени, – вмешалась Василика, облизнув морковную губу. – Мы этого точно не знаем.

– Но догадываемся.

– Меня не так легко напутать, как кажется, – гордо заверил гостью Кроули и чинно подошёл ко мне. Я присел на корточки и развернул шкуру. – Что это?

– Главное, чтобы на это не попала вода. Похоже, эти железки работают как батарейка. Нас там в какой-то момент накрыл дождь, так оно таким разрядом долбануло...

– Ясно. Положим пока в чулане, а там видно будет. А это что?

– Шкура. Железка была в неё завернута. И всё это лежало в саркофаге с тяжелой крышкой.

Кроули пощупал кожу, осмотрел вышивку.

– Интересно.

– История того места ещё более интересна, – заверил я.

– А мне интересно, почему мой сын забыл поздороваться!

Мы не заметили, как дверь открылась и на пороге появилась моя мать собственной персоной. Вероятно, она видела наш приезд из окна трактира, не выдержала и решила нагрянуть сама. Несмотря на сердитый голос, глаза её улыбались. Мы обнялись. Василика торопливо встала из-за стола и подошла. Мать повернулась к ней, и мне показалось, что они смотрят друг на друга целую вечность. Наконец мать протянула руку, а когда Василика в ответ пожала её, вздохнула:

– И что ты только в нём нашла?..

Все рассмеялись. Начало знакомству было положено. Оказалось, что отец вот-вот тоже должен подойти. Вероятно, по сообщениям из уст Кроули они уже поняли, что с их сыном происходит нечто серьёзное, и заранее подготовились. Пока тот занимал обеих женщин разговорами, я под шумок сходил в чулан и припрятал там наше подозрительное сокровище. Заворачивать в шкуру не стал, свернул и положил её отдельно. Чулан, как водится в наших местах, не запирался, так что я завязал на память узелок, чтобы переговорить об этом с Кроули. Времена явно менялись, а потому глупо было ожидать прежних нравов.

Глядя на то, как моя мать воркует с Василикой, я невольно подумал об Ингрид, и мне стало её искренне жаль. Вот так же и она когда-то была принята в нашем доме, её любили и привечали, правда, Кроули, насколько я помню, вёл себя более сдержанно, а мать так часто не улыбалась. А сейчас она, ни в чём ровным счётом не повинная, брела где-то по лесу с братом, наверняка плакала, а он её утешал. Не помню, кто, но кто-то говорил, что, мол, нельзя строить своё счастье на чужом несчастье. Только как теперь это всё исправить?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.